

ИСТОРИЧЕСКАЯ РОССИЯ

ПРЕДЕЛ СЛУЖБЫ

Почему КГБ
не спас СССР

Александра Венглинская

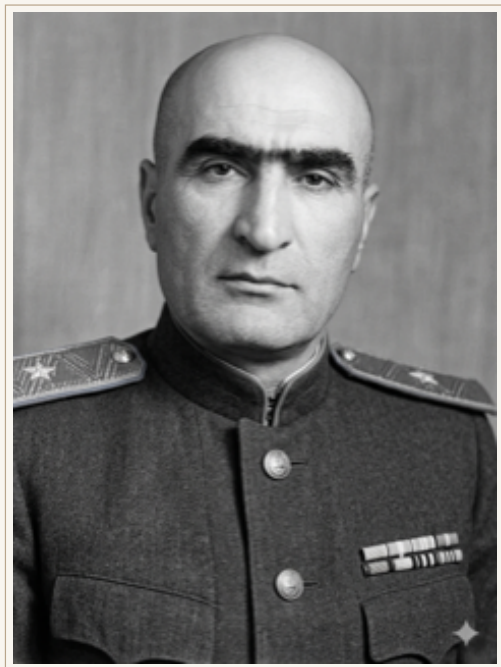
ПРЕДЕЛ СЛУЖБЫ

Почему КГБ не спас СССР

Разведывательные победы, разрушение государства
и ответственность руководства

Проект «Историческая Россия»

Читательское издание 4.8
30 сентября 2026 года

Памяти

генерал-майора государственной безопасности

**Георгия Иосифовича
Мартиросова**

и его стального поколения —

людей, чья верность Родине
оказалась прочнее государства,
которому они служили.

Аннотация

КГБ располагал выдающимися разведывательными и контрразведывательными возможностями. Почему они не обеспечили сохранения СССР? Книга прослеживает, как информация проходила путь к решению, как менялись интересы политического руководства и почему общий государственный приказ терял обязательность.

Разведывательные операции, хозяйственные преобразования, национальные кризисы и события августа-декабря 1991 года соединены через действия конкретных руководителей. Сравнительная глава проверяет пределы ведомственной силы на пяти случаях: ГДР, Румынии, Китае, Вильнюсе и Риге. Матрица «не мог / не сумел / не захотел / содействовал» позволяет устанавливать ответственность по одному эпизоду и применять этот способ к сложным организациям.

Книга предназначена для аналитиков, управленцев, офицеров, преподавателей и читателей истории спецслужб. Полное издание содержит развёрнутый справочный аппарат; читательское сохраняет основной аргумент, документальные сюжеты и источники.

Оглавление

Введение. Служба, которая знала, и власть, которая решала	7
Глава 1. Что именно должен был защищать КГБ	12
Глава 2. Победы КГБ: внешняя разведка и контрразведка в холодной войне	15
Глава 3. 1953–1984: как политическое руководство контролировало контролёра	29
Глава 4. Внешний противник: стратегия давления и работа на внутреннее ослабление СССР	38
Глава 5. Союзная и республиканская элита: от распоряжения к собственности	50
Глава 6. Производство, снабжение и дефицит: кто нарушал хозяйственные связи	60
Глава 7. НТТМ и МЕНАТЕП: денежные ограничения и новые хозяйственные интересы	75
Глава 8. Государственное имущество перед разделом: аренда, внешняя торговля, совместные предприятия	85
Глава 9. Технологии и экономическая безопасность: разведывательная добыча и утрата собственного потенциала	95
Глава 10. Идеологический разворот: кто менял смысл существования государства	102
Глава 11. Печать, телевидение и интеллектуальная среда: изменение государственной информационной политики	109
Глава 12. Привилегии и доверие: почему контроль не обеспечил общих правил	115
Глава 13. Алма-Ата, декабрь 1986 года: первый кризис перестроенного национального курса	120
Глава 14. Карабах, Сумгаит, Баку: кто отказал гражданам в защите	128

Глава 15. Тбилиси, Фергана, Ош, Прибалтика: повторявшиеся решения и разные результаты	139
Глава 16. Руководство Комитета: кадровые группы, политические связи и изменение лояльности	146
Глава 17. Филипп Бобков. Идеологическая контрразведка и политическое влияние	152
Глава 18. Филипп Бобков. От руководства КГБ к группе «Мост»	158
Глава 19. Партийное хозяйство и интересы руководителей госбезопасности	161
Глава 20. Кадровый ресурс и утрата общего государственного заказчика	165
Глава 21. Два центра власти: суверенитет, союзный бюджет и неисполненный мандат	168
Глава 22. Пять кризисов: приказ, подчинение и государство	180
Глава 23. Август 1991 года: инициатива Крюкова и поражение руководства КГБ	199
Глава 24. Раздел КГБ: кто лишил Союз общего инструмента защиты	214
Глава 25. Декабрь 1991 года: государство прекращают те, кто должен был его сохранять	228
Заключение. Почему КГБ не спас СССР	248
Приложение 1. Хронология решений и переломов	252
Приложение 10. Причины и развилки: как можно проверить объяснение	256
Приложение 11. Матрица ответственности: рабочая карта	266
Примечания и источники	268
О полном издании	293

Введение. Служба, которая знала, и власть, которая решала

8 декабря 1991 года. В Беловежской пуще руководители России, Украины и Белоруссии подписывают соглашение: Советский Союз прекращает существование. В тот же день Борис Ельцин по телефону сообщает об этом президенту США Джорджу Бушу. Согласно американской записи разговора, Михаил Горбачёв ещё не знает результата встречи.^{1,2}

Президент СССР остаётся в Москве. Существует Конституция, в марте большинство участников всесоюзного референдума проголосовало за сохранение обновлённого Союза. Продолжают работать войска, разведка, правительственная связь. И всё же решение о прекращении государства уже принято за пределами его центральных учреждений.

Союзный КГБ упразднён законом за пять дней до этой встречи. Профессиональные возможности распределены между службами-преемниками. Вооружённые люди и секретная информация остаются; общий государственный центр теряет власть над их применением.³

В этой последовательности заключён вопрос книги. Почему государство, имевшее одну из сильнейших разведывательных и контрразведывательных систем мира, оказалось неспособно защитить собственное существование?

Ответ начинается раньше декабря. Перед последней подписью были годы решений о деньгах, предприятиях, партийной власти, национальных конфликтах и подчинении силовых учреждений. Служба получала сведения о части этих процессов и предупреждала об угрозах. Её руководители участвовали в политическом управлении. Иногда они действовали, иногда ожидали, иногда

принимали новый порядок. В августе 1991 года председатель КГБ Владимир Крючков попытался изменить ход событий через ГКЧП. Попытка провалилась и ослабила тот центр, который её участники намеревались сохранить.

Эта книга адресована прежде всего людям, которые отвечают за сложные организации: аналитикам, управленцам, офицерам, преподавателям и исследователям. История КГБ даёт им способ проверить, где знания перестают влиять на решение и как ответственность за результат растворяется между инстанциями. Исторический читатель найдёт здесь разведывательные операции, политические развилки и людей, которым пришлось выбирать в условиях распада власти.

Читательский договор прост. Сначала — событие и действующий человек. Затем — сведения, которыми он располагал, доступные полномочия и сделанный выбор. Наконец — результат и граница ответственности. Книга позволяет отличить невозможность от неумения, отказ от участия. Она предлагает аргумент, который можно проверить по источникам.

У расследования есть рабочая цепочка: **сведения → оценка → доклад → предложение → решение → исполнение.** На каждом переходе появляется свой вопрос. Получена ли информация вовремя? Увидели ли в ней системную угрозу? Дошёл ли вывод до того, кто имел право действовать? Было ли предложено осуществимое решение? Кто его утвердил? Что произошло после приказа? Отдельно проверяются обратная связь и исправление ошибки. Одностраничная матрица в Приложении 11 позволяет применять эту логику к государственному учреждению, производственному проекту или компании.

Победы внешней разведки делают исходный парадокс острее. Блейк передал замысел берлинского тоннеля ещё до его запуска. Источники в американских спецслужбах и военно-морской системе обеспечивали доступ к защищённой информации. Контрразведка прекращала

опасные утечки. Такой аппарат умел проникать в чужие секреты, сохранять людей и вести многолетнюю работу. Его достижения требуют признания по собственному результату.^{4,5,6}

Внутри страны объект угрозы становился сложнее. Опасное для государственного единства решение могло исходить от власти, утверждавшей задачи самой службы. Законное изменение хозяйственных правил создавало новые интересы, а борьба за доходы превращалась в борьбу за суверенные полномочия. Противодействовать иностранной операции и возражать собственному политическому начальству — разные виды профессионального и личного риска.

Внешнее давление при этом существовало. Американская директива NSDD-75 соединяла сдерживание СССР с воздействием на его внутреннее развитие. В книге прослеживаются и зарубежные инструменты, и самостоятельные решения советских руководителей. Различение этих уровней позволяет установить участников, вместо того чтобы оставить ответственность без адреса.⁷

Далее аргумент движется по нарастающей. Сначала выясняется, какие возможности имела служба и как её подчинили политическому центру. Затем — как менялись хозяйственные стимулы и общественное доверие. Национальные кризисы показывают цену ошибки для людей, которым государство обязано было дать защиту. Главы о руководителях соединяют информацию и действие на персональном уровне. Заключительные главы возвращают нас к августу и декабрю: там решение о государстве меняет принадлежность самих инструментов его защиты.

Глава 22 сравнивает ГДР, Румынию, Китай, Вильнюс и Ригу по пяти переменным: единству решения, полномочиям субъекта приказа, командованию силами, источнику признания власти и управлению после действия. Китай здесь показывает роль партийно-военной коалиции; Вильнюс и Рига проверяют пределы советских операций

внутри того же кризиса. Сопоставление помогает отделить занятие объекта от восстановления государственного управления.

Основная гипотеза книги такова: **КГБ не спас СССР, потому что его руководство не сумело соединить предупреждение об угрозе с законным общесоюзным решением, обеспеченным командованием и политической поддержкой.**

Предмет книги — провал общесоюзной защиты со стороны КГБ. Его ближайшая причина — разрыв между сведениями, политической задачей, исполнением и управлением после действия. Причины этого разрыва прослеживаются в решениях: создании конкурирующих политических мандатов, передаче контроля над имуществом и доходами, изменении партийно-государственных правил без устойчивого переходного порядка, выборе руководителями службы собственных методов действия. Хозяйственные трудности, национальные конфликты и внешнее давление усиливали кризис и ограничивали выбор. Такое разделение позволяет объяснять механизм, вместо того чтобы называть сам распад его причиной.

В декабре законный президент СССР ещё существовал. Утрачена была способность соединить его полномочия с общим командованием и устойчивой политической поддержкой исполнения. К концу 1991 года в рассмотренных эпизодах не видно участника, который располагал всеми тремя элементами одновременно. В более ранние периоды возможности центра были шире. Поэтому вопрос о последнем приказе возвращает нас к решениям, после которых этот приказ переставал обеспечивать общий результат.

Приложение 10 начинает разбор альтернатив со сводной таблицы. В ней есть прямое «да» для доступного собственного действия руководителя и отдельная оценка влияния на исход. Добиться рассмотрения угрозы, предложить конструкцию и отказаться от личного участия в избранном вмешательстве было возможно. Сохранение федерации требовало решений и средств более широкой коалиции. Сравнительная глава проверяет эти переходы по пяти случаям, включая два внутренних советских эпизода.

Источники, разногласия свидетельств и правила проверки вынесены в справочный аппарат. Где документ обрывается, вывод также имеет предел. Эта дисциплина позволяет говорить прямо о доказанном действии и сохранять открытым вопрос о том, для чего свидетельств пока недостаточно.

Глава 1. Что именно должен был защищать КГБ

В декабре 1991 года офицер мог продолжать охранять тот же объект, пользоваться той же связью и видеть рядом тех же сослуживцев. Государство, от имени которого он исполнял обязанность, уже менялось. Чтобы понять этот разрыв, нужно сначала установить, что защищал КГБ и кто имел право определять его задачи.

Государство, руководство и служба

Смысл существования органов государственной безопасности определяется объектом защиты. Для советской службы им являлось государство: его независимость, территория, оборона, жизненно важные хозяйственные возможности и установленный политический строй. Но повседневные задачи служба получала от руководителей, которые принимали решения от имени государства. Пока цели руководства и сохранение страны совпадали, это различие могло оставаться незаметным. При расхождении целей оно становилось определяющим.

Конструкция подчинения выражена в документе **9 января 1959 года**. Президиум ЦК КПСС одобрил проект положения о КГБ при Совете Министров СССР и его органах на местах. В нём Комитет определялся как политический орган, осуществляющий мероприятия Центрального комитета партии и правительства. Работа КГБ ставилась под непосредственное руководство и контроль ЦК КПСС. Председатель и его заместители проходили партийное утверждение; номенклатурные назначения и перемещения также зависели от соответствующих партийных решений.⁸

Таким образом, руководство партии участвовало сразу в трёх связанных процессах: определяло политический курс,

направляло его защиту и влияло на служебное положение тех, кто эту защиту осуществлял. Для сотрудника возникала сложная ситуация, если опасность исходила от решения, объявленного частью официального курса. Требовалось поставить под сомнение действия той инстанции, через которую проходили постановка задачи и оценка результата.

Из этого не следует, что КГБ был лишён профессиональной самостоятельности. Самостоятельность существовала при выборе оперативных способов, проверке сведений, ведении разработки, подготовке оценок. Но возможность добыть информацию и возможность изменить государственную политику находились на разных уровнях власти.

Этим объясняется принципиальное различие между двумя ситуациями. В первой выявлен сотрудник, передающий секреты иностранной разведке. Есть установленный предмет посягательства, конкретная связь и предусмотренная законом процедура. Во второй руководство меняет хозяйственные правила, последствия которых ослабляют государство. Для оценки требуется свести вместе экономический результат, политическую мотивацию и действия нескольких органов. Само разрушительное последствие ещё не определяет уголовную квалификацию; оно, однако, уже создаёт основание для профессионального предупреждения угрозы.

Предел компетенции не отменял обязанности видеть происходящее. Он определял доступные способы воздействия. Здесь начиналась ответственность руководителей КГБ: какое заключение подготовлено, насколько точно названа опасность, кому оно направлено и каких мер добивалось ведомство.

Закон 1991 года: обязанность была названа прямо

16 мая 1991 года был принят Закон СССР № 2159-I «Об органах государственной безопасности в СССР». Его первая статья относилась к назначению органов защиты суверенитета, территориальной целостности, экономического, научно-технического и оборонного потенциала. Статья 2 включала обеспечение высших государственных органов информацией по вопросам безопасности, социально-экономического развития и внешнеэкономической деятельности.⁹

Документ появился на поздней стадии кризиса. Его нельзя механически применять как правовое основание действий 1987 года. Но для весны и лета 1991-го он даёт точную точку отсчёта: охрана экономического потенциала и общей государственности прямо входила в законодательно определённое назначение службы.

Тот же закон устанавливал требования законности и соблюдения прав граждан. Следовательно, защита СССР не означала неограниченного права КГБ заменить собой остальные органы власти. Необходимо было использовать государственные институты, добиться принятия и исполнения решений, пресекать конкретные преступления в пределах полномочий. Проблема последних месяцев Союза состояла также в том, что эти институты вступали в конфликт между собой.

Это различие существенно для оценки августовских событий. Само обладание специальными подразделениями не давало руководству КГБ способности решить вопрос о власти. Военная или оперативная возможность приобретает государственный смысл лишь внутри определённой политической цели, правового основания и системы исполнения. Срыв одного звена способен обесценить остальные.

Глава 2. Победы КГБ: внешняя разведка и контрразведка в холодной войне

Блейк: противник строит тоннель, Москва знает замысел

ЦРУ и британская разведка готовят подключение к советским линиям связи в Берлине. Для доступа к кабелям строят подземный тоннель. Внутри британской службы работает Джордж Блейк. Он сообщает советской стороне о замысле ещё на стадии подготовки. Когда в 1955 году начинается прослушивание, предупреждение уже получено.⁴

Руководству КГБ приходится выбирать. Немедленное прекращение операции защищает связь, но может поставить под угрозу источник. Сохранение Блейка оставляет противнику время для добывания сведений. По официальной истории ЦРУ, советская сторона выбрала сохранение источника. В апреле 1956 года тоннель обнаруживают; обстоятельства открытия представляют как результат ремонта повреждённых коммуникаций.⁴

Американская сторона признаёт, что замысел был раскрыт заранее, и одновременно считает значительную часть полученных сведений подлинной. У этой операции два результата: исключительный успех советского проникновения в планирование противника и цена ожидания с прекращением прослушивания.

Именно выбор делает историю профессионально интересной. Разведка имела информацию вовремя, могла оценить альтернативы и действовала ради определённого приоритета. За решением стояли источник, руководство операции и понятная цель. Позднее, внутри собственного политического кризиса, собрать такую же последовательность оказалось гораздо труднее.

Уокер: доступ к защищённой связи

В 1967 году специалист военно-морской связи США **Джон Энтони Уокер** пришёл в советское посольство в Вашингтоне с материалами, позволявшими читать зашифрованные сообщения. Сотрудничество продолжалось до его ареста **20 мая 1985 года**. В сети участвовали его брат **Артур**, сын **Майкл** и сослуживец **Джерри Уитворт**.¹⁰

Значение источника определялось характером доступа. Отдельное донесение сообщает один факт. Материалы шифрованной связи позволяют получать множество сообщений, создаваемых независимо от самого источника. В официальной ретроспективе ФБР дело Уокера связывается с компрометацией **не менее миллиона секретных сообщений** за более чем семнадцать лет. Это оценка масштаба утечки, приведённая американской контрразведкой.¹¹

Для советской стороны такой доступ расширял возможность понимать деятельность военно-морской системы противника. Его значение не ограничивалось знанием отдельного приказа: сопоставление сообщений позволяло видеть связи между подразделениями, порядок действий и изменения обстановки. Реальная ценность зависела от содержания конкретного перехвата, но сама продолжительность доступа являлась исключительным результатом.

Работа не закончилась, когда Уокер утратил первоначальное служебное положение. Сеть обеспечивала продолжение поставки материалов через других участников. Это показывает, почему крупная агентурная операция представляет собой организацию, а не только биографию одного человека.

Первый шаг сделал сам Уокер. Советская заслуга заключалась в том, что его предложение стало устойчивым источником на протяжении значительной части холодной войны. Для этого требовались специалисты по агентурной работе, технической оценке и обработке получаемых

материалов. Профессиональная система сумела использовать благоприятную возможность в государственном масштабе.

Огородник: сведения извне, действие внутри страны

История **Александра Огородника**, сотрудника МИД СССР, показывает соединение внешней разведки и внутренней контрразведки. ЦРУ завербовало его в Южной Америке в **1973 году**, присвоив псевдоним **TRIGON**. После возвращения в Москву в **октябре 1974 года** его доступ расширился: он получил возможность передавать секретные материалы о советской внешней политике.¹²

В опубликованной ЦРУ истории первоначальное сообщение, приведшее к разоблачению, связывается с **Карлом Кёхером**, работавшим переводчиком и контрактным сотрудником американского ведомства. Кёхер сотрудничал с чехословацкой разведкой; по версии ЦРУ, полученные сведения были переданы КГБ.¹² Виктор Черкашин называл другой исходный канал: сообщение агента советской внешней контрразведки из числа местных полицейских о контакте советского дипломата с ЦРУ. Свидетельства расходятся в происхождении первого сигнала; последующее выявление и задержание Огородника относятся к работе КГБ.¹³

После ареста Огородника американская сторона некоторое время не знала о потере агента. **15 июля 1977 года** сотрудница ЦРУ **Марта Петерсон** была задержана КГБ у тайника на Краснолужском мосту. Затем её объявили персоной нон грата и выслали из СССР.¹²

Для оценки профессионального результата существенна вся цепочка. Сведения об агенте пришли через взаимодействие служб. На советской территории они были превращены в оперативное действие. Противник утратил канал получения дипломатической информации, а его сотрудник был задержан в ходе конкретной операции.

Иностранный источник не уменьшает значения контрразведывательного результата. Получать предупреждения из разных каналов и доводить их до прекращения враждебной деятельности — одна из основных задач службы. В этом деле система сумела соединить информацию и исполнение.

Эймс: удар по американской агентуре

16 апреля 1985 года сотрудник советско-восточноевропейского подразделения ЦРУ **Олдрич Эймс** предложил сотрудничество КГБ через посольство СССР в Вашингтоне. Вскоре он получил **50 тысяч долларов**. Эти исходные обстоятельства зафиксированы в официальном изложении ФБР.⁵

Решающая передача состоялась **13 июня 1985 года**. Согласно докладу специального комитета Сената США по разведке от **1 ноября 1994 года**, Эймс передал через советского дипломата **Сергея Чувахина** документы, позволявшие установить более десяти особо ценных источников ЦРУ и ФБР, сообщавших сведения о Советском Союзе.¹⁴

Масштаб определяется положением источника. Эймс обладал доступом к информации о людях, которых американские службы считали своей наиболее закрытой агентурой. Советская сторона получила возможность обнаружить проникновения в собственные учреждения, установить характер утечек и пересмотреть доверие к ранее защищённым лицам.

Заместителем резидента ПГУ в Вашингтоне в **1979-1986 годах** служил **Виктор Черкашин**, представлявший направление внешней контрразведки. В интервью он описывал работу внешней контрразведки как защиту советских учреждений и сотрудников за рубежом от проникновения иностранных служб. Его свидетельство показывает задачи подразделения, в котором обрабатывались подобные предложения о сотрудничестве;

результат дела Эймса подтверждают американские документы.¹³

Эймс продолжал передавать сведения после перевода в Рим в **1986 году**, а затем после возвращения в Вашингтон в **1989-м**. ФБР арестовало его **21 февраля 1994 года**. Последние годы сотрудничества относятся уже к российской разведке. Для нашего исследования существенен предшествующий факт: СССР прекратил существование в период, когда источник внутри ЦРУ ещё сохранялся.⁵

Это была крупная победа советской разведки и внешней контрразведки. Её непосредственный результат — раскрытие важных элементов американской агентурной сети. Из этого результата, однако, не следует обладание всеми планами Вашингтона. Источник даёт доступ к определённой информации, даже если она исключительно ценна. Конкретность доступа позволяет оценить успех без превращения его во всеведение.

В деле Эймса опорная дата передачи большого массива сведений — 13 июня 1985 года. Его вклад в раскрытие агентуры следует сопоставлять с сообщениями других источников по персоналиям и эпизодам: несколько донесений об одном агенте не образуют несколько разоблачённых агентов.¹⁵

Ханссен: источник в самой контрразведке

Вторая исключительная агентурная позиция находилась в **ФБР** — ведомстве, которое должно было выявлять советских разведчиков на территории США. **Роберт Ханссен** обладал доступом к секретным контрразведывательным материалам. В **октябре 1985 года** он предложил сотрудничество КГБ и до конца **1991 года** передавал сведения о наиболее чувствительных направлениях американской работы против СССР.¹⁶ Черкашин свидетельствовал, что первое предложение Ханссена поступило письмом на его имя как заместителя резидента.¹³

Доклад генерального инспектора Министерства юстиции США от **14 августа 2003 года** разделяет его деятельность на три периода: **1979-1981, 1985-1991 и 1999-2001 годы**. В первом случае Ханссен работал с **ГРУ**, во втором — с **КГБ**; последний период относится к российской службе. Заслуги разных ведомств и этапов необходимо учитывать отдельно.¹⁶

Для КГБ особенно ценны были сведения о советских сотрудниках, сотрудничавших с американцами, о ходе расследований и о технических операциях. В докладе названы **Сергей Моторин** и **Валерий Мартынов**. Материалы Ханссена частично перекрывались со сведениями Эймса, но поступали из другого учреждения и позволяли видеть деятельность противника с иной стороны.¹⁶

Такое сочетание источников давало преимущество проверки. Когда сведения из ЦРУ и ФБР сходятся, появляется возможность сопоставить версии, определить уровень осведомлённости каждого ведомства и обнаружить то, что не видно из одного кабинета. Для контрразведки это имеет самостоятельную ценность: противник сам проверяет людей и операции, а источник сообщает результаты этой проверки.

Ханссен был арестован **18 февраля 2001 года**. ФБР впоследствии назвало его самым разрушительным для ведомства шпионом в своей истории. Эта оценка относится к совокупности периодов его деятельности. Она подтверждает значение доступа, но не позволяет приписать весь последующий ущерб только советскому этапу.⁶

Эймс и Ханссен наглядно показывают, что в годы перестройки служба сохраняла способность получать информацию из самых закрытых центров противника. Их наличие не заменяло самостоятельного анализа положения СССР, но создавало для него важнейшие информационные возможности. Поэтому объяснять поражение страны исключительно отсутствием разведывательного доступа невозможно.

Толкачёв: остановить утечку из оборонной науки

Адольф Толкачёв передавал американской разведке сведения о советской военной электронике. Его доступ затрагивал авиационную радиолокацию, вооружение и другие направления оборонных разработок. Регулярные личные контакты с ЦРУ установились в **1979 году**; в **июне 1985-го** он был арестован.¹⁷

В исследовании **Барри Ройдена**, опубликованном в журнале ЦРУ *Studies in Intelligence* в **2003 году**, разоблачение связывается прежде всего со сведениями бывшего сотрудника ЦРУ **Эдварда Ли Ховарда**. Автор также рассматривает передачу имени Толкачёва Эймсом. Точная последовательность ранних сообщений в открытом изложении полностью не восстановлена.¹⁷

Для советской обороны прекращение такой утечки имело прямое значение. Документация по радиолокации и системам вооружения позволяет противнику лучше понимать характеристики техники и искать способы противодействия. Поэтому контрразведывательная защита научного учреждения является частью защиты будущей

боеспособности, а не только соблюдением режима секретности.

Результат дела состоит в прекращении многолетней передачи информации. Первоначальный прорыв обеспечили сведения с американской стороны. Их использование, установление обстоятельств и задержание агента составляли работу советской службы. Разведывательное проникновение и контрразведывательное действие здесь дополняли друг друга.

Цена позднего обнаружения также очевидна: значительный объём сведений уже находился у противника. Остановка утечки не возвращает прежнюю секретность. Возникает следующая задача — оценить ущерб и изменить то, что оказалось раскрыто. Поэтому профессиональный успех в июне 1985 года одновременно указывает на серьёзную уязвимость предшествующих лет.

Сведения Ховарда и Эймса показывают значение источников в иностранных спецслужбах для советской контрразведки. Такой способ получения информации был профессиональным достижением; полнота результата зависела также от проверки сообщений и времени, необходимого для пресечения работы противника.¹⁵

Инженерная операция: шестнадцать пишущих машинок

Агентурные дела не исчерпывают возможностей службы. История советских устройств в американских пишущих машинках показывает самостоятельный технический уровень.

В исследовании историка АНБ **Шэрон Манеки «Learning from the Enemy: The GUNMAN Project»** описано обнаружение **16 устройств** в машинках **IBM Selectric II и III**, использовавшихся американскими дипломатическими учреждениями в Москве и Ленинграде. Первое устройство американские специалисты нашли **23 июля 1984 года**. Модифицированные машинки поступали в

представительства с **октября 1976-го по январь 1984 года.**¹⁸

Обнаруженные устройства относились к **пяти разновидностям, или поколениям.** Они регистрировали изменения магнитного поля, связанные с работой печатающего механизма, и передавали информацию по радио. Таким образом, целью был текст в момент его набора. В книге Манеки подчёркивается сложность советского инженерного решения; точный состав всей перехваченной информации установить не удалось.¹⁸

Значение операции понятно без технической экзотики. Защищённая передача документа не помогает, если содержание получено раньше, в месте его создания. Для реализации такого подхода требовались исследование механизма машинки, разработка компактной электроники, обеспечение питания, передача сигнала и сохранение обычной работоспособности оборудования.

Пять поколений устройств указывают на развитие решения во времени. Это работа конструкторов, исследователей и оперативных сотрудников, соединённых общей задачей. Государственная безопасность располагала возможностью ставить нестандартную техническую задачу и доводить её до применения в защищённом учреждении противника.

Такой результат важен и для оценки советского научно-технического потенциала. Он показывает собственную инженерную компетенцию службы. Получение чужой технологии и создание собственного специального средства — разные направления, и оба присутствовали в её деятельности.

Научно-техническая разведка: выигранное время

Противостояние шло также за сроки создания новых образцов вооружения, освоение производства и доступ к технологическому оборудованию. Здесь разведывательный результат приобретал материальную форму, когда поступившая информация использовалась научной организацией или промышленностью.

В американском межведомственном меморандуме **«The Technology Acquisition Efforts of the Soviet Intelligence Services»**, согласованном **25 мая 1982 года**, советская деятельность описана как организованная, централизованно направляемая программа. В выводах признаётся, что получение западной военной технологии и промышленного оборудования сэкономило советскому оборонному комплексу время и ресурсы. Документ рассматривает советские спецслужбы и их партнёров в совокупности; все приведённые в нём результаты нельзя автоматически записывать на счёт одного КГБ.¹⁹

Содержание заслуги при этом вполне определённо. Если решение уже найдено за рубежом, сведения о нём могут уменьшить число тупиковых вариантов, уточнить параметры собственного проекта или показать направление исследований противника. Полученный образец помогает понять практическую реализацию идеи. Документация позволяет сопоставить заявленные и достигнутые характеристики.

Такой выигрыш особенно важен в условиях ограничений на поставку оборудования и передачи технологий. Разведка сокращает неопределённость и время поиска, поддерживая работу собственного научно-промышленного комплекса. Вклад следует измерять применением полученных материалов, а не только количеством доставленных документов.

Но производственный результат требует другой, значительно более широкой системы: подготовленных

специалистов, материалов, оборудования, организации изготовления и контроля качества. Разведка может доставить сведения. Она не способна одной операцией создать отсутствующую технологическую дисциплину или восстановить разорванную кооперацию предприятий.

Это обстоятельство напрямую связывает главу с дальнейшим разбором хозяйственного разрушения. Можно успешно получать информацию о технологиях противника и одновременно терять способность использовать собственный промышленный потенциал. Разведывательное достижение сохраняется, а его государственная отдача сокращается по причинам, находящимся уже в управлении экономикой.

Портленд: секреты британского подводного флота

В 1950-е годы КГБ поддерживал действующий канал получения секретных материалов из британского центра подводных разработок в Портленде. **Гарри Хоутон и Этель Джи**, работавшие в этом учреждении, на протяжении нескольких лет передавали документы **Конону Молодому** — советскому разведчику-нелегалу, действовавшему под именем канадского предпринимателя **Гордона Лонсдейла**. Его принадлежность к КГБ, состав сети и регулярность передачи сведений подтверждает сама МИ-5 в публикации рассекреченных материалов дела.²⁰

Содержание добычи относилось к военно-морским разработкам, включая британскую программу атомных подводных лодок. Именно такой предмет утечки назван в материалах лондонского Музея науки, подготовленных к показу рассекреченных документов и изъятой разведывательной техники. Это был доступ к защищённой научно-технической информации одного из главных военно-морских участников НАТО.²¹

Для оценки результата важна организация всей работы. Источники в учреждении обеспечивали документы,

резидент принимал и передавал их дальше, а **Моррис и Лона Коэн**, жившие под именами Питера и Хелен Крогер, поддерживали связь с Москвой. МИ-5 описывает их дом в Райслипе как центр передачи добытых секретов. Обычная коммерческая деятельность служила прикрытием самостоятельной разведывательной сети, работавшей вне дипломатического учреждения.²⁰

Военное значение такого доступа определяется предметом противоборства. Для подводного флота сведения о возможностях противника помогают оценивать угрозы собственным кораблям и направления чужих разработок. Получение закрытой документации сокращает неопределённость, которую нельзя устранить одним наблюдением за учениями или открытыми публикациями. Это аналитическое значение добычи; точный эффект каждого документа для советского проекта требует отдельного производственного подтверждения.

В январе 1961 года сеть была раскрыта, её участники арестованы. Этот исход стал успехом британской контрразведки, но не отменил предшествовавшего многолетнего поступления военно-морских секретов в СССР.^{20,21} Результат КГБ здесь конкретен: проникновение в закрытое оборонное учреждение и организация устойчивой доставки его материалов. Нелегальная разведка предстает работающей системой получения военной информации.

Прайм: источник внутри британской радиоэлектронной разведки

Джеффри Прайм работал в британском Центре правительственной связи — **GCHQ** — с **1968 по 1977 год**. По официальному сообщению британского правительства, в этот период и вплоть до **ноября 1981 года** он передавал советской стороне значительный объём своих знаний о радиоэлектронной разведке. **12 мая 1983 года**, представляя результаты расследования Комиссии по безопасности, правительство признало, что раскрытие этих сведений причинило исключительно тяжёлый ущерб Великобритании и её союзникам.²²

МИ-5 прямо связывает работу Прайма с КГБ и называет его, вероятно, наиболее важным британским агентом этой службы в 1970-е годы. В её историческом обзоре отмечено существенное организационное обстоятельство: контакты с ним осуществлялись за пределами Великобритании. Поэтому массовая высылка советских разведчиков в ходе операции FOOT не прервала этот канал.²³

Объект проникновения имел особую ценность. GCHQ добывал сведения средствами радиоэлектронной разведки и обеспечивал безопасность британской военной и правительственной связи. КГБ получал информацию изнутри самой системы, которая изучала иностранные коммуникации. В отличие от доступа к отдельному сообщению, такой источник мог раскрывать знания и возможности разведывательного аппарата противника. Значение имела осведомлённость о том, как противник добывает информацию, а не только о содержании очередного донесения.

Прайм сохранял допуск после **четырёх проверок благонадёжности** — в **1968, 1973, 1974 и 1976 годах**. Ни одна не поставила его надёжность под сомнение. Эти обстоятельства изложены в правительственном сообщении по итогам расследования.²² Для КГБ результат заключался в длительном сохранении источника внутри особо

защищённой службы. Устойчивость контакта подтверждалась и тем, что работа не зависела от обычного присутствия советских разведчиков в стране.

Подробная оценка ущерба осталась в закрытых приложениях комиссии. Поэтому приписывать Прайму передачу всех британских шифров или полное раскрытие каждой операции GCHQ оснований нет.²² Достаточен установленный масштаб: многолетний доступ к одной из ключевых служб западного разведывательного сообщества и признанный её правительством тяжёлый ущерб. Вместе с материалами Уокера, Эймса и Ханссена этот случай показывает способность КГБ проникать одновременно в военную связь, агентурные сети и аппарат контрразведки противника.

Предел объяснительной силы этих побед

Эти победы были реальным вкладом КГБ в безопасность СССР и опровергают тезис о полной профессиональной несостоятельности службы. Но разрешение хозяйственного и федеративного кризиса требовало политических решений, ресурсов и обязательного исполнения. Разведывательная информация могла помогать общему управлению, а не заменять его. Качество внутренней работы и выбор руководителей оцениваются отдельно.

Глава 3. 1953–1984: как политическое руководство контролировало контролёра

Смена руководителя государства каждый раз ставила перед органами безопасности практический вопрос: кто теперь распоряжается аппаратом? В 1953–1954 годах ответ закрепили организационно. Последующие десятилетия усилили профессиональные возможности службы внутри этой политической зависимости.

Март 1953-го — март 1954-го: кому достался аппарат безопасности

5 марта 1953 года совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров и Президиума Верховного Совета СССР приняло решение объединить Министерство государственной безопасности и Министерство внутренних дел в одно МВД. Его возглавил **Лаврентий Берия**, одновременно получивший пост первого заместителя председателя правительства. **15 марта** назначения и реорганизация получили оформление Верховного Совета. Высокое положение в правительстве сочеталось у одного человека с руководством внешней разведкой, контрразведкой и значительной частью внутренних силовых средств.²⁴

Эта конструкция просуществовала несколько месяцев. После устранения Берии в июне 1953 года новое руководство занялось перераспределением его полномочий. Для нашей темы существенна последовательность: сначала сосредоточение силовых возможностей, затем устранение их держателя, после этого — изменение устройства ведомства. Органы безопасности участвовали в системе власти, в которой собственное положение руководителя определялось исходом борьбы наверху.

Следующий этап хорошо виден по документам. **4 февраля 1954 года** министр внутренних дел **Сергей Круглов** направил в Президиум ЦК письмо о выделении госбезопасности из МВД. **8 февраля** Президиум в принципе одобрил создание Комитета. Тем же решением его председателем утверждался **Иван Серов**, первым заместителем — **Константин Лунёв**. **Михаилу Суслову**, **Серову** и **Лунёву** поручалось за пять дней подготовить необходимые проекты.^{25,26}

13 марта 1954 года появился Указ Президиума Верховного Совета СССР № **137/40 «Об образовании Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР»**.²⁷ Руководителей будущего ведомства партийный Президиум определил за месяц до государственного оформления его создания. Уже на этом этапе виден порядок принятия решений: политическая санкция, подбор исполнителей, правовой акт, ведомственное исполнение.

Разделение огромного МВД могло решать необходимую государственную задачу: уменьшать концентрацию принудительной власти и восстанавливать управляемость разных направлений. Само название «комитет» ещё не раскрывает его действительного положения. В одобренном в январе 1959 года проекте положения прямо закреплялись права союзно-республиканского министерства. Поэтому объяснение через одно только «понижение министерства до комитета» недостаточно. Решающее значение имели порядок назначения начальников и право последнего слова по существу работы.⁸

Вооружённые подразделения, агентура и архивы давали руководителю силового ведомства большие возможности. Использование этих возможностей, однако, зависело от власти, которая назначала руководителей, утверждала структуру и определяла допустимые действия. Контроль над кадрами был одним из способов контролировать сам силовой аппарат.²⁸

Положение 1959 года: где находилась последняя инстанция

9 января 1959 года Президиум ЦК одобрил проект положения о КГБ. Документ определял органы безопасности как политические органы, выполняющие мероприятия ЦК и правительства. Комитет работал под непосредственным руководством и контролем ЦК КПСС; местные органы отчитывались также перед соответствующими партийными комитетами. Председатель и его заместители проходили партийное утверждение. Структура и численность зависели от решений ЦК и правительства.⁸

Особенно важен порядок разрешения разногласий. При споре председателя с коллегией вопрос передавался в ЦК и Совет Министров; отдельный член коллегии также мог сообщить туда своё мнение. Наиболее важные приказы по оперативной и следственной работе требовали одобрения ЦК. Следовательно, внутреннее несогласие имело предусмотренный выход, но окончательное решение оставалось за политическим руководством.⁸

В этом устройстве профессиональная самостоятельность существовала внутри заданных полномочий. Офицер мог выявлять иностранного разведчика, разрабатывать его связи, искать доказательства, предлагать операцию. Начальник мог спорить о способе действий и добиваться пересмотра решения. Однако служба не получала самостоятельного права определять государственную политику или отменять решения своего политического руководства.

Здесь находится важная часть ответа на вопрос книги. Допустим, добытая информация показывает опасность внешней операции. Политический центр и служба могут совместно организовать противодействие. Иная ситуация возникает, когда опасность создаёт решение самого центра: хозяйственное постановление, кадровое назначение, уступка за рубежом, идеологическая кампания. Доклад о

последствиях тогда одновременно становится возражением против воли людей, определяющих полномочия докладчика.

Само по себе подчинение спецслужбы государственному руководству необходимо. Вооружённое ведомство, самостоятельно решающее, какой строй допустим и кого следует устранить, создаёт другую угрозу государству. Советская проблема заключалась в том, насколько надёжно работала обратная связь внутри установленной системы: могло ли обоснованное предупреждение заставить руководящий орган изменить собственное решение?

Документ 1959 года показывает адресата такого предупреждения. Он не обеспечивает автоматического устранения выявленной опасности. Между донесением и государственным действием находились политическая оценка, отношения внутри руководства и решение о том, каким последствиям придавать значение. Именно этот переход нам предстоит проверять в главах об экономике, идеологии и национальных кризисах.

Октябрь 1964 года: служба могла действовать против первого лица

14 октября 1964 года Пленум ЦК освободил **Никиту Хрущёва** от руководящих постов. Первым секретарём стал **Леонид Брежнев**, правительство возглавил **Алексей Косыгин**. В обеспечении этой смены участвовал председатель КГБ Семичастный.

В интервью, записанном **13 октября 2000 года**, Семичастный объяснял: подготовку вёл Президиум ЦК, а КГБ исполнял поручения политического руководства. По его словам, внутри аппарата знали об этом немногие и документальных следов старались не оставлять. Он описывал встречу Хрущёва в аэропорту, сопровождение в Кремль и связь с Брежневым. Это свидетельство непосредственного участника о политическом использовании служебных возможностей.²⁹

Эпизод имеет для нашей темы принципиальное значение. КГБ не был технически неспособен действовать в конфликте, затрагивавшем высшего руководителя. Такие действия состоялись, когда влиятельная группа внутри Президиума подготовила политическое решение и обеспечила его принятие партийными органами.

При этом служба не выработала и не провела собственную программу изменения власти. Её руководитель выбрал сторону внутри руководящего круга и помог осуществить согласованный этой стороной переход. Способность участвовать в смене первого лица существовала; самостоятельного механизма защиты страны от общего курса высшего руководства из этого не возникало.

В мае 1967 года Семичастный сам потерял пост председателя. Его место занял Андропов.³⁰ Служебный ресурс, которым Семичастный располагал в октябре 1964-го, не обеспечил ему бессрочного политического положения. Комитет оставался встроен в систему, определявшую, кто именно получает право им руководить.

Для анализа 1991 года этот опыт важнее общего рассуждения о всеилии спецслужб. Наличие охраны, связи, оперативных подразделений и информации ещё не отвечает на вопрос, вокруг какого решения они будут объединены. В октябре 1964-го такое решение появилось внутри действующего центра власти. При разрушении самого центра задача становилась значительно сложнее: требовалось заново определить легитимную цель и собрать исполнителей вокруг её защиты.

Андропов: восстановление возможностей и расширение задач

Андропов возглавил КГБ в мае 1967 года. Уже 3 июля он направил в ЦК записку № 1631-А о создании самостоятельного управления для борьбы с идеологическими диверсиями. В ней приводились данные о состоянии контрразведки: 25 375 сотрудников при создании Комитета и 14 263 к моменту записки. На 3 300 районов страны приходилось 734 аппарата КГБ. 17 июля 1967 года Политбюро одобрило создание Пятого управления, образование 200 дополнительных городских и районных аппаратов и проект увеличения общей численности органов на 2 250 единиц.³¹

Эти числа показывают реальную управленческую проблему: территориальное присутствие службы сократилось, а руководство добивалось восстановления возможностей. Дополнительные 2 250 должностей относились к органам КГБ в целом; считать их численностью одного центрального Пятого управления было бы ошибкой.

В той же записке Андропов связывал внешнее воздействие с внутренними социальными процессами: националистическими тенденциями, настроениями интеллигенции и молодёжи, деятельностью эмигрантских организаций. Предлагалось изучать среду, которую мог использовать противник, и предотвращать массовые беспорядки совместно с органами охраны общественного порядка.³¹

Таким образом, задолго до перестройки руководство КГБ формулировало угрозу комплексно. Оно рассматривало связь внешней пропаганды, внутреннего недовольства, национализма и организационной деятельности. Объяснение, будто к концу 1980-х службе впервые пришлось столкнуться с такими механизмами, не соответствует содержанию её собственных документов.

Такое понимание угроз связывает работу госбезопасности с состоянием всего общества. Идеология, общественная

нравственность, отношение к истории и межнациональные отношения образовывали среду государственной безопасности. Они не находились за пределами профессионального внимания КГБ. Вопрос состоит в том, какие оценки давались конкретным изменениям, кто определял допустимую реакцию и почему опасные процессы могли развиваться при наличии предупреждающей информации.

Решение 1967 года одновременно показывает предел самостоятельности. Андропов выявлял проблему, обосновывал её численными данными и предлагал организационный ответ. Возможность развернуть новые подразделения появлялась после решения Политбюро. Его профессиональная инициатива действовала через политическую санкцию. Так служба могла усиливаться, сохраняя прежнюю зависимость в определении конечных целей.

Номенклатура: политическая защищённость и пределы уголовной ответственности

Для точного ответа необходимо различать партийную должность, конкретное преступление и политический курс. Эти три предмета связаны, но требуют разных оснований для вмешательства.

В первоначальной редакции **Конституции СССР от 7 октября 1977 года** статья 6 закрепляла руководящую роль КПСС и её определяющее положение во внутренней и внешней политике. Та же статья устанавливала, что партийные организации действуют в рамках Конституции. Статья 4 обязывала должностных лиц соблюдать законы. Статьи 10–11 защищали социалистическую собственность и определяли государственную собственность как достояние народа.³²

Следовательно, партийная принадлежность сама по себе не превращала взятку, хищение или передачу государственных секретов в разрешённое действие.

Формальный правовой порядок предусматривал ответственность. Практический вопрос состоял в возможности довести сведения о влиятельном лице до проверки, обвинения и решения, не остановившись перед его политическими связями.

В наших прежних материалах зависимость передавалась формулой о запрете «смотреть вверх». За этой формулой стоял конкретный механизм политического контроля. Одобренное в 1959 году положение доказывает партийное руководство и контроль. Всеобщего запрета на разработку номенклатурных работников в этом тексте нет. Реальное положение номенклатуры определяется также порядком санкционирования конкретных действий и решениями по конкретным делам.^{8,28}

Это уточнение усиливает предмет исследования. Уязвимость системы не требовала абсолютной неприкосновенности каждого начальника. Достаточно было, чтобы продвижение дела по руководящей цепочке зависело от усмотрения той же политической среды, интересы которой оно затрагивало. Тогда наказание одних участников могло сочетаться с защитой других, а разоблачение отдельной группы — с сохранением общего порядка воспроизводства злоупотреблений.

Ещё сложнее было противодействовать разрушительному курсу, оформленному решениями самой власти. Взятка имеет получателя, передачу ценности и состав преступления. Опасное хозяйственное постановление может выглядеть законным управленческим актом. Его последствия проявляются постепенно, распределяются между отраслями и регионами и требуют политического пересмотра. КГБ мог обнаружить ущерб и сообщить о нём. Для остановки процесса требовалось добиться изменения решения на уровне, которому служба подчинялась.

Именно поэтому главы о денежных механизмах, собственности и идеологии необходимы для ответа на центральный вопрос. Они должны показать переход от частного нарушения к политике, допускающей системный ущерб, и установить, как на каждом этапе действовало руководство госбезопасности.

Глава 4. Внешний противник: стратегия давления и работа на внутреннее ослабление СССР

Противник действовал последовательно. В американских документах задачи сдерживания соседствовали с задачами воздействия на внутреннее развитие СССР. Для советского руководителя эти планы были важны как описание угрозы. Оставалось решить, как защищать страну от внешнего расчёта, не превращая каждую внутреннюю ошибку в объяснение чужой волей.

В январе 1983 года американская администрация сформулировала задачу внутреннего давления на Советский Союз в президентской директиве. К этому времени у США уже имелись десятилетия опыта тайного финансирования вещания, издательских проектов и эмигрантских организаций. Экономические ограничения, воздействие на национальные движения и борьба за интеллектуальную среду составляли разные направления государственной политики.

Причины гибели СССР следует рассматривать также в международном контексте. Противник существовал, расходовал средства и добивался изменения советского строя. Его намерения прослеживаются по документам, исполнители — по организационным связям, возможности — по конкретным операциям. При этом между американским замыслом и советским решением стояли люди, распоряжавшиеся властью в Москве и республиках. Именно на этом участке внешняя стратегия соединяется с главным вопросом нашей книги.

Глава связывает американские стратегические документы и инструменты давления с вопросом об ответственности за решения, принятые в Москве. Для работы КГБ существенна вся последовательность: цель противника, инструмент

воздействия, советская уязвимость и государственная реакция.³³

1948 год: ограничить советскую мощь и изменить поведение государства

18 августа 1948 года Государственный департамент США направил Совету национальной безопасности доклад NSC 20/1 «Цели США в отношении России». Его подготовил аппарат политического планирования Госдепартамента; документ насчитывал 52 страницы. В опубликованном резюме названы две общие цели: сокращение силы и влияния Москвы и изменение принципов её международного поведения. Среди мирных средств — ослабление зависимости восточноевропейских стран от СССР, информационное воздействие и поддержка такого развития федерализма, которое позволило бы возродить национальную жизнь народов Прибалтики.³⁴

Статус документа существенен: это доклад с предложениями, а не приказ ЦРУ о проведении операции. Его мирная программа прямо исключала задачу свержения советского правительства. Для войны предусматривались гораздо более радикальные цели, включая недопущение сохранения у коммунистического режима сопоставимого военно-промышленного потенциала. Такое разделение показывает диапазон американского планирования и не позволяет выдавать военный сценарий за дословное содержание мирной политики.³⁴

Следующий опорный документ — NSC 20/4 от 23 ноября 1948 года. Президент Гарри Трумэн утвердил его 24 ноября. В нём закреплялись сокращение советского влияния, изменение внешнеполитического поведения Москвы и достижение этих целей средствами, не доводящими до войны. Отдельно предусматривалось поощрение национальной жизни групп, способных добиваться национальной самостоятельности. Одновременно американское руководство требовало беречь собственную экономику и политические институты.³⁵

Уже здесь видна асимметрия, которую необходимо держать в поле зрения. Американская сторона рассматривала внутреннее устройство противника как предмет воздействия, а устойчивость собственного устройства — как условие успеха. Национальные отношения, доверие к политическому центру и способность государства располагать ресурсами входили в стратегический расчёт наряду с армиями и территориями.

Для советской службы безопасности из этого следовала широкая задача. Защита секретов оставалась обязательной, но безопасность страны зависела также от сохранения связей между её частями и от способности руководства принимать самостоятельные решения. Перехваченная инструкция могла раскрыть намерение. Противодействие требовало государственной политики, соответствующей масштабу намерения.

NSC 10/2: кто должен был выполнять тайную работу

Организационное решение появилось ещё раньше. Директива NSC 10/2 была одобрена Советом национальной безопасности 17 июня 1948 года и разослана в окончательном виде 18 июня. Она возлагала на ЦРУ проведение тайных операций и предусматривала создание внутри него специального подразделения. Согласование с внешней и военной политикой обеспечивали представители Госдепартамента и Министерства обороны; разногласия передавались на уровень Совета национальной безопасности.³⁶

Перечень разрешённых направлений включал пропаганду, экономическую войну, диверсии, помощь подполью, партизанским и эмигрантским группам. Определяющим признаком операции была скрытая государственная принадлежность: планирование должно было позволять американскому правительству правдоподобно отрицать ответственность. Финансирование предписывалось включать в бюджетные запросы ЦРУ.³⁶

Таким образом, воздействие на внутреннюю жизнь других государств получило исполнителя, порядок согласования и бюджет. Дипломатия, разведка и экономическое давление могли работать совместно, сохраняя для внешнего наблюдателя видимость раздельных действий. Само наличие такой системы объясняет, почему государственная защита не могла ограничиваться поиском людей, непосредственно передававших секреты иностранному разведчику.

Информационная площадка могла приносить результат годами, не требуя от большинства участников знания о спонсоре. Эмигрантская организация могла одновременно выпускать литературу, поддерживать личные связи и собирать сведения. Для понимания операции требовалось установить, кто финансирует её устойчивое существование, кто определяет аудиторию и как сведения или политические результаты возвращаются заказчику.

КГБ должен был различать такие связи. Это была профессиональная задача, требовавшая сочетания агентурной работы, финансового анализа и знания общественной среды. Ответственность политического руководства начиналась там, где раскрытые связи требовали решений, выходивших за пределы одного оперативного дела.

Вещание: деньги, языки, политическая задача

В меморандуме для американского Комитета 303 от 27 января 1969 года две радиостанции — Radio Free Europe и Radio Liberty — описаны как крупнейшие и одни из наиболее результативных проектов тайного воздействия на СССР и Восточную Европу. В документе названы совокупные вложения за почти двадцать лет — **350 миллионов долларов**, текущие ежегодные расходы — **32 миллиона**. Это доллары соответствующего времени, без пересчёта на современную покупательную способность.³⁷

Radio Liberty, вещавшая на СССР с 1953 года, по данным того же меморандума передавала программы круглосуточно на русском, по 14 часов в сутки на украинском и в меньшем объёме ещё на 15 языках. Около пятой части её продукции было сосредоточено на интеллектуальном недовольстве и политическом инакомыслии. Тексты протестных документов читали со скоростью, позволявшей записывать их для дальнейшего распространения. Бюджет организации Radio Liberty Committee на 1969 финансовый год составлял **12,953 миллиона долларов**.³⁷

Организация, известная сегодня как Radio Free Europe/Radio Liberty («Радио Свободная Европа/Радио Свобода»), включена в российский реестр иностранных агентов; её деятельность признана нежелательной на территории Российской Федерации. Это современный правовой статус, отдельно отмеченный в примечании к историческому изложению.³⁸

Приведённые показатели раскрывают характер работы. Речь шла о постоянном присутствии в нескольких языковых средах, о выборе тем и о распространении материалов, способных затем жить внутри страны самостоятельно. После переписывания текст уже не зависел от качества приёма зарубежного передатчика. Получатель превращался в дополнительное звено распространения, часто действуя по собственной инициативе.

Советское радиопротиводействие повышало цену такого проникновения, но не решало вопроса о доверии. Аудитория искала сведения о событиях, которые затрагивали её жизнь. Когда внутренние источники давали неполную или заведомо неправдоподобную картину, у зарубежного вещания появлялось преимущество. Устранить эту уязвимость одной технической помехой было невозможно.

19 октября 1973 года американский закон создал Совет по международному вещанию — отдельный федеральный орган финансирования и надзора. Вопрос о форме поддержки обсуждался на уровне администрации Ричарда

Никсона; Генри Киссинджер поддерживал создание совета. Перестройка финансирования позволяла сохранять вещание при изменении его отношений с государственными ведомствами.³⁹

Для КГБ это означало необходимость проследить продолжение функции после изменения организационной оболочки. Раскрытие прежнего источника денег ещё не прекращало политическую работу.

AERODYNAMIC и «Пролог»: украинские эмигрантские структуры и тайная поддержка

Национальный вопрос получил конкретное оперативное воплощение в американском проекте AERODYNAMIC. Исследование Ричарда Брайтмана и Нормана Годы, опубликованное Национальным архивом США по рассекреченным материалам, описывает его связь с украинскими эмигрантскими структурами Николая Лебеда и Ивана Гриньоха. Первоначальная работа включала заброску подготовленных агентов. К 1954 году связь группы Лебеда с подпольем была утрачена после разгрома его советскими органами; наступательная фаза проекта завершилась.⁴⁰

Однако издательская и информационная работа продолжилась. В 1956 году была оформлена организация Prolog Research and Publishing Association, позднее преобразованная в Prolog Research Corporation. За 1957 год архивное исследование приводит **1 200 радиопрограмм, 200 тысяч экземпляров газет и 5 тысяч брошюр**. В 1966 году сотрудники проекта имели контакты с **227 советскими гражданами**. В работе участвовал подготовленный ЦРУ Анатолий Каминский; общее руководство осуществлял Лебедь. Издания направлялись в библиотеки, учреждения и частным получателям.⁴⁰

Эти сведения позволяют увидеть и успех советского противодействия, и предел отдельной победы. Пресечение агентурной заброски и разгром вооружённого подполья

закрывали конкретный способ воздействия. Противник сохранял возможность перенести усилия в издательскую деятельность, контакты с путешественниками и работу с интеллектуальной средой. Победа на одном участке требовала последующего наблюдения за перестройкой всей операции.

Названные результаты начала 1950-х годов относятся к советским органам безопасности соответствующего периода; приписывать их целиком созданному в марте 1954 года КГБ было бы хронологически неверно. Комитет унаследовал и достижения предшественников, и противника, способного менять методы.

Для многонационального государства политическая опасность возникала при превращении культурного различия в аргумент против совместной государственности. Историческая обида, спор о языке или конфликт с чиновником могли получать общую интерпретацию: источник любого неблагополучия — принадлежность к Союзу. Внешняя поддержка помогала распространять такую интерпретацию, но её убедительность зависела и от поведения союзных и республиканских властей.

Поэтому защищать единство означало одновременно пресекать иностранную оперативную работу, добиваться своевременного разрешения конфликтов и не допускать безнаказанного насилия. В главах об Алма-Ате, Сумгаите, Тбилиси и Баку эта обязанность будет рассмотрена по конкретным решениям. Общая программа использования национализма не заменяет расследования того, кто в каждом городе располагал информацией и силами и кто определял порядок их применения.

NSDD-75: внутреннее давление как президентская задача

17 января 1983 года Рональд Рейган утвердил директиву NSDD-75 «Отношения США с СССР». Её исходная формула включала три элемента: сопротивление советскому влиянию вовне, внутреннее давление для ослабления его источников и переговоры. Документ ставил задачу содействовать изменениям советской политической и экономической системы, сокращающим власть привилегированной правящей элиты. При этом признавалась ограниченность американских возможностей прямо влиять на такие изменения.⁷

Директива объединяла военное, экономическое, политическое и информационное направления. Она предусматривала укрепление инструментов политического воздействия, зарубежного вещания и кампаний вокруг прав человека. В отношении Афганистана ставилась задача сохранять высокую цену советского военного присутствия. Экономические отношения оценивались с точки зрения того, укрепляют ли они возможности СССР.⁷

Значение этого документа для нашей темы предельно конкретно. Внутреннее устройство Советского Союза было обозначено как объект воздействия на уровне президента США. Переговоры входили в ту же стратегию. Следовательно, сам факт дипломатического диалога не отменял работы, направленной на изменение противника.

К 1983 году работа по внутреннему ослаблению СССР уже имела длительную историю. Директива соединила её с другими средствами в политике новой администрации. Поэтому январь 1983 года обозначает этап стратегического оформления этой деятельности, а не её начало.

Для советского руководителя практический вопрос звучал так: какие договорённости действительно снимают угрозу, какие лишь меняют её форму, а какие делают страну зависимой от решений другой стороны? Ответ требует оценки конкретных зарубежных действий и их связи с

советскими решениями. Нужна оценка взаимности обязательств, сохраняемых возможностей и цены каждого необратимого шага.

Газ, оборудование и кредиты: как повышали цену советского развития

Предметное экономическое содержание особенно ясно в NSDD-66 от **29 ноября 1982 года**. Дата **13 ноября** относится к объявленной договорённости с союзниками, на которую опиралась последующая директива. Такое различие уточняет хронологию, использованную в материале № 81.⁴¹

В документе зафиксированы направления работы администрации: ограничивать дополнительные закупки советского газа, развивать западные альтернативы, прежде всего норвежские ресурсы; расширять списки КОКОМ и улучшать согласование экспортных лицензий; добиваться ограничений на передовое нефтегазовое оборудование; ужесточать условия официально поддерживаемых кредитов — повышать первоначальный взнос и сокращать сроки. Переговоры с союзниками вёл государственный секретарь Джордж Шульц. Часть положений представляла согласованные принципы, часть — цели последующих переговоров.⁴¹

Здесь можно проследить экономический смысл каждого инструмента. Ограничение газовых закупок затрагивает будущую валютную выручку. Запрет на оборудование удлинит срок освоения технологии или заставляет искать более дорогой способ её получить. Короткий кредит требует быстрее возвращать деньги; высокий первоначальный взнос увеличивает немедленную потребность в валюте. Эти меры действуют совместно: меньше свободных средств поступает извне, а больше требуется на приобретение необходимого.

Военное соперничество усиливает трудность распределения ресурсов. Государству приходится одновременно обеспечивать оборону, промышленное обновление и

потребление населения. Разведка может добыть технологическую информацию, но внедрение требует станков, материалов, кадров, организации производства и инвестиционного решения. Поэтому достижения научно-технической разведки, рассмотренные в главе 2, имели огромное значение и при этом не заменяли работу хозяйственного механизма.

Доклад американского разведывательного сообщества о советском приобретении технологий от 25 мая 1982 года подтверждает серьёзность, с которой противник оценивал эти советские возможности. Он рассматривал деятельность разведывательных служб как организованный канал получения западных технических достижений.¹⁹ Ограничения и разведывательное противодействие им составляли реальную борьбу за темп развития, а не декоративный фон дипломатических отношений.

Но иностранные ограничения сами не определяли устройство советского денежного обращения и не подписывали постановления о распоряжении государственной собственностью. Разбор НТТМ в главе 7 показывает внутренний уровень решений: кто получил право переводить ресурсы между ранее разделёнными сферами, извлекать доход и создавать коммерческие структуры. Для объяснения катастрофы необходимо установить, как внешнее удорожание развития сочеталось с внутренним ослаблением хозяйственных ограничений и контроля.

Что знало руководство КГБ

Ответ нельзя строить на предположении, будто советская служба впервые обнаружила идеологическое или национальное воздействие в конце перестройки. В записке Юрия Андропова от **3 июля 1967 года № 1631-А**, представленной при обосновании Пятого управления, уже соединялись иностранная разведывательная работа, использование национализма и воздействие на общественную среду. **17 июля 1967 года** Политбюро одобрило создание управления.³¹

Следовательно, понимание самого механизма имелось за два десятилетия до наиболее разрушительных кризисов. Одновременно успешные проникновения советской разведки в иностранные службы, показанные в главе 2, свидетельствуют о её высоком профессиональном уровне. Объяснять последующую катастрофу всеобщей слепотой или отсутствием квалификации невозможно.

При этом из общей осведомлённости не следует получение каждым руководителем каждого секретного американского документа. Для оценки ответственности важнее установить конкретную цепочку: какое действие противника обнаружено, кому доложено, какое решение предложено и что было принято. На уровне этой главы установлено главное: соответствующие направления угрозы были известны, для противодействия создавались специальные структуры, а американская сторона действительно работала в этих направлениях.

КГБ располагал несколькими видами средств. За рубежом — добывание планов и сведений об исполнителях. Внутри страны — выявление агентуры, документирование тайных связей и пресечение преступных действий. На уровне политического руководства — доклады о последствиях и предложения по защите государства. Последнее звено зависело от тех, кто определял курс и мог изменить полномочия самой службы.

Здесь сходятся главы 2 и 3. Оперативная сила Комитета была реальна; его политическая подчинённость также была реальна. Успешное раскрытие иностранного канала не давало председателю КГБ автоматического права отменить решение Политбюро, изменить хозяйственный закон или назначить руководство республики. Однако подчинённость не освобождала от обязанности оценивать угрозу и добиваться её рассмотрения. Она объясняет устройство зависимости, внутри которого должны быть установлены личные действия руководителей.

Глава 5. Союзная и республиканская элита: от распоряжения к собственности

Министр мог распоряжаться огромной отраслью, директор — заводом, партийный руководитель — кадровыми назначениями. Передать детям свою должность они не могли. Изменение имущественных правил открыло другой путь: закрепить управление ресурсом через собственность и доход. Здесь политическая история получает хозяйственный механизм.

30 июня 1987 года: расширение прав распорядителя

Закон СССР от 30 июня 1987 года № 7284-XI «О государственном предприятии (объединении)» закреплял переход к полному хозяйственному расчёту, самофинансированию и самоуправлению. Предприятие продолжало действовать на основе общенародной собственности, но получало более самостоятельное положение в хозяйственном механизме.⁴²

Закон менял распределение решений: часть вопросов, прежде проходивших через административную вертикаль, переносилась ближе к предприятию. Значение приобретали выбор хозяйственных связей, распоряжение получаемыми средствами и способность руководства использовать новые возможности. Расширение прав распорядителя предшествовало последующему изменению собственника.

В условиях устойчивых правил такая самостоятельность могла работать на результат производства. При одновременном изменении ценовых, денежных и организационных ограничений она создавала более сложную ситуацию. Одни участники продолжали выполнять государственные обязательства, другие получали возможность действовать через новые коммерческие

структуры. Различие режимов становилось источником дохода. Для оценки конкретного случая нужно устанавливать, кто предоставлял ресурсы, кто назначал цену, кто получал выручку и на ком оставались затраты.

Здесь начинается связь с главой 7. Постановление о системе НТТМ от **13 марта 1987 года № 321** предшествовало закону о предприятии. Новые молодёжные структуры и расширение самостоятельности государственного хозяйства развивались в одном временном отрезке. Их взаимодействие открывало возможности для договорных операций между организациями с разными условиями работы.⁴³

Для госбезопасности существенным был переход от отдельного нарушения к изменению среды. Можно расследовать хищение на заводе и одновременно не остановить решения, из-за которых систематический отток ресурсов оформляется разрешёнными договорами. Защита хозяйственного потенциала требовала видеть обе стороны процесса.

Аренда с выкупом: правовой переход к иному владельцу

Следующий важный рубеж — **23 ноября 1989 года**, когда были приняты Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде, № 810-I. Статья 10 допускала полный или частичный выкуп арендованного имущества на условиях договора и с установленными законодательством ограничениями. Статья 16 предусматривала создание организации арендаторов трудовым коллективом; решение требовало не менее двух третей голосов его членов.⁴⁴

Здесь появлялся юридически оформленный путь от пользования государственным производственным комплексом к его приобретению. Доступ к такому пути был неравным. Коллектив действующего предприятия уже находился внутри производства. Его руководители владели информацией о стоимости имущества, задолженности,

заказах и хозяйственных перспективах. Внешний участник обычно не имел сопоставимого доступа к этим сведениям и к самим процедурам принятия решения.

Однако коллективная организация арендаторов и личная собственность директора — разные отношения. Чтобы установить последующее присвоение контроля узкой группой, необходимо проследить состав участников, условия выкупа, оценку имущества, источники платежей и изменение учредительных документов. Эти звенья нельзя выкинуть из истории только потому, что позднее предприятие оказалось у определённых владельцев.

Для нашей темы важен уже сам факт: передача имущества переставала быть исключительно запрещённым посягательством на государственную собственность. Для неё создавалась разрешённая процедура. Контроль должен был переместиться к условиям этой процедуры — к оценке, конфликтам интересов, финансированию и исполнению обязательств.

Так менялся характер угрозы. При открытом хищении следствие выясняло, кто нарушил действующую норму. При передаче имущества на основании нового закона требовалось дополнительно установить, кто сформировал условия сделки и в чьих интересах использовал свои полномочия. Одного сохранения прежних методов охраны государственной собственности уже было недостаточно.

6 марта 1990 года: расширение имущественной самостоятельности

Закон СССР от 6 марта 1990 года № 1305-I «О собственности в СССР» закрепил за государственным предприятием имущество на праве полного хозяйственного ведения. По статье 24 предприятие получало полномочия владеть, пользоваться и распоряжаться им в пределах закона. Уполномоченный собственником орган сохранял установленные функции создания, реорганизации и ликвидации предприятия, определения целей его деятельности и контроля за использованием имущества.⁴⁵

Получилась конструкция, в которой государственный собственник и непосредственный хозяйственный распорядитель были разделены. Это позволяло увеличивать самостоятельность предприятия без немедленной передачи всего его имущества частному лицу. Одновременно возрастала цена контроля над органами управления: через них принимались решения, влияющие на стоимость активов, направление доходов и будущую структуру хозяйственных связей.

Для объяснения дальнейшего передела важна последовательность. Сначала нужно получить возможность определять судьбу ресурса. Затем — закрепить выгодные договоры и отношения с финансовыми организациями. При последующем изменении формы собственности уже существующая группа оказывается в лучшем положении, чем остальные претенденты. Так административное преимущество способно сохраняться и после формального отказа от административной системы.

В статье № 4 нашего цикла переход от распорядителя к собственнику выступал общей моделью. Законы 1989–1990 годов позволяют разложить её на конкретные действия. Управленческая власть не превращалась в собственность одним постановлением. Между ними возникала цепь промежуточных прав и обязательств. Её участник мог

получить значительную выгоду ещё до того, как становился юридическим владельцем производственного имущества.

«Газпром»: сохранение отрасли и перенос центра управления

Особенно наглядный случай — **постановление Совета Министров СССР от 8 августа 1989 года № 619** об образовании Государственного газового концерна «Газпром». Создавался самостоятельный производственно-хозяйственный комплекс с правами юридического лица и собственным балансом. В его состав включались предприятия добычи, переработки и транспортировки газа; сохранялось общесоюзное значение системы.⁴⁶

Персональная преемственность выражалась совершенно определённо. **Виктор Черномырдин**, министр газовой промышленности СССР в **1985-1989 годах**, возглавлял правление государственного концерна в **1989-1992 годах**.⁴⁷ Один и тот же руководитель перешёл от министерского управления к руководству хозяйственной организацией, объединявшей значительную часть соответствующей отрасли.

Этот случай показывает несколько разных результатов преобразований, требующих отдельной оценки. В августе 1989 года речь шла о государственном концерне. Само постановление не делало газовую промышленность личной собственностью Черномырдина. Сохранение единства отрасли имело производственный смысл: добыча, транспортировка и снабжение зависели друг от друга и пересекали республиканские границы.

Одновременно происходил перенос управленческого центра. Прежние связи, компетенции и информация сохранялись внутри новой организационной формы. Преимущество получали люди, которые уже управляли системой и участвовали в её преобразовании. Для будущих имущественных отношений это имело значение независимо

от того, какая форма собственности была установлена в день создания концерна.

Здесь видна и внутренняя неоднородность элиты. Отраслевой интерес к сохранению технологической системы мог противостоять территориальному интересу к её разделу. Союзное государство должно было согласовывать такие интересы. Когда его возможности сокращались, спор всё чаще решался соотношением сил конкретных руководящих групп.

Партийные деньги: финансирование коммерческого будущего

30 июля 1994 года «Коммерсантъ» опубликовал сведения **Сергея Аристова**, руководителя следствия по делу № **18/6220-91** о финансовой деятельности КПСС. По его данным, на начало 1991 года Управление делами ЦК располагало примерно **7 млрд рублей**. К осени около **2,5 млрд** было размещено на банковских депозитах.

Отдельно сообщалось о **756 млн рублей**, перечисленных примерно **516 коммерческим предприятиям** летом 1991 года: финансирование предоставлялось приблизительно на **десять лет**, с началом выплаты процентов через **пять лет**. Среди получателей следователь назвал фирму «Галактик» — **300 млн рублей**; публикация характеризовала её как созданную бывшими офицерами КГБ.⁴⁸

Это сведения о результатах расследования, изложенные его руководителем в печати. Они дают конкретные суммы, получателей и условия, с которых начинается проверка финансовых цепочек. Банковский депозит, участие в капитале банка и кредит предприятию должны учитываться раздельно: они создают разные права и обязательства.

Даже без немедленного перехода собственности длительное финансирование давало получателю существенное преимущество. Средства поступали в его распоряжение в момент формирования коммерческой среды, а обслуживание долга отодвигалось. При таких условиях

особенно важны порядок выбора получателя, обеспечение возврата, распределение рисков и персональная ответственность распорядителей денег.

Можно ли назвать это кредитованием под будущий передел собственности? В экономическом смысле подобные средства могли создавать стартовые позиции для последующего приобретения активов. Но конкретное приобретение устанавливается по движению денег и документам сделки. Упоминание «Галактик» уже связывает финансовый эпизод с выходцами из органов безопасности; оно ещё не устанавливает участие определённого руководителя КГБ в выдаче денег или их дальнейшем использовании.

Значение эпизода для книги состоит в другом, вполне предметном обстоятельстве. Преобразование политических ресурсов в коммерческие возможности происходило **до прекращения существования СССР**. Исследование изменения интересов руководящего слоя поэтому должно включать последние советские годы, а не начинаться с приватизации уже разделённой страны.

РСФСР: суверенитет как право распоряжаться имуществом

31 октября 1990 года был принят Закон РСФСР № 293-I «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР». Его подписал **первый заместитель председателя Верховного Совета РСФСР Руслан Хасбулатов**. Статья 1 относилась к собственности РСФСР расположенное на её территории государственное имущество, включая предприятия союзного подчинения. Статья 4 закрепляла республиканские полномочия управления и устанавливала порядок акционирования союзных предприятий через законодательство РСФСР. Статья 5 затрагивала самостоятельный контроль над внешнеэкономическими решениями, ресурсами, лицензированием и квотированием.⁴⁹

Здесь суверенитет приобретал материальное содержание. Менялся ответ на вопрос, кто вправе распорядиться заводом, доходом от его деятельности и ресурсом для экспорта. Спор между союзным и российским центрами переходил из области политических деклараций в повседневную работу хозяйства.

Это было сознательное законодательное действие. Его направленность на перераспределение полномочий непосредственно следует из текста. Россия предъявляла собственное право на имущество, которым прежде распоряжался союзный центр. Для объяснения этого шага не требуется предполагать тайную инструкцию: необходимый переход был записан в опубликованном законе.

При этом содержание действия следует называть точно. Республиканская государственная собственность ещё не тождественна личному имуществу республиканского руководства. Но власть, получившая контроль над предприятиями, приобретала возможность определять их будущую судьбу. Следующий этап — коммерческое преобразование и приватизация — уже проходил бы через иного распорядителя.

Для общесоюзной службы безопасности возникал конфликт между охраняемым единством страны и перераспределением его материальной основы. Защита государственного потенциала теряла определённую, когда разные государственные органы предъявляли несовместимые требования к одному объекту. Руководству КГБ предстояло оценивать последствия решений, за которыми стояли действующие органы власти.

Украинская ССР: собственный хозяйственный центр до выхода из Союза

3 августа 1990 года Верховный Совет Украинской ССР принял Закон № 142-XII «Об экономической самостоятельности Украинской ССР». Под документом стоит подпись **Леонида Кравчука**. Закон закреплял самостоятельное определение финансовой, бюджетной, кредитной, инвестиционной и внешнеэкономической политики. Статья 6 отводила Национальному банку роль высшего кредитного и эмиссионного учреждения, подотчётного Верховному Совету республики; статья 12 предусматривала собственную таможенную систему и регулирование внешнеэкономической деятельности.⁵⁰

Это произошло более чем за год до провозглашения независимости Украины в августе 1991-го. Самостоятельность формировалась через управление деньгами, хозяйственными связями и внешней торговлей. Упоминание эмиссионных полномочий в законе не означает, что отдельная денежная система уже полностью действовала в августе 1990 года. Оно показывает, какой центр принятия решений предполагалось создать.

Для руководителей республики экономическая самостоятельность означала расширение возможностей внутри собственной территории. Для союзной системы — необходимость заново договариваться о том, что прежде входило в единую управленческую вертикаль. Чем больше таких полномочий переходило республикам, тем сильнее общая политика зависела от согласия отдельных центров.

В этом состоит связь имущественного и национального вопросов. Политическая мобилизация вокруг суверенитета открывала путь к перераспределению ресурсов. Полученный контроль, в свою очередь, укреплял позиции руководства, проводившего эту мобилизацию. Межнациональные конфликты необходимо сопоставлять с изменениями бюджетов, банков, предприятий и внешней торговли.

Российский и украинский законы показывают общий механизм при различии политических обстоятельств. Союз продолжал существовать, но его материальные полномочия уже становились предметом республиканского переоформления. В следующих главах необходимо проследить, как это отражалось на снабжении, расчётах и исполнении общих обязательств.

Глава 6. Производство, снабжение и дефицит: кто нарушал хозяйственные связи

Для гражданина хозяйственный кризис начинался у прилавка. Государство выпускало продукцию, руководители обещали улучшение, а доступ к нужному товару становился менее надёжным. Для службы безопасности это был вопрос доверия к власти. Для экономиста — вопрос о том, где производство переставало превращаться в снабжение.

Страна производила. Почему пустел магазин?

Для человека, стоявшего в очереди, хозяйственный кризис был совершенно конкретным: полученная зарплата не обеспечивала покупки необходимого. Между трудом и потреблением возникал разрыв. Государство сохраняло предприятия, транспорт, банки и торговую сеть, но всё хуже соединяло их работу в конечный результат. Именно эту утрату управляемости необходимо объяснить.

Начнём с физических объёмов производства. По данным Госкомстата СССР, положение основных отраслей животноводства выглядело следующим образом.⁵¹

Продукция, все категории хозяйств	1985	1988	1989	1990
Мясо в убойной массе, млн т	17,1	19,7	20,1	20,0
Молоко, млн т	98,6	106,8	108,5	108,4
Яйца, млрд шт.	77,3	85,2	84,9	81,7

К 1990 году выпуск всех трёх видов продукции оставался выше уровня 1985-го. Одновременно уже обозначилось ухудшение относительно недавнего максимума: особенно заметно сократилось производство яиц. Следовательно, картина включает и сохранённый производственный потенциал, и начавшееся его ослабление.

Увеличение денежных возможностей не обеспечивало доступности товаров.⁵² Произведённый продукт должен был попасть в закупку, пройти переработку, перевозку и хранение, поступить в определённый регион и быть продан. На каждом этапе имели значение договор, цена, доступность транспорта и ответственность исполнителя. Нарушение любого из этих звеньев отделяло показатель производства от наличия товара в магазине.

Общий выпуск не показывает, сколько товара конкретный город получит по государственной цене. Продукция могла остаться в хозяйстве, уйти в другой канал продажи, стать предметом обмена или испортиться. Поэтому статистика производства и воспоминания о пустых прилавках могут одновременно быть достоверными. Между ними находится история распределения — сфера решений людей, учреждений и органов власти.

Экономические ограничения: что нельзя объяснить одним демонтажом правил

Наличие производства не означало наличия достаточного запаса устойчивости. Для оценки решений надо учитывать валютные поступления, бюджет и структуру расходов. Падение мировой цены нефти в 1986 году ухудшало возможности оплачивать импорт. Оно воздействовало на бюджет и на доступность оборудования и потребительских товаров через разные каналы; рублёвые доходы бюджета и валютная выручка не являются одним показателем.⁵³

Исследователи МВФ оценивали рост бюджетного дефицита примерно с 2% ВВП в 1985 году до 9% в 1988–1989 годах. Это ретроспективная оценка в определённой методике, а не

универсальная цифра: совместное исследование начала 1990-х и другие реконструкции дают отличающиеся значения. Для настоящего вывода существенны направление и масштаб изменения — государственные обязательства всё заметнее расходились с доходами. В той же реконструкции внешний долг увеличивается с 31 млрд долларов на конец 1986 года до 61 млрд на конец 1990-го.⁵³

Нефтяной шок не был единственным источником дисбаланса. Потери доходов от антиалкогольной кампании, рост субсидий при сдерживании розничных цен и кредитное финансирование бюджетного разрыва соединялись с хозяйственной реформой. Увеличение денежных требований при недостаточном товарном покрытии усиливало очереди и скрытое повышение цен. Поэтому объяснение дефицита только сокрытием товара или работой посредников недостаточно, даже если отдельные злоупотребления документально установлены.⁵⁴

Военно-промышленная нагрузка ограничивала выбор иначе: оборона связывала квалифицированные кадры, мощности, исследования и инвестиции. Её нельзя измерить одним бесспорным процентом. Американские разведывательные оценки менялись вместе с методикой и представлением о советских ценах; позднейшая ведомственная история признаёт трудности оценки нагрузки. Здесь существенна конкуренция за ресурсы и сложность быстрого перевода производств на гражданский выпуск, а не заимствованная без оговорок доля расходов.⁵⁵

К этому добавлялись последствия Чернобыльской аварии и других чрезвычайных расходов. Афганистан и гонка вооружений составляли военно-политическую нагрузку, но их отдельный вклад в бюджетный разрыв и тем более в распад СССР в этой книге не рассчитан. Сводить их к нулю из-за отсутствия такой оценки так же неверно, как объявлять единственной причиной прекращения государства.⁵⁶

Связь с главным вопросом проходит через возможности выбора. КГБ мог выявлять хищение, утечку, незаконный

вывоз или угрозу снабжению; он не мог оперативной проверкой восстановить нефтяную цену, уравновесить бюджет либо провести промышленную конверсию. Но ограниченность ресурсов не предписывала единственно возможного политического ответа. Решения о доходах предприятий, субсидиях, кредитовании и разделе налоговых полномочий определяли, как шок превращался в дефицит и борьбу за ресурс. В 1990–1991 годах спор о том, кому перечислять доход, становился также спором о том, какая власть способна финансировать свои решения.

Таким образом, хозяйственный кризис — существенное условие утраты устойчивости; конкретный путь к разделу Союза требует отдельного политического объяснения. Последующие разделы исследуют решения внутри этого ограничения. Приведённых данных недостаточно, чтобы объявить НТТМ, кооперацию или любой один хозяйственный канал доминирующей причиной общего краха.

Май 1985 года: решение с неувязанными хозяйственными последствиями

Антиалкогольная кампания стала одним из первых крупных решений нового руководства. **7 мая 1985 года Совет Министров СССР принял постановление № 410 «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения».**⁵⁷ Борьба с пьянством отвечала реальной общественной потребности. Хозяйственный результат зависел от того, чем заменялось сокращаемое предложение и как перестраивались финансовые обязательства государства.

В сопоставимых розничных ценах производство алкогольных напитков сократилось с **60,7 млрд рублей в 1985 году до 42,6 млрд в 1988-м** — примерно на **30%**. В 1990 году оно составляло 55,5 млрд рублей.⁵⁸ Это стоимостная оценка выпуска в сопоставимых ценах; её нельзя непосредственно считать потерей бюджетных доходов.

Экономический механизм, однако, достаточно определён. Если из легальной торговли изымается значительный объём привычного товара, расходы населения перераспределяются. Часть спроса переходит на другие товары, часть денег сберегается, часть направляется к нелегальным производителям. Чтобы уменьшение продажи алкоголя не усиливало напряжение на остальных рынках, требовались согласованные изменения производства потребительских товаров, услуг и государственных финансов.

Для бюджета сокращение прежнего источника поступлений требовало пересмотра доходов и расходов. Для хозяйства — переналадки производств и снабжения. Для правоохранительных органов — противодействия незаконному обороту. Успех по одному показателю ещё не обеспечивал устойчивости всей системы.

Здесь проявился общий недостаток перестроечного управления: крупное административное решение запускалось быстрее, чем обеспечивались связанные с ним хозяйственные изменения. Ответственность за такой разрыв находилась на уровне политического руководства и правительства. Оперативная работа против нелегального производителя могла уменьшить конкретный ущерб, но не заменяла согласования государственного решения с материальными и финансовыми возможностями.

Ускорение, которое увеличивало незавершённость

Программа обновления производства также имела рациональную исходную задачу. СССР нуждался в реконструкции предприятий и внедрении новых технологий. В **1986 году** затраты на техническое перевооружение и реконструкцию действующего производства выросли на **25%**, общий объём капитальных вложений — на **8,4%**, согласно юбилейному статистическому ежегоднику.⁵⁹

Но экономический результат определяется вводом мощности и её работой. Освоенные деньги сами по себе ещё не дают ни станка в эксплуатации, ни холодильника в магазине. Если строительство затягивается, материалы и оборудование уже изъяты из оборота, зарплата выплачена, а ожидаемого прироста выпуска нет.

К концу **1990 года** незавершённое строительство государственных предприятий и организаций достигло **205,5 млрд рублей**, увеличившись за год на **22,2 млрд**. Госкомстат оценивал зарплату, выплаченную за работы в приросте сверхнормативной незавершённости, примерно в **6 млрд рублей**, отдельно отмечая отсутствие соответствующего товарного покрытия.⁶⁰

Для хозяйственной системы это означало связывание ресурсов без своевременной отдачи. Повседневный спрос работников возникал сразу. Продукция будущего предприятия должна была появиться позже. Чем больше становился разрыв между финансированием, строительством и вводом, тем труднее было поддерживать равновесие.

Одновременно государственный бюджет терял сбалансированность. По опубликованным советским данным, превышение расходов над доходами выросло с **13,9 млрд рублей в 1985 году до 80,6 млрд в 1988-м**.⁶¹ Этот рост нельзя целиком отнести к одному решению. Он показывает масштаб финансового напряжения, на фоне которого проводились дальнейшие преобразования.

В таком положении требовалось ранжировать проекты, обеспечивать завершение наиболее важных объектов и увязывать выплаты с реальным расширением предложения. Для органов безопасности существенными становились сведения о критических задержках, неиспользуемом оборудовании и срывах снабжения стратегических производств. Но результат зависел от готовности хозяйственного руководства менять инвестиционные приоритеты.

Самостоятельность предприятия меняла поведение поставщика

Закон СССР от 30 июня 1987 года о государственном предприятии, рассмотренный в главе 5, расширял самостоятельность хозяйственных организаций.⁴² Такая перестройка требовала одновременно определить, как сохраняются обязательные поставки, обеспечивается платёж и разрешается конфликт интересов между участниками производственной цепочки.

В условиях дефицита поставщик обладает особой властью. Его продукция нужна многим, а заменить её быстро трудно. Если денежная выручка не гарантирует приобретения необходимого сырья, оборудования или транспорта, возникает заинтересованность в прямом обмене. Предприятие или хозяйство стремится получить за свою продукцию конкретный ресурс. Формальное наличие денег у покупателя перестаёт быть достаточным условием поставки.

Это превращает общий денежный оборот в совокупность отдельных договорённостей. Сильный участник получает нужное через обмен и связи. Слабый, хотя и располагает законным требованием и средствами, остаётся без поставки. Особенно уязвимы территории, которые производят мало продовольствия и зависят от его регулярного поступления извне.

Расширение прав предприятия должно было сопровождаться работающими правилами исполнения обязательств. Если старое административное принуждение ослаблялось, а новый порядок снабжения не обеспечивал надёжности, самостоятельность одного участника оплачивалась перебоями у другого. Изменение условий поставки становилось способом улучшить собственное положение за счёт устойчивости всей системы.

Для КГБ это было существенно как изменение объекта защиты. Требовалось наблюдать за сохранением производственных связей и выявлять опасные способы

использования полученной самостоятельности. При этом ни управление госбезопасности, ни хозяйственная милиция не могли ежедневно заключать договоры вместо предприятий. Политическое руководство должно было обеспечить исполнимость правил, которые само вводило.

Доходы росли, запас устойчивости торговли сокращался

Динамика денежных доходов и товарных запасов показывает, насколько быстро возрастала нагрузка на снабжение.^{62,63}

Показатель	1985	1988	1989	1990
Денежные доходы населения, млрд руб. за год	420,1	493,5	558,0	652,5
Среднемесячная зарплата рабочих и служащих, руб.	190,1	219,8	240,4	274,6
Запасы розничной торговли на конец года, дней товарооборота	92	69	62	47

Доходы приведены в текущих рублях. Дни товарооборота характеризуют запас относительно продаж, а не физический объём продовольствия. Тем не менее направление изменения ясно: денежные доходы за пять лет увеличились на **55,3%**, а обеспеченность розницы запасами в днях оборота сократилась почти вдвое.

Меньший запас делает систему чувствительнее к задержке поставки. Когда прилавок пустеет регулярно, покупатель начинает приобретать товар при любой возможности, иногда сверх текущей потребности. Запас перемещается из торговли в домашнее хозяйство. Для отдельной семьи это защита от неопределённости; для магазина — дополнительное усиление неравномерности спроса.

Сама по себе выплата большей зарплаты не создавала ни дополнительного молока, ни дополнительной обуви. Рост денежных требований к хозяйству должен был обеспечиваться ростом доступного предложения либо изменением условий обмена. При сохранении прежних цен и ограниченном товаре разрыв выражался в очередях, нормировании и использовании неформального доступа.

Здесь проходит связь с денежными преобразованиями главы 7. Центры НТТМ представляли один из каналов изменения финансовых отношений. Общесоюзный процесс охватывал также оплату труда, бюджет, кредит и инвестиции. Сведение всей денежной разбалансированности к одному типу организаций скрывает масштаб ответственности органов, управлявших этими потоками.

Для службы безопасности увеличение доходов было значимо в сочетании с другими признаками: сокращением запасов, задержками поставок, распределением через закрытые каналы и нарастанием социальной напряжённости. Устранение этой совокупности требовало согласования хозяйственной политики и снабжения на более высоком уровне.

Август 1990 года: ведомства и ответственные лица уже названы

Записка социально-экономического и аграрного отделов ЦК КПСС от **25 августа 1990 года** называла конкретные провалы: **650 тыс. тонн недопоставленного кубинского сахара-сырца**, сокращение выпуска табачных изделий на **10%** за семь месяцев и на **24%** в июле.⁶⁴

За срыв доставки сахара авторы критиковали **Константина Катушева**, возглавлявшего Министерство внешних экономических связей, и **Юрия Вольмера**, министра морского флота. В связи с табачным кризисом назывались **В. В. Никитин, С. А. Ситарян и В. И. Мельников**: необходимые решения по ресурсам и запчастям были приняты ранее, но исполнение не обеспечено.⁶⁴

Смысл этой фактуры состоит в возможности восстановить последовательность управленческого отказа. Потребность была известна. Решение было принято. Существовали органы, отвечавшие за его выполнение. До конечного результата система не дошла. Неисполнение становилось самостоятельным источником ущерба.

Отсутствие сахара в продаже могло начинаться с внешней поставки, её перевозки или переработки. Недостаток табачных изделий — с остановки производства из-за необеспеченного ремонта. Общий внешний признак, очередь у магазина, возникал из разных причин. Каждая требовала собственного исполнителя и собственного восстановительного действия.

Для оценки намерений особенно важен момент, когда последствия уже названы во внутреннем документе. После этого продолжение бездействия перестаёт быть только вопросом первоначального расчёта. Возникает ответственность за реакцию на известную угрозу. Доклад должен был вести к сроку исполнения, обеспечению ресурсами и проверке результата. Без этого аппарат получал всё более точное описание собственного поражения.

Местный интерес разрушал общесоюзное снабжение

Та же записка фиксировала **180 тыс. тонн мяса и мясопродуктов**, недопоставленных за семь месяцев в общесоюзный фонд. Отдельно отмечалось нарушение хлебных поставок руководителями **Ярославской, Волгоградской, Саратовской и Челябинской областей**, действовавшими из местных интересов.⁶⁴

Здесь дефицит создавался на переходе между территориями. Область могла стремиться сохранить продукт у себя. Хозяйство — получить за него встречный ресурс. Для получателя в другом регионе итог был одинаков: плановая поставка не приходила.

Так возникала последовательность взаимного отказа. Один участник удерживает продукцию, опасаясь остаться без необходимого. Другой отвечает сокращением своей поставки. Третий переводит отношения в обмен. Каждый защищает собственный запас, но суммарно надёжность снабжения падает. Государство теряет способность направлять ресурсы туда, где они необходимы по общему балансу.

В этих действиях имеется сознательный выбор, и он прямо назван современным событиям документом: местный интерес ставился выше общесоюзного обязательства. Это конкретный уровень осознанного разрушения хозяйственных связей. Он не требует предположения, будто каждый региональный руководитель заранее планировал все последствия распада.

Содержание главы 5 получает здесь практическое продолжение. Полномочия над территорией и имуществом превращались в возможность удерживать ресурс. Общесоюзная зависимость производства и потребления при этом сохранялась. Производящий регион ещё нуждался в машинах, топливе, комплектующих и перевозках, получаемых из других частей страны.

КГБ мог установить факт, организаторов и последствия срыва. Восстановить обязательность поставки должна была государственная власть. Если она мирилась с выборочным исполнением общих решений, служебная информация о нарушениях не возвращала стране единого хозяйственного управления.

18 октября 1990 года: руководство КГБ видело политическое значение дефицита

В опубликованном тексте циркулярной шифртелеграммы **Владимира Крючкова от 18 октября 1990 года** руководителям территориальных органов КГБ прямо говорилось об острой нехватке необходимых товаров, затруднениях снабжения промышленных центров и опасности перехода политической напряжённости к критическому состоянию.⁶⁵

Тем самым вопрос «видели ли?» получает предметный ответ: руководство службы связывало хозяйственный кризис с угрозой государственному строю и сообщало об этом внутри системы. Представление о полностью неосведомлённом Комитете не соответствует этому документу.

Но важно, как была организована оценка. В шифртелеграмме значительное место занимали действия политической оппозиции, использующей кризис. Это реальное направление работы госбезопасности. Одновременно положение требовало столь же предметного разбора решений собственного хозяйственного руководства. Борьба с использованием недовольства не устраняла причину недовольства.

Для рабочего промышленного центра вопрос был прост: почему после выполненной смены он не может купить продукты? Ответ о деструктивных силах не заменял поставки. Чем дольше сохранялся этот разрыв, тем слабее становилось доверие к официальному объяснению событий.

К осени 1990 года оперативная и хозяйственная задачи уже были неразделимы. Защитить политическую устойчивость можно было только вместе с восстановлением исполнения экономических обязательств. Служба могла выявлять организаторов противоправных действий и предупреждать власть. Для сохранения страны требовалось, чтобы эти сведения меняли поведение тех органов, которые распоряжались производством, деньгами и снабжением.

23 ноября: КГБ получает прямое поручение

23 ноября 1990 года Верховный Совет СССР принял постановление № **1796-I «О положении в стране»**, подписанное **Анатолием Лукьяновым**. Пункт 2 возлагал на КГБ борьбу с экономическим саботажем, прежде всего контроль целевого использования импортируемой продукции. Правительству поручалось до **1 декабря** представить сведения о продовольственных ресурсах и возможностях снабжения на зиму.⁶⁶

Пункт 5 предлагал президенту издать указ, обязывающий поставщиков до **15 декабря** заключить договоры по сложившимся хозяйственным связям на первый квартал 1991 года не ниже уровня соответствующего периода 1990-го.⁶⁶ Высший орган власти тем самым обозначал сразу две разные задачи: пресечение злоупотреблений и удержание хозяйственных связей.

Это важный документ для оценки полномочий Комитета. На данном этапе участие в защите снабжения было прямо поручено ему государством. Поэтому объяснение последующего результата одной фразой «КГБ не имел отношения к экономике» несостоятельно.

Одновременно постановление позволяет увидеть, насколько глубоко зашёл кризис управления. В конце ноября стране ещё требовалось обеспечить заключение договоров на ближайший зимний квартал. Предстояло поддерживать работу предприятий, энергоснабжение и перевозки в

условиях спора между органами власти. Оперативный контроль импортного груза решал лишь часть этой задачи.

Управленческая ответственность распределялась вполне определённо. Президент и правительство должны были обеспечить работающий режим поставок. Республики и ведомства — выполнять обязательства. КГБ — выявлять и пресекать подведомственные ему опасные действия, предоставлять информацию и добиваться рассмотрения установленных угроз. Эффективность этой системы измерялась поступлением ресурсов и устойчивой работой хозяйства.

Оперативный штаб: действие началось, но задача была шире его возможностей

9 декабря 1990 года газета «Заря Востока» опубликовала сообщение ТАСС **«Соло для саботажа с боем»**. В нём рассказывалось об оперативном штабе на базе **Шестого управления КГБ**, контролировавшем движение импортной продукции. Член штаба, полковник **Ю. Тихомиров**, описывал работу по выявлению возможного саботажа. Сообщалось о проверках портов, железнодорожных узлов и распределения грузов, о выявленных злоупотреблениях и скоплении товаров.⁶⁷

Публикация одновременно фиксировала правовую трудность: сотрудники указывали на отсутствие чёткой юридической квалификации экономического саботажа.⁶⁷ Это не означало отсутствия ответственности за хищение или должностное преступление. Проблема возникала при переводе широкой политической формулы в конкретный состав противоправного действия.

Сам факт создания штаба опровергает картину полного бездействия. Но он показывает характер реакции: значительная часть усилий направлялась на поиск нарушений в уже расстроенной системе обращения. Выявленная партия могла быть возвращена в нужный канал. Очередная проверка могла восстановить отдельную отгрузку. Такие действия имели значение для граждан, получивших товар, и не должны обесцениваться.

Предел состоял в возможности воспроизводства результата. Если после проверки сохранялась заинтересованность поставщика в удержании ресурса, спор между властями оставался нерешённым, а денежный спрос продолжал опережать доступное предложение, перебой возникал снова. Служба устраняла конкретное нарушение, тогда как хозяйственный механизм создавал условия для следующего.

Это понимал и сам председатель. В записке № **219-К от 7 февраля 1991 года** президенту СССР Крючков связывал экономическую дестабилизацию с конфликтом суверенитетов, предупреждал об опасности форсированного перехода к рынку и признавал: борьба с саботажем способна улучшить распределение, но сама по себе не увеличивает выпуск продукции.⁶⁵

Перед нами уже не просто сообщение о недовольстве. Это признание зависимости безопасности от устройства хозяйства и решений власти. Наличие такого понимания делает вопрос об исполнении предупреждений ещё острее.

Глава 7. НТТМ и МЕНАТЕП: денежные ограничения и новые хозяйственные интересы

В научно-техническом договоре могло быть настоящее исследование. В нём же мог появиться удобный способ распределить деньги государственного предприятия между новыми участниками. Один и тот же разрешённый канал обслуживал разные действия. История НТТМ важна потому, что показывает, как изменение правила меняет интересы людей, пользующихся этим правилом.

Что удерживало денежную систему

Разрушение хозяйственной управляемости могло начинаться с изменения порядка выплаты денег. Для этого не требовалось останавливать завод. Достаточно было создать условия, при которых доступ к средствам предприятия давал возможность получать доход вне прежней системы распределения и контроля, а преимущество доставалось тому, кто располагал подходящей организационной оболочкой и связями.

В СССР наличное обращение и расчёты между предприятиями были тесно связаны, но регулировались по-разному. Предприятие рассчитывалось с поставщиками преимущественно через банковские счета. Население получало заработную плату, пенсии и другие выплаты, приобретало товары, оплачивало услуги, вносило сбережения. Деньги переходили из одной сферы в другую через установленный порядок выплат и платежей.

Поэтому выражение «денежные контуры» обозначает различие режимов использования рубля. Безналичные средства предприятия являлись деньгами; из них выплачивалась и заработная плата. Ограничивалась свобода направлять любые суммы на любые цели. Фонд оплаты труда, банковский контроль, кассовое планирование

и правила распределения дохода должны были связывать денежные выплаты с хозяйственными возможностями.

Такая система не исключала дефицита. Но при административных ценах ослабление ограничений на денежные доходы требовало особенно точного согласования с предложением потребительских товаров. Дополнительный доход мог появиться сегодня, тогда как новая производственная мощность — через годы. Если же выплата возникала благодаря посреднической операции без соответствующего прироста предложения, разрыв увеличивался ещё быстрее.

Существенная опасность состояла в сочетании двух процессов: увеличения свободы распоряжения деньгами и ослабления ответственности за общий результат. Возможность получить доход становилась индивидуальной. Последствия несогласованности спроса и предложения распределялись на всех покупателей.

13 марта 1987 года: решение имело подписи

Опорный документ — постановление **Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ № 321 от 13 марта 1987 года**. Под ним стоят подписи председателя правительства **Николая Рыжкова**, председателя ВЦСПС **Степана Шалаева** и секретаря ЦК ВЛКСМ **Виктора Мироненко**.⁴³

Заявленная задача была общественно привлекательной: вовлечение молодых специалистов в научно-техническую деятельность и самостоятельную хозяйственную работу. Документ создавал Всесоюзный координационный совет НТТМ. Районные и городские центры связывались с комсомольскими и другими организациями; оплата участников творческих коллективов производилась из средств, полученных по хозяйственным договорам.

В опубликованном тексте пункт 3 сохранял ограничения: фонд заработной платы штатных сотрудников определялся с участием исполкомов, а выплаты участникам творческих коллективов соотносились с отраслевыми нормативами по

научно-исследовательским и опытно-конструкторским работам. Постановление не содержало общего разрешения превращать любую поступившую сумму в личный доход.⁴³

Однако оно оформляло особый организационный канал. Государственное предприятие могло заключить договор с центром; центр получал выручку и организовывал оплату привлечённых исполнителей. Между предприятием и получателями дохода появлялся самостоятельный посредник с собственными интересами и возможностями распоряжения средствами.

Сама эта схема могла обслуживать полезную работу: программирование, проектирование, внедрение разработки. Её уязвимость обнаруживалась там, где содержание договора подчинялось задаче получить доступ к деньгам. Проверка должна была отвечать на простой вопрос: создан ли заявленный результат, соответствует ли ему цена и кто фактически получил выплату?

Сознательность учреждения нового канала здесь установлена самим решением. Это было нормотворчество союзного правительства и общественных организаций, а не самовольное изобретение нескольких будущих предпринимателей. Следующий вопрос — как канал использовался и что делали его создатели, когда использование расходилось с объявленной целью.

Договор как способ изменить распределение дохода

Механизм становится понятнее, если разложить его по участникам.

Государственное предприятие: Перечисляет средства по договору центру; Приобретает работу или услугу; при злоупотреблении — оплачивает фиктивный либо завышенный результат.

Центр НТТМ: Получает договорную выручку и привлекает исполнителей; Организует выполнение заказа и распоряжение доходом в особом режиме.

Исполнители: Получают вознаграждение; Возникает доход населения, который может предъявляться на потребительском рынке.

Руководители и связанные организации: Определяют договоры, расходы и использование накоплений; Формируется самостоятельный хозяйственный ресурс и преимущество доступа.

Контролирующие органы: Проверяют документы, результат работ и платежи; Отличают полезный подряд от способа вывода средств.

Здесь необходимо различать три операции. Оплата реально выполненной работы — хозяйственная деятельность. Использование различий между режимами регулирования — возможность получить преимущество, иногда оставаясь в пределах закона. Фиктивный договор, присвоение средств или подложная ведомость — уже конкретные нарушения, которые устанавливаются по документам.

Общая проблема возникает и за пределами отдельного преступления. Когда хозяйственная система предоставляет разным участникам неодинаковую свободу распоряжения одним и тем же ресурсом, появляется устойчивый стимул переводить операции туда, где ограничений меньше. Для директора становится выгодным вынести определённую деятельность за пределы предприятия. Для организатора центра — занять место между государственным заказчиком и исполнителем. Для покровителя — контролировать доступ к этому месту.

В такой конструкции административная близость имеет денежную стоимость. Она облегчает получение заказов, помещений, оборудования, согласований и доверия контрагентов. Организация, возникшая рядом с властным аппаратом, начинает накапливать собственный ресурс. По мере развития коммерческих форм этот ресурс можно использовать всё более самостоятельно.

Именно этот переход связывает денежную реформу с будущим переделом собственности. Сначала возникает

возможность распоряжаться потоком. Затем — накоплением. Позднее — финансировать приобретение имущества или приобретать влияние на того, кто его распределяет. Между стадиями могут проходить годы, но исходная позиция участников уже становится неравной.

Март 1990 года: последствия обсуждались открыто

12 марта 1990 года, на учредительной конференции союза центров НТТМ в московской гостинице «Орлёнок», секретарь ЦК ВЛКСМ **Иосиф Орджоникидзе** сообщил: лишь около **17% центров** заняты производственной и научной деятельностью в промышленности; остальные преимущественно занимаются мелким посредничеством. Это заявление передал «Коммерсантъ» **19 марта 1990 года**.⁶⁸

В той же публикации приведены показатели системы:

Показатель	Сведения «Коммерсанта», март 1990 года
Число центров	Более 600
Отчисления от дохода	3% в общесоюзный и 27% в местные фонды НТТМ
Налогообложение	Сообщалось об освобождении центров от налогов
Фонд развития	Не менее 60% прибыли
Оборот фондов НТТМ за 1989 год	1,5 млрд рублей

Директор челябинского «Практик-центра» **Александр Каунов** в интервью описывал сотрудничество с государственными предприятиями как соединение их производственной базы со свободой действий центра. Одновременно он подчёркивал ограничения на использование фонда развития и общественно-государственную форму собственности.⁶⁸

Эти сведения показывают противоречие внутри самой системы. Объявленная научно-производственная

направленность, специальные условия и обязательные фонды сосуществовали с преобладанием посредничества. Оценка 17% принадлежала одному из руководителей движения; её значение состоит прежде всего в публичном признании отклонения от исходной задачи.

Отсюда следует конкретный вывод об осведомлённости: **к марту 1990 года проблема уже обсуждалась за пределами бухгалтерии отдельных центров.** Для постановки вопроса о последствиях не требовалось сначала обнаружить тайную иностранную связь. Сведения находились в открытом обсуждении самих организаторов.

При этом оборот фондов не равен сумме наличных выплат. Его нельзя автоматически записывать в денежную эмиссию или в размер похищенного имущества. Финансовое значение системы раскрывается через назначение платежей и распределение результатов. Политическое — через формирование слоя организаторов, распоряжавшихся новым ресурсом.

Ходорковский (иностранный агент): от центра к финансовой организации

Один из наиболее показательных случаев связан с **Михаилом Ходорковским (иностранный агент) — лицом, внесённым Минюстом России в реестр иностранных агентов 20 мая 2022 года.**⁶⁹ Историческая последовательность его ранних предприятий важна сама по себе: она позволяет увидеть движение от комсомольской организационной среды к самостоятельному финансовому влиянию.

В биографической справке «Коммерсанта», опубликованной **29 марта 1996 года**, указано: в **1987 году** Ходорковский (иностранный агент) стал директором Центра межотраслевых научно-технических программ, был одним из создателей объединения МЕНАТЕП, а с **апреля 1989 года** возглавлял Коммерческий инновационный банк научно-технического прогресса — **КИБ НТП.**⁷⁰

Его собственный биографический сайт также связывает создание в 1987 году объединения «Межотраслевые научно-технические программы» с базой центра НТТМ. На том же сайте утверждается, что центр выполнял заказы оборонной промышленности и подразделений КГБ. Это свидетельство представлено стороной самого Ходорковского (иностранный агент); оно существенно как указание на характер заявленных контактов, но не заменяет договоров и платёжных документов.⁷¹

Поэтому цепочка должна быть записана с различением организаций:

Центр НТТМ / Центр межотраслевых научно-технических программ → объединение МЕНАТЕП → КИБ НТП → банк МЕНАТЕП.

Здесь прослеживается преемственность организаторов и бизнеса. Юридическая последовательность включала разные организации. Аббревиатуры НТТМ, ЦМНТП, КИБ НТП и МЕНАТЕП обозначали разные ступени этой истории.

1987 год: Руководство центром и участие в создании объединения; Доступ к хозяйственным договорам через новую организационную форму.

Апрель 1989 года: Руководство КИБ НТП по биографии 1996 года; Переход к банковским возможностям.

28 января 1992 года: Дата регистрации банка МЕНАТЕП Банком России, указанная в последующем приказе; регистрационный № 41; Документальная идентификация банка, не дата возникновения всего бизнеса.

1992 год: Выход книги Ходорковского (иностранный агент) и Леонида Невзлина (иностранный агент), также внесённого Минюстом России в реестр иностранных агентов, «Человек с рублём»⁷²; Публичное изложение участниками собственного хозяйственного опыта и взглядов.

Дата и регистрационный номер банка приведены в приказе Банка России № ОД-180 от **18 мая 1999 года** об отзыве

лицензии. Этот документ позволяет точно идентифицировать организацию, но сам по себе не восстанавливает её раннюю регистрационную историю в Госбанке СССР.⁷³

Свидетельство участников: собственный доход как новая цель

Книга **Михаила Ходорковского (иностраннй агент) и Леонида Невзлина (иностраннй агент) «Человек с рублём»** вышла в Москве в **1992 году**, в издательстве «Менатеп-Информ». В ней авторы прямо связывали начало бизнеса с НТТМ. Первую остававшуюся в их распоряжении прибыль они оценивали в **10-20 тысяч рублей**. Значение имела, по их объяснению, прежде всего самостоятельность её использования.⁷⁴

Ретроспективно авторы связывали опыт НТТМ с переходом к частному предпринимательству и подчёркивали стремление самостоятельно распоряжаться собственным делом. Это их позднейшее объяснение мотивов, а не документ о согласованном плане ликвидации СССР.⁷⁴

Это важное свидетельство изменения мотивации. На языке официального решения развивалось научно-техническое творчество. На языке участников возникало собственное дело и право распоряжаться его результатом. Между двумя описаниями находился реальный хозяйственный механизм, который обеспечивал переход.

Частный интерес не обязательно требует заранее составленного плана ликвидации государства. Он способен последовательно поддерживать решения, расширяющие собственную свободу и доход, даже когда их общий результат ослабляет прежний порядок. Для исследования изменения интересов элиты это обстоятельство существенно: нужно видеть, как меняется предмет заинтересованности человека, ещё действующего внутри советских институтов.

История центра и МЕНАТЕПа демонстрирует такую траекторию. Она требует продолжения в главах о банках, кредитах и собственности. Возникновение финансовой организации — только промежуточная стадия. Дальше необходимо установить происхождение средств, условия их предоставления, получателей преимуществ и приобретённые активы.

Масштаб: денежный кризис был шире системы НТТМ

Преобразования денежного обращения происходили одновременно с изменением финансов предприятий, бюджетным дефицитом и банковским кредитованием. Центры НТТМ были одним из каналов этой перестройки. Их особое значение для нашей темы состоит в соединении организационного покровительства, государственного заказчика и самостоятельного накопления.

Современная кризису работа **Марио Блейера и Карло Коттарелли**, опубликованная МВФ в **июне 1991 года** как Working Paper 91/55, связывала ускорение денежных диспропорций 1988–1989 годов с финансированием бюджетного дефицита, увеличением средств в распоряжении предприятий и ослаблением ограничений на заработную плату. Авторы оценивали нежелательные денежные накопления населения к концу 1990 года примерно в **170–190 млрд рублей**. Это расчётная оценка денежного навеса, а не установленная сумма хищения или наличной эмиссии.⁷⁵

Такой масштаб требует рассматривать согласованность всей политики. При переводе средств со счёта предприятия в наличную форму меняются форма денег и возможности использования; создание новой денежной массы требует отдельного механизма. Новое банковское кредитование, бюджетные расходы, рост доходов и перераспределение уже существовавших средств воздействуют на систему разными способами.

Для потребительского рынка существенно, сколько средств превращается в платёжеспособный спрос и что ему противостоит. Для будущего передела собственности — у кого концентрируются средства и доступ к кредиту. Эти процессы связаны, но дают разные результаты. Один усиливает давление на снабжение и цены. Другой формирует преимущество определённых групп при приобретении имущества.

Поэтому выражение «разрушение денежных контуров» приобретает точный смысл: **ослабление прежних ограничений без обеспечения согласованности доходов, расходов, кредита и товарного предложения, сопровождавшееся появлением привилегированных каналов распоряжения ресурсом.** Ответственность за этот процесс лежит прежде всего на тех, кто принимал и сохранял соответствующие решения. Размер ответственности каждого участника определяется его полномочиями и действиями.

Глава 8. Государственное имущество перед разделом: аренда, внешняя торговля, совместные предприятия

Предприятие ещё принадлежало государству, но круг лиц, распоряжавшихся его продукцией и выручкой, уже расширялся. Доступ к зарубежному покупателю, аренда и участие в новой организации давали хозяйственную самостоятельность раньше окончательного передела собственности. Формальная вывеска менялась позже, чем практические возможности.

1986-1989: кто получил выход на внешний рынок

19 августа 1986 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление № **991**. Оно расширяло прямые связи предприятий со странами СЭВ и предоставляло ряду министерств, ведомств и предприятий право непосредственных экспортно-импортных операций, включая капиталистические рынки. С **1 января 1987 года** предусматривалось создание соответствующих внешнеторговых организаций и фирм. Одновременно учреждалась Государственная внешнеэкономическая комиссия Совета Министров: децентрализацию пытались совместить с координацией сверху.⁷⁶

В этой конструкции заключалось противоречие. Предприятиям давали возможность быстрее приобретать оборудование и находить покупателей. Но право выбирать контрагента и согласовывать цену становилось самостоятельным хозяйственным ресурсом. Если прежний распределитель превращался в участника доходной операции, менялся и его интерес: эффективность

производства, величина собственного валютного фонда и выгодность посредничества уже не обязательно совпадали.

2 декабря 1988 года постановление Совмина № **1405** расширило круг участников. С **1 апреля 1989 года** непосредственные экспортно-импортные операции разрешались предприятиям, объединениям, производственным кооперативам и другим организациям, чья продукция или услуги были конкурентоспособны за рубежом. Требовалась регистрация. Пункт 16 вводил обмен средствами валютных фондов, их покупку и продажу за рубли по договорным ценам на аукционах Внешэкономбанка.⁷⁷

Так возникала связь между рублёвым накоплением и доступом к валютным операциям. Возможность заработать рубли через новый коммерческий канал приобретала дополнительное значение, если эти средства позволяли участвовать в покупке валюты. Но нормативные отчисления и ограничения сохранялись; формула «всю выручку разрешили бесконтрольно оставлять за границей» содержания этих актов не передаёт.

7 марта 1989 года постановление № **203** закрепило регистрацию участников, декларирование перемещаемого имущества и специальное регулирование отдельных товаров. Для соответствующих перечней действовало лицензирование.⁷⁸ Следовательно, хозяйственная граница не исчезла. Изменились число допущенных к ней участников и распределение полномочий. Это повышало значение конкретного разрешения, таможенного оформления, банковского платежа и проверки контрагента — участков, на которых государственные органы ещё могли действовать предметно.

Совместные предприятия: от обязательного большинства к договорённости сторон

Постановление Совета Министров СССР от 13 января 1987 года № 49 определило порядок создания СП с фирмами капиталистических и развивающихся стран. В первоначальной редакции советская сторона должна была иметь **не менее 51% уставного фонда**. Вкладами могли служить оборудование, здания, имущественные права, включая права пользования природными ресурсами и технологиями. Оценка предусматривала договорные цены с учётом мировых; при отсутствии мировых аналогов стороны согласовывали стоимость.⁷⁹

Поэтому решающим становился состав вклада. Советский участник мог предоставить производственную площадку, инфраструктуру или технологические права, иностранный — оборудование, деньги и организационный опыт. Процент участия имел смысл только вместе с оценкой того, что за него получали. Формальные 51% не исправляли завышения цены чужого оборудования или занижения стоимости предоставляемых прав, если такое искажение было допущено.

Уже упомянутое постановление № 1405 от 2 декабря 1988 года, пункт 31, разрешило определять доли по соглашению сторон и допускало иностранного гражданина на должность председателя правления либо генерального директора. Принципиальные вопросы должны были решаться правлением единогласно.⁷⁷

Это было сознательное изменение режима контроля. Руководство страны отказалось от универсального требования советского большинства, одновременно сохранив договорные механизмы согласования. Само изменение не означало обязательной утраты актива. Оно переносило большую ответственность на тех, кто составлял учредительные документы, оценивал имущество и представлял советского участника.

Для контрразведки здесь возникала задача шире проверки гражданства партнёра. Следовало понимать, кто стоял за фирмой, какую информацию она получала, чем реально оплачивала участие и какие права закрепляла договором. Зарубежный коммерсант мог быть добросовестным инвестором, представителем конкурирующего производителя или прикрытием разведывательного интереса. Различить эти случаи и защитить государственный ресурс — профессиональная работа службы, а не основание отвергать всякое сотрудничество.

«ЛогоВАЗ»: 20 миллионов долларов кредита под продажу автомобилей

Совсем другую конструкцию описала **Алина Иванова в «Коммерсанте» 23 сентября 1991 года**. «ЛогоВАЗ» и АвтоВАЗ договорились о продаже через СП **10 тысяч автомобилей** за валюту на внутреннем рынке. Под закупку оборудования был привлечён **годовой кредит на 20 млн долларов от шести российских банков**. По сообщению генерального директора СП **Бориса Березовского**, расчёт с заводом включал импортное оборудование на ту же сумму и дополнительный, не раскрытый в статье валютный платёж.⁸⁰

В заметке назывался диапазон продажных цен **4,5-7,5 тысячи долларов**. Березовский оценивал ожидаемую прибыль в **1-1,5 млн долларов**. Это прогноз участника сделки. Поздний пересказ превратил диапазон в **11,5 млн**; первичная публикация позволяет устранить ошибку ещё до включения цифры в книгу.⁸¹

Экономический смысл соглашения состоит в соединении трёх ресурсов: заводской продукции, банковской валюты и посреднического доступа к покупателю. Коммерческая структура получала возможность заработать на реализации большого объёма автомобилей, не владея всем производственным комплексом. Заводу обещали необходимое импортное оборудование. Банки кредитовали

операцию, опиравшуюся на уже существующий товарный ресурс.

Здесь находится важное звено между главами о денежных механизмах и собственности. Чтобы накопить капитал, не требовалось сначала купить завод. Можно было занять место в его расчётах и сбыте. Сама по себе эта функция могла быть полезной. Предмет оценки — её цена для производителя, сравнение с доступными альтернативами и фактическое исполнение обязательств.

Опубликованное сообщение не содержит всей документации о залоге, гарантиях и окончательных платежах. Поэтому из него нельзя вывести размер состоявшегося ущерба. Зато оно фиксирует уже действовавшую при СССР модель коммерческого финансирования: **банковский кредит открывал доступ к доходу от государственной промышленности, а этот доход мог стать ресурсом следующего приобретения.** Именно такой переход следовало замечать раньше, чем накопленный капитал предъявлял права на само предприятие.

Аренда: договор определял будущую цену собственности

Арендный путь менял отношения иначе. Основы законодательства об аренде **от 23 ноября 1989 года № 810-I**, рассмотренные в главе 5, допускали полный или частичный выкуп имущества на предусмотренных договором условиях. Организация арендаторов создавалась решением трудового коллектива, принимавшимся не менее чем двумя третями голосов.⁴⁴

Для экономической безопасности существенны три момента: стоимость передаваемого имущества, платежи за его использование и условия последующего приобретения. Если договор заранее определял возможность выкупа, решение о будущей судьбе актива начинало складываться

уже при его заключении. Ожидание формальной продажи оставляло без внимания предыдущую стадию.

Представим два договора на одинаковое оборудование. В первом плата обеспечивает собственнику соразмерный доход, обязанности по ремонту ясны, оценка выкупа учитывает состояние имущества. Во втором платежи занижены, существенные расходы несёт прежний собственник, а привлекательные условия приобретения закреплены за ограниченным кругом участников. Юридическое название отношений одинаково; хозяйственный результат различается. Это сравнение показывает механизм риска, а не подменяет неизвестный договор конкретного предприятия.

Трудовой коллектив и директор также не тождественны. Коллективный характер решения требовал действительного доступа работников к информации о стоимости имущества, кредитах и обязательствах. Управленческое преимущество возникало у тех, кто готовил документы и вёл переговоры. Оно могло использоваться для развития предприятия или для закрепления особого положения организаторов.

Связь с НТТМ и кооперацией состоит в финансовой стороне перехода. Накопленные вне прежнего порядка распределения средства приобретали новое назначение, когда законодательство открывало возможность выкупа. Поэтому защита имущества требовала сопоставления двух рядов документов: откуда у покупателя деньги и на каких условиях государство отдаёт актив. Проверка одного ряда без другого оставляла сам переход контроля нерассмотренным.

КАМАЗ: акционирование по решению союзного правительства

25 июня 1990 года Совет Министров СССР принял постановление № **616** о преобразовании производственного объединения «КамАЗ» в акционерное общество. Документ подписали **Николай Рыжков** и управляющий делами Совмина **Михаил Шкабардня**. Он передавал имущество в собственность АО, поручал первоначальное управление прежней дирекции и предусматривал акции номиналом **100 рублей**. Не менее **51% первоначального уставного фонда** в акциях должно было остаться в общесоюзной собственности; продавать разрешалось советским и иностранным юридическим лицам и гражданам, с преимущественным правом работников.⁸²

Корпоративная историческая публикация КАМАЗа оценивает переданное имущество на **1 июля 1990 года в 4 703 572 000 рублей**. Она связывает подготовку преобразования с генеральным директором **Николаем Бехом**, поддержкой **Леонида Абалкина** и Рыжкова. В качестве хозяйственной причины названа потребность в средствах для завершения строительства и модернизации.⁸³

Схема сохраняла государственный контрольный пакет, но меняла способ осуществления прав. Между государством и производственным комплексом возникало акционерное общество. Прежнее управление имуществом уступало место сочетанию корпоративной собственности и прав акционера.

Финансовые условия заслуживают отдельного внимания. При продаже акций за валюту она оставалась у АО, а бюджету перечислялся рублёвый эквивалент. Государственные дивиденды временно сохранялись в распоряжении общества для накопления — до достижения установленного постановлением предела. Продажа государственных акций должна была давать бюджетный доход после оговорённых вычетов.⁸²

Следовательно, правительство сознательно предоставляло предприятию финансовые преимущества ради развития.

Вопрос об их оправданности зависит от инвестиционного результата, оценки имущества и исполнения условий. Личное присвоение Бехом или другими руководителями устанавливается по самостоятельным документам о сделках и доходах. Но этот случай исключает представление, будто превращение государственного промышленного имущества в объект корпоративных прав началось только после распада СССР.

Для КГБ предметом оценки становилась уже целая конструкция: кто представлял государственный пакет, какие обязательства сохранялись, как расходовалась полученная валюта и мог ли собственник реально контролировать управление. Охрана заводского периметра не отвечала на эти вопросы.

Июль 1991 года: кредит получил прямой путь к приватизации

3 июля 1991 года был принят Закон РСФСР № 1531-I «**О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР**». В первоначальной редакции статья 11 прямо допускала использование **заёмных средств** для приобретения предприятий. Статья 3 предусматривала включение условий кредитования и размеров соответствующих ресурсов в программу приватизации. Статья 13 относила банки и кредиторов к числу возможных инициаторов приватизации.⁸⁴

Это важная датировка. Правовой переход к приобретению государственного имущества за кредитные средства был обозначен ещё до августа и декабря 1991 года. Не всякое тогдашнее коммерческое кредитование предназначалось для покупки собственности, однако связь кредита и будущего собственника перестала быть отвлечённой возможностью.

Теперь нужно соединить факты предыдущих глав. Государственные предприятия формировали товарный ресурс. Коммерческие организации получали доход от

работ, торговли и финансовых операций. Часть структур имела доступ к организационному покровительству и льготному финансированию. Новое законодательство открывало применение собственных и заёмных средств к приобретению имущества. Так складывалась последовательность, в которой первоначальные преимущества могли воспроизводиться и усиливаться.

Партийные средства, рассмотренные в главе 5, занимают в этой истории особое место: они показывают, как ресурсы политической организации направлялись в коммерческий сектор. Но кредит «ЛогоВАЗу», средства партийного аппарата и последующие приватизационные займы нельзя объявлять одним денежным потоком без документов о движении средств. Их объединяет механизм превращения доступа к финансированию в преимущество; персональные связи устанавливаются отдельно.

Граница 1991 года поэтому разделяет разные масштабы и правовые режимы, но не обнуляет предысторию. Покупатели будущих активов приходили к следующей стадии с неодинаковыми возможностями. Для объяснения передела принципиально, как эти возможности возникли при ещё существовавшем государственном хозяйстве.

Крючков связывал обогащение с борьбой за собственность

На вопрос, могло ли руководство КГБ не видеть политического значения накопления капитала, имеется прямой ответ в опубликованных документах.

В записке президенту СССР № **219-К от 7 февраля 1991 года** Владимир Крючков связывал обогащение теневых групп с их стремлением к политическому влиянию и дальнейшему увеличению собственности через приватизацию. Текст опубликован в приложении к книге Олега Хлобутова. Это оценка председателя КГБ, доведённая до Горбачёва, а не объяснение, придуманное после исчезновения страны.⁶⁵

Значение документа состоит в названной причинной связи: накопление создаёт политический интерес, политическое влияние используется для дальнейшего приобретения имущества. Председатель видел, что речь идёт не только об отдельных нарушениях торговли. Менялось соотношение общественных сил.

Однако направленность записки обнаруживает и предел подхода. Основной акцент сделан на теневом бизнесе, оппозиции и конфликте союзного центра с республиками. Разобранные в этой главе решения показывают другую сторону процесса: новые имущественные возможности создавались самим союзным правительством и законодательством. Анализ угрозы должен был охватывать также последствия официально одобренных преобразований.

Из этого следует более точный ответ, чем утверждение о всеобщем неведении службы. **КГБ располагал представлением о связи капитала, власти и передела собственности. Но распознавание этой связи не превратилось в действенную защиту государственного хозяйства от совокупных последствий политического курса.** Это институциональная неудача на уровне применения профессионального результата.

При таком выводе ответственность руководства службы становится конкретнее. Требуется оценивать, как оно сопоставляло выявленные угрозы с решениями правительства, какие изменения предлагало и чего добивалось после предупреждений. Сам факт доклада подтверждает осведомлённость; результат работы определяется последующими решениями и сохранностью защищаемого потенциала.

Глава 9. Технологии и экономическая безопасность: разведывательная добыча и утрата собственного потенциала

Добытый секрет имеет цену лишь тогда, когда его умеют использовать. За информацией разведчика стоят инженер, лаборатория, завод и государственный заказ. Если эта цепь слабеет, успех операции остаётся успехом службы, а технологический выигрыш страны сокращается. На этом переходе встречаются разведывательная история и история производства.

Разведка добывала технологию. Кто должен был сохранить её получателя?

Самое трудное для объяснения поражение КГБ находится не там, где служба ничего не умела. Оно находится на стыке её профессиональных успехов и государственных решений, обесценивавших эти успехи. Советская разведка доставала закрытые технические сведения. Контрразведка защищала оборонные предприятия. Но технология имеет государственную ценность лишь тогда, когда существует промышленная система, способная её освоить, воспроизвести и развивать.

Чертёж не заменяет технологического процесса. Опытный образец не заменяет серийного производства. Серийное производство не существует без материалов заданной чистоты, оборудования, метрологии, устойчивого заказа и специалистов. Поэтому вопрос этой главы шире сохранности секретов: **почему государство, оплачивавшее добывание чужого знания, не обеспечило сохранение собственного механизма превращения знания в продукцию?**

Создание научной школы, приобретение иностранного оборудования и получение разведывательной информации были разными, взаимодополняющими путями развития. История микроэлектроники, МИЭТ и научных обменов позволяет рассмотреть их совместное действие. Легальное получение знаний составляло самостоятельную часть этой системы; её достижения нельзя целиком приписать тайным операциям или одному ведомству.⁸⁵

Ответственность в ней распределялась следующим образом:

Участник	Результат, за который он отвечал
Научно-техническая разведка	Получение недоступных сведений, образцов, информации о направлениях развития
Контрразведка	Выявление разведывательного проникновения, защита охраняемых объектов и сведений, противодействие угрозам в пределах компетенции
Научные организации и промышленность	Разработка, освоение процесса, качество и серийное воспроизводство
Политическое и хозяйственное руководство	Приоритеты, ресурсы, заказ, межотраслевая кооперация и правила использования результатов

У каждой из этих функций собственный исполнитель и критерий результата. Но нельзя и объявлять происходившее за пределами проходной завода чужим делом службы, на которую возлагалась защита экономического и научно-технического потенциала страны.

Признание противника: добывались не только чертежи

3 апреля 1984 года директор ЦРУ Уильям Кейси выступил перед Commonwealth Club of California в Пало-Альто. Обращаясь к технологическим компаниям, он назвал Кремниевую долину приоритетной целью советской и восточноевропейской разведки. По его оценке, только в конце 1970-х годов Москва приобрела несколько тысяч единиц западного микроэлектронного оборудования стоимостью в сотни миллионов долларов. Перечень охватывал подготовку пластин, изготовление масок, производство приборов, сборку и испытания.⁸⁶

Это свидетельство противника о масштабах успеха. Речь шла не об одном удачно похищенном документе, а о доступе к средствам производства. В таком результате участвовали разведывательные службы, внешнеторговые организации, промышленность и партнёры СССР. Отнести весь объём исключительно к КГБ было бы неправильно; вычеркнуть из него научно-техническую разведку — столь же неправильно.

В рассмотренном во второй главе межведомственном американском меморандуме от 25 мая 1982 года приобретение технологий также оценивалось как серьёзный ресурс советского развития. Документ анализировал сочетание легальных и нелегальных каналов, а не только агентурное получение информации.¹⁹

Смысл этих признаний принципиален. Советская служба не просто наблюдала за технологическим соревнованием. Она помогала уменьшать цену и сроки освоения направлений, доступ к которым противник стремился ограничить. На внешнем фронте это была реальная работа в интересах обороны и промышленности.

Однако успех приобретения ещё не равнялся устойчивости производства. Если оборудование получено, а обслуживание, материалы и подготовка персонала не обеспечены, приобретение постепенно теряет ценность.

Если отрасль лишается согласованного заказа, её не спасает даже исчерпывающее знание о зарубежной технике. Именно здесь проходит граница между победой разведки и результатом государственной политики.

Зеленоград: собственная школа, а не склад заимствований

Советская микроэлектроника имела собственную научную и производственную основу, взаимодействовавшую с результатами разведки. 9 марта 1964 года был создан НИИ молекулярной электроники. Его становление связано с Камилем Ахметовичем Валиевым. В 1967 году к исследовательской базе добавился опытный завод «Микрон». Между ними — 9 декабря 1965 года — были изданы приказы об организации Московского института электронной техники: союзного министерства № 363 и российского республиканского министерства № 633.^{87,88}

Эта последовательность выражает логику строительства отрасли. Исследовательский институт создавал решения, завод осваивал их в производстве, профильный вуз готовил специалистов. Значение такой связки определяется также устойчивостью научной школы и производственного воспроизводства. Она обеспечивала воспроизводство компетенции: способность обучать следующую смену инженеров, разбираться в дефектах, изменять процесс и запускать новые разработки.

Поэтому технологическое заимствование не является само по себе доказательством несостоятельности школы. Важнее, что происходило после заимствования: воспроизводился ли процесс, развивалось ли оборудование, появлялись ли собственные решения. Столь же неверно объявлять всю отрасль передовой только на основании одного удачного прибора. Сильная исследовательская группа, надёжная специальная микросхема и конкурентоспособная массовая элементная база — связанные, но не тождественные достижения.

Для государственной безопасности существенна именно эта разница. Охранять готовый результат необходимо. Сохранить способность получать следующие результаты — задача более сложная и долговременная.

Вычислительная техника: архитектура не заменяет промышленной базы

В американском исследовании о применении западных технологий в компьютерах семейства «Ряд» различались освоение проектных концепций и способность воплотить их в устойчивом производстве. Среди ограничений рассматривались техническое исполнение, снабжение и обеспечивающая микроэлектронная база.⁸⁹ Это полезное различие, независимо от политических целей составителей документа.

Совместимость вычислительных систем способна расширять доступный круг программ и упрощать обмен опытом. Но выбор архитектуры не производит автоматически нужных компонентов. Для него необходимы изготовление, испытания, ремонт, периферия и подготовка пользователей. Получить описание решения — не то же самое, что обеспечить его массовую эксплуатацию.

При этом факт последующего кризиса нельзя переносить назад и изображать всю предшествующую историю непрерывным падением. Госкомстат приводил следующую динамику показателя «производство средств вычислительной техники и запасных частей к ним», принимая 1985 год за единицу:

Год	Индекс к 1985 году
1985	1,0
1989	1,8
1990	1,6

Показатель фиксирует рост относительно середины десятилетия и снижение в 1990 году относительно 1989-го.

Он не измеряет мировую конкурентоспособность, быстродействие или качество всей выпускавшейся техники.⁹⁰

Но он не позволяет и написать, будто к началу перестройки производство уже отсутствовало как значимый объект защиты. Существовала развивавшаяся отрасль с собственными достижениями и ограничениями. Предметом государственной политики должен был стать её переход к следующему технологическому уровню. Подмена этой задачи общим приговором всему советскому производству снимала вопрос о том, какие решения могли обеспечить обновление и кто отвечал за их принятие.

Валюта и долг: зависимость возникала после приобретения станка

Импортное оборудование требует расходов после поставки. Нужны запасные части, расходные материалы, обслуживание и обновление. Поэтому значение валютного положения для технологической безопасности не исчерпывается возможностью однажды купить производственную линию.

В исследовании МВФ о советской задолженности приводится оценка долга в конвертируемой валюте на 4 декабря 1991 года — **61,4 млрд долларов**. Из них 53,7 млрд приходились на обязательства, заключённые или гарантированные Внешэкономбанком. Это показатель с определённым составом и датой, а не сумма всех обязательств СССР во всех формах расчётов.⁹¹

При ограниченной валюте приобретение продовольствия, обслуживание долга и поддержание импортозависимого производства конкурируют за один ресурс. Экономическая политика должна определять приоритеты не только по немедленной общественной заметности проблемы, но и по цене остановки технологической цепочки. Отказ от небольшой поставки расходного материала способен обесценить намного более дорогую установленную линию.

Сумма задолженности сама по себе не доказывает преднамеренного разрушения экономики. Для такого вывода нужны условия конкретных заимствований, направления использования денег и решения, принятые при известных последствиях. Но она показывает масштаб ограничений, внутри которых к концу существования Союза принимались хозяйственные решения.

Связь с предыдущей главой здесь прямая. Разрешение предприятию самостоятельно зарабатывать валюту ещё не гарантировало обеспечения общегосударственных технологических потребностей. Доходы и необходимые расходы могли оказаться у разных участников. Защита внешнеэкономической сделки без анализа её места в производственной системе не давала ответа на вопрос, сохраняется ли в результате национальная способность производить.

Глава 10. Идеологический разворот: кто менял смысл существования государства

Общее государство держится и на представлении о том, зачем оно существует. Для советского общества труд, образование, общественная собственность и служба стране были связаны этим представлением. Когда официальная власть меняла язык своего оправдания, она меняла также критерий, по которому граждане оценивали её действия.

Публичный мандат: обновить социализм, а не отказаться от него

27 января 1987 года Михаил Горбачёв выступил на Пленуме ЦК КПСС с докладом «О перестройке и кадровой политике партии». Он связывал перестройку с использованием достижений научно-технической революции в плановой экономике, раскрытием возможностей социализма и демократизацией. Одновременно критиковал догматизацию общественных наук, ослабление контроля над собственностью и хозяйственные ограничения. Ломка политической системы в докладе прямо отрицалась.⁹²

Это существенная исходная точка. Публичное согласие с исправлением управления не равнозначно согласию с ликвидацией общественного строя. Поддержать борьбу с привилегиями — не значит поручить руководителям преобразовать административное преимущество в частную собственность. Поддержать достоверное освещение прошлого — не значит согласиться с отрицанием всей истории страны.

Само слово «перестройка» не сообщало гражданину конечного устройства будущего общества. Под ним могли действовать люди с различными намерениями: улучшить социалистическое хозяйство, изменить политические институты, перейти к иной экономической системе. Пока

различия не переводились в ясную программу и открытый выбор, общее одобрение перемен не разрешало противоречий между этими целями.

В управленческом отношении возникала опасная асимметрия. Прежняя система сохраняла обязательность решений центра, но содержание этих решений менялось быстрее, чем формулировались пределы изменений. Руководитель на месте получал требование поддерживать курс, не располагая устойчивым описанием его конечного результата.

Поэтому история идеологического разворота должна начинаться не с обвинения населения в легковерии. Она начинается с ответственности тех, кто определял публичные обещания, принимал решения и располагал информацией о расхождении обещаний с практикой. В этом сопоставлении и находится проверяемая граница между реформированием и подменой заявленной цели.

**Яковлев: путь к полномочиям, а не история
одиночного публициста**

Влияние Александра Николаевича Яковлева объясняется не только его текстами. Оно опиралось на последовательное получение должностей внутри советской системы. После работы послом в Канаде он в 1983–1985 годах возглавлял Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР. Затем вернулся в центральный партийный аппарат.⁹³

Период	Положение Яковлева	Значение для проведения курса
1983–1985	Директор ИМЭМО	Доступ к аналитике и подготовке предложений руководству
1985–1986	Заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС	Работа внутри аппарата определения и распространения официальных оценок

Период	Положение Яковлева	Значение для проведения курса
С 1986	Секретарь ЦК КПСС	Полномочия по вопросам идеологии, информации и культуры
Январь 1987	Кандидат в члены Политбюро	Включение в высший круг принятия решений
Июнь 1987	Член Политбюро	Участие в определении общего политического курса

Факт январского повышения зафиксирован и в официальном сообщении о Пленуме.⁹² Следовательно, идеологическая перестройка осуществлялась не только через убеждение читателей. Её проводил руководитель, включённый в систему кадровых назначений, межведомственного согласования и партийной дисциплины.

Международные контакты, академическая работа, доступ к руководству и распоряжение информационными каналами составляли разные ступени влияния. Зарубежная стажировка или изучение западной мысли сами по себе не доказывают зависимости от иностранной разведки. Политическое значение имело назначение на пост, позволявший превращать взгляды в обязательную линию и подкреплять её кадровыми решениями.⁹⁴

Горбачёв поэтому не может быть выведен из анализа формулой о всесильном советнике. Яковлев действовал внутри руководства, возглавляемого генеральным секретарём. Его предложения приобретали государственный масштаб через решения этой системы, а не благодаря самостоятельному праву распоряжаться страной.

Проекты 1985–1986 годов: изменение устройства обсуждалось заранее

Записка Яковлева Горбачёву «Императив политического развития» датирована в документальной публикации концом декабря 1985 года. Архивная ссылка — ГА РФ, фонд 10063, опись 1, дело 380, машинописная копия. Она содержала не только общие пожелания улучшить работу. Среди предложений — президент, избираемый прямым всенародным голосованием на десять лет из кандидатов партий, входящих в Союз коммунистов, и соответствующие президентские аппараты.⁹⁵

Перед нами проект изменения политической конструкции. Его наличие ещё не означает, что в декабре 1985 года Горбачёв утвердил всю схему или что дальнейшие события были исполнением единого календарного плана. Но оно опровергает представление, будто вопрос о пересмотре устройства власти возник лишь в ответ на уже развернувшийся массовый кризис.

В тезисах Яковлева об основных слагаемых перестройки, датированных декабрём 1986 года, сформулировано противоречие между расширением экономической соревновательности и свободы выбора, с одной стороны, единственностью собственности, идеологии и власти — с другой. Там же предложено рассмотреть разделение партии на две части. Для этого документа указаны фонд 10063, опись 1, дело 157.⁹⁶

Таким образом, в интеллектуальном обеспечении курса присутствовало понимание: хозяйственные изменения могут потребовать изменения политической системы. В экономических главах мы рассматривали новые правила как перераспределение ресурсов и прав. Здесь обнаруживается их связь с вопросом о том, кто будет определять дальнейшее движение и какие силы получают организационное представительство.

Это принципиально для оценки намерений. Не всякое последствие было предусмотрено, не всякая предложенная

мера была осуществлена. Однако направление политического переустройства обсуждалось заранее и вполне предметно. Описывать весь процесс как цепь совершенно непредвиденных последствий уже недостаточно.

Весна 1988 года: партийный орган определяет границы дискуссии

13 марта 1988 года «Советская Россия» опубликовала статью Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами». 5 апреля «Правда» ответила редакционным материалом «Принципы перестройки: революционность мышления и действий». Эта последовательность подтверждается, в частности, публикацией петербургского архива о поступлении документов Андреевой.⁹⁷

Для данной главы важен не подробный разбор всех исторических утверждений Андреевой. Он относится к отдельной теме обращения с прошлым. Нас интересует политическое устройство спора. Высший партийный печатный орган не просто предоставил место другой позиции: он определил отношение к публикации и подтвердил обязательный курс. Согласно биографии Яковлева на сайте его архива, подготовку редакционной статьи он организовал по решению Политбюро.⁹³

При этом текст «Правды» ещё отвергал трактовку перестройки как демонтажа социализма. Он критиковал как стремление остановить преобразования, так и отрицание всего послеоктябрьского пути.⁹⁸

Получалось, что новое направление защищалось прежними средствами политического авторитета. Право определить, какая критика помогает социализму, а какая препятствует перестройке, оставалось у центрального руководства. Гласность расширяла пространство обсуждения, но сама официальная оценка разногласий продолжала исходить сверху.

В такой системе аппарат мог менять содержание убеждений, сохраняя привычку требовать согласия с текущей линией. Для исполнения не обязательно было знать конечный замысел каждого из руководителей. Достаточно было понимать, какая позиция поддержана центром и какая объявлена препятствием.

Отсюда следует важный механизм: **партийная дисциплина могла обеспечивать не только сохранение прежнего курса, но и его последовательную замену.** Сила организационного инструмента не гарантировала неизменности целей тех, кто им распоряжался.

Научные центры: кто превращал анализ в обязательный курс

Изучение капиталистического хозяйства, западной политической мысли и общественных настроений было необходимо советскому государству. Без него невозможны ни внешняя политика, ни технологическое соревнование, ни серьёзная экономическая наука. Поэтому объяснять поражение страны самим существованием международных научных контактов — значит отрицать одну из предпосылок её развития.

В материалах № 89 и 91 нашего цикла поставлен более точный вопрос: каким образом профессиональное знание проходило путь от институтской записки к политическому решению или массовой публикации. В следующей главе этот путь будет разобран на конкретных текстах и редакциях. Здесь важно выделить ответственность заказчика анализа.⁹⁴

Исследователь мог описывать проблему снабжения, привилегий или негибкости управления. Политическое руководство выбирало, какой вывод из анализа сделать. Исправить механизм планирования и отменить обязательность общегосударственного планового задания — не одно и то же. Расширить права трудового коллектива и передать преимущество посреднику — также разные решения, хотя оба можно было объяснять борьбой с бюрократизмом.

У руководства существовали и каналы получения обратной связи. В опубликованном документальном корпусе Яковлева представлены тезисы для Политбюро «О письмах в ЦК КПСС о перестройке» от 24 марта 1987 года и об отношении населения к перестройке от 3 марта 1988 года.⁹⁹ Уже наличие этих документов показывает, что реакция общества была предметом работы высшего аппарата, а не совершенно неизвестной ему величиной.

Исправление курса определяется содержанием принятого решения после реакции. Обратную связь можно использовать для пересмотра решения, а можно — для изменения способов его разъяснения и преодоления сопротивления. Для государственной безопасности различие решающее: сообщение о неблагоприятных последствиях не должно превращаться только в материал о недостаточной убедительности пропаганды.

Глава 11. Печать, телевидение и интеллектуальная среда: изменение государственной информационной политики

Редактор получает право выбрать, что миллионы людей увидят завтра. Политический руководитель выбирает, кому дать это право. Между этими двумя решениями возникает государственная информационная политика. Её изменение объясняется не только содержанием публикаций, но и назначениями, разрешениями и поддержкой наверху.

1986 год: четыре редакторских назначения

Персональную основу поворота можно назвать без обезличивающего выражения «либеральная интеллигенция».

Издание	Новый руководитель в 1986 году	Установленная опора
«Огонёк»	Виталий Коротич; назначение в мае	Биографическая справка и собственный рассказ о подборе кандидатуры
«Московские новости»	Егор Яковлев	История издания связывает приход редактора с поручением поддерживать перестройку и гласность
«Новый мир»	Сергей Залыгин	Официальная история журнала датирует начало его редакторства 1986 годом
«Знамя»	Григорий Бакланов	Биографический ресурс указывает редакторство в 1986–1993 годах

Эти назначения относятся к одному году, но не должны превращаться в вымышленное одновременное назначение всех четверых одним майским решением. Такая

хронологическая компрессия присутствует в исходном материале № 91; в книге она устранена.¹⁰⁰

Особенно содержательно свидетельство Коротича. В интервью Виктору Лошаку, опубликованном 11 сентября 2005 года, он рассказал, что первоначально предложение получил Роберт Рождественский, который рекомендовал Александру Яковлеву его кандидатуру. Коротич упоминал также объяснение выбора со стороны Егора Лигачёва: новый редактор был известен, но не имел собственной команды. По словам Коротича, команду он быстро сформировал.¹⁰¹

Это свидетельство показывает кадровый механизм лучше, чем представление о внезапно возникшей бесконтрольности. Инициатива назначения исходила из партийной верхушки; редактор затем использовал предоставленное положение для подбора сотрудников. Нельзя, однако, автоматически приписывать участникам первоначального назначения согласие со всеми последующими решениями редакции. Аппаратный выбор создавал возможность, но не гарантировал неизменности политического союза.

Апрель 1987 года: литературный герой как модель хозяйственного строя

В № 4 «Науки и жизни» за 1987 год появилась статья Гавриила Попова «С точки зрения экономиста» — о романе Александра Бека «Новое назначение». Начало статьи на печатной странице 54 содержит прямую связь с январским пленумом ЦК 1987 года. Попов представлял анализ как работу экономиста над проблемами управления производством, а не как внешнюю атаку на страну.¹⁰²

Первый раздел назывался «Административная система». В центре находился литературный руководитель Александр Онисимов: исполнительный, работоспособный, преданный делу. Недостатки управления раскрывались не через мошенника или бездельника, которого достаточно

заменить, а через деятельность человека, выполнявшего требования системы с предельной добросовестностью. Официальная биографическая публикация экономического факультета МГУ также характеризует статью как разбор сверхцентрализации и ограничений существующей модели.¹⁰³

Политический потенциал такого построения очевиден: если неудовлетворительный результат возникает даже при честном и компетентном исполнителе, читателя подводят к изменению устройства, а не только кадров. Это уже другой масштаб вывода.

Но научный спор начинается именно здесь. Художественный образ может обнаружить проблему и сделать её наглядной; он не заменяет сопоставления отраслей, периодов, затрат и результатов. Для инженера или экономиста существенно не только количество распоряжений сверху, но и то, какие задачи решались, при каких ограничениях и с какими альтернативами. Для военной мобилизации, крупной инфраструктуры и ассортимента потребительских товаров нужны разные критерии управления.

Сильная сторона материала № 88 нашего цикла — внимание к превращению языка специалистов в массовый язык политики. В книге этот вывод сохраняется, но отказ от конкретного управления не объявляется автоматически отказом от государства. Такой переход должен быть показан последующими решениями, а не дописан задним числом в статью 1987 года.

Июнь 1987 года: что предлагал Шмелёв

Через два месяца, в № 6 «Нового мира», вышли «Авансы и долги» Николая Шмелёва. Начальная постановка была вполне предметной: монополизм производителя при дефиците и слабая заинтересованность предприятий в техническом обновлении. Автор противопоставлял административному нажиму хозяйственные стимулы, обращался к опыту нэпа, обсуждал роль цен, прибыли, кредита, самоокупаемости и кооперации. Свои предложения он вводил через задачи социалистического строительства и решения XXVII съезда КПСС.¹⁰⁴

Именно это сочетание делало публикацию политически значимой. Предлагался не открытый отказ от провозглашённой цели, а другой путь к ней. Читателю не требовалось считать себя противником социализма, чтобы согласиться с критикой затратного производства или с необходимостью заинтересовать предприятие в результате.

Сопоставим этот язык с экономической частью нашей книги. Глава 7 показала, что послабление для нового хозяйственного субъекта имело конкретное содержание: режим денежных операций, расчётов, оплаты и контроля. Глава 8 — что самостоятельность предприятия меняла отношения распоряжения государственными ресурсами. Между лозунгом хозяйственной инициативы и нормативной конструкцией перехода возникал разрыв.

Сама по себе прибыль не отвечает на вопросы: кто устанавливает цены, кому принадлежит актив, кто принимает убыток, за счёт какого кредита появляется новый собственник? Эти вопросы должны были сопровождать общественное обсуждение с самого начала. Иначе экономическая свобода получала одобрение прежде, чем общество узнавало её конкретных приобретателей и плательщиков.

Связь статьи Шмелёва с его предшествующей служебной аналитикой требует отдельной проверки. Опубликованный текст позволяет установить содержание публичного

предложения. Без самой записки и сопоставления редакций он не доказывает, что журнал напечатал документ ограниченного распространения.

Редакционное влияние можно измерять

Распространённая ошибка — описывать информационное воздействие одними названиями знаменитых публикаций. Не менее важны повторяемость, место в номере, сочетание тем и объём распространения.

Александр Акопов в исследовании «Огонька», опубликованном в RELGA 1 ноября 2022 года, привёл следующие величины разового тиража: за 1989 год — 3,2–3,5 миллиона экземпляров, за 1990-й — 4,6 миллиона, за 1991-й — 1,8 миллиона. Это данные исследователя по номерам журнала, а не самостоятельно пересчитанная нами издательская отчётность.¹⁰⁵

При таком масштабе редакционное решение переставало быть частным разговором литераторов. Миллионы экземпляров означали производство, бумагу, типографские мощности и доставку. Говорить только о личной смелости главного редактора — значит исключать из объяснения материальную организацию его влияния.

Однако экземпляр не равен человеку, а человек, прочитавший номер, не равен политическому стороннику. Покупатель мог искать литературное произведение, репродукцию, разгадку исторического спора или рассказ о знакомом конфликте. Тираж показывает масштаб доступной трибуны; общественное согласие требует другого измерения.

Важен и спад. Информационная популярность не была ресурсом, который однажды возник и затем только нарастал. Разочарование, изменение спроса и условий распространения могли разрушать уже приобретённую аудиторию. Для объяснения распада нужно изучать конкретные этапы, а не рисовать одну прямую линию от первого разоблачения к декабрю 1991 года.

2 октября 1987 года: новая интонация в государственном эфире

Первый выпуск «Взгляда» вышел 2 октября 1987 года на Первом канале Центрального телевидения. Архивная справка телеканала «Время» отмечает сочетание прямого эфира, социальной проблематики, неофициальной манеры ведущих и музыкальных клипов. Это был заметный разрыв с привычной формой советской информационной передачи.¹⁰⁶

Для нашей темы решающее обстоятельство — не одежда ведущих, а место появления программы. Новая интонация получила общесоюзную государственную площадку. Альтернативность подачи не означала, что зритель принимал чужой сигнал подпольным способом: он включал собственное Центральное телевидение.

Телевизионная форма меняла отношение между сообщением и авторитетом. Когда официальный диктор уступал место разговаривающему человеку, доверие могло переноситься с учреждения на личность. Появлялась возможность критиковать учреждение, используя охват, который само учреждение обеспечивало. Это наш вывод о механизме коммуникации, а не утверждение, что каждый сюжет программы был частью единого плана.

Для оценки конкретного воздействия необходимы выпуски, темы, приглашённые участники и решения об эфире. Одной даты запуска недостаточно, чтобы приписать передаче организацию распада. Но этой даты достаточно, чтобы отвергнуть объяснение, будто новая информационная среда первоначально возникла целиком вне государственного аппарата. Она развивалась и внутри него — с предоставлением времени, техники и доступа к аудитории.

Глава 12. Привилегии и доверие: почему контроль не обеспечил общих правил

Привилегия становится политически опасной, когда гражданин перестаёт верить в общность правил. Тогда очередная проверка отдельного злоупотребления уже не восстанавливает доверие к порядку в целом. Перед государственным контролем стояла двойная задача: устанавливать нарушение и удерживать обязательность правила для тех, кто обладал властью.

Государство теряет устойчивость, когда перестаёт убедительно объяснять, почему гражданин должен соблюдать общие правила, а руководитель получает возможность пользоваться исключениями. Для СССР это противоречие было особенно опасным. Власть обосновывала своё право руководить трудом, общественной собственностью и социальной справедливостью. Поэтому присвоение преимуществ людьми, распоряжавшимися общим имуществом, затрагивало само основание её легитимности.

Нравственное разоружение здесь означает разрушение связи между провозглашаемой нормой и вознаграждаемым поведением. Его можно исследовать по документам: кому разрешали зарабатывать, на каких условиях передавали ресурсы, кто принимал решения и кто отвечал за последствия. В этой последовательности обнаруживается и место КГБ. Служба видела политическую опасность имущественного расслоения, но оставалась встроенной в руководство, решения которого меняли правила распределения.

Труд как основание общественного положения

Конституция СССР, принятая 7 октября 1977 года, связывала общественное положение человека с полезным трудом и его результатами. Статьи 13–14 определяли трудовые доходы как основу личной собственности и предусматривали государственный контроль за соотношением труда и потребления. При этом статья 17 допускала индивидуальную деятельность, основанную на труде гражданина и его семьи. Частная работа сама по себе не объявлялась несовместимой с социализмом.¹⁰⁷

Политический смысл этой конструкции заключался в обещании объяснимого неравенства. Различия в зарплате могли оправдываться квалификацией, тяжестью работы, ответственностью, результатом. Преимущество, полученное исключительно благодаря близости к распределителю, требовало уже другого объяснения. Чем сильнее оно расходилось с трудовым вкладом, тем труднее было представить существующий порядок справедливым.

Это различие существенно для всей книги. Желание рабочего лучше зарабатывать, инженера — реализовать изобретение, семьи — улучшить жилищные условия не составляло разрушительной программы. Общественный интерес подрывался там, где личное обогащение обеспечивалось ухудшением положения остальных: изъятием доступного товара, присвоением результата чужого труда, превращением должностного решения в собственное имущественное преимущество.

Такой процесс затрагивал безопасность раньше, чем появлялся призыв ликвидировать Союз. Он ослаблял повседневное основание лояльности. Государство требовало добросовестности, но его собственные учреждения могли показывать, что быстрее вознаграждается доступ к исключению. Пропаганда внешнего противника получала готовое противоречие, которое не требовалось изобретать.

Январь 1989 года: правительство само описало разрушение справедливого обмена

5 января 1989 года Совет Министров СССР принял постановление № 26 о недостатках ценообразования. В нём фиксировались повышение цен под видом выпуска новой продукции, исчезновение дешёвого ассортимента, скупка кооперативами готовых изделий в рознице для перепродажи. Правительство указывало и на ослабление контроля со стороны министерств, республиканских и местных органов.

Пункт 20 запрещал передавать кооперативам столовые предприятий и учебных заведений без согласия обслуживаемых коллективов. Пункты 18 и 21 предусматривали согласование условий получения государственных ресурсов и реализации изготовленной из них продукции.¹⁰⁸

Перед нами документальное признание конкретной опасности. Новая форма хозяйствования могла использовать уже существующую инфраструктуру, а население — терять доступную услугу. Если прежняя столовая становилась дороже без соответствующего улучшения питания, рабочему было трудно увидеть в этом обещанное повышение эффективности. Он видел изменение получателя выгоды.

Значение постановления шире истории цен. К началу 1989 года центральная власть публично описывала явления, подрывавшие доверие к реформам. Следовательно, позднейшее объяснение полной неожиданностью последствий несостоятельно. Дальнейшая ответственность зависела от исполнения: проверялись ли сделки, возвращались ли неправомерно переданные ресурсы, наказывались ли организаторы нарушений.

Исполнение запрета проверяется по действиям и результату контроля. Но оно устанавливает момент официального признания проблемы. После такого признания продолжение порочной практики требовало уже

анализа работы контрольных органов и поведения руководителей, а не очередного объяснения гражданам преимуществ инициативы.

Контроль был создан, но действовал вслед за передачей имущества

Положение о парламентской комиссии по привилегиям было одобрено **5 декабря 1990 года постановлением № 1816-I**, подписанным Анатолием Лукьяновым. Комиссия получила право запрашивать документы, заслушивать должностных лиц, предлагать прокурорские проверки. Запросы и рекомендации подлежали рассмотрению в месячный срок.¹⁰⁹

Дальнейшая последовательность устанавливается нормативными актами:

Дата	Решение	Значение для контроля
26 июня 1990 года	Распоряжение № 1007р	Основание для последующей проверки продажи дач
24 июля 1991 года	Постановление Кабинета Министров № 506	Проверка законности сделок и приостановка действия распоряжения в части продажи дач
3 октября 1991 года	Указ президента СССР № УП-2661	Отмена подпункта «а» пункта 1 распоряжения № 1007р

Июльское постановление подписали **Валентин Павлов и Игорь Простяков**. Проверку поручили Минюсту и Минфину; к участию пригласили прокуратуру, Верховный Суд и Контрольную палату. Временной интервал от исходного распоряжения до приостановки составил почти тринадцать месяцев. Октябрьский указ Михаила Горбачёва оформил частичную отмену.^{110,111}

Это не история полного отсутствия противодействия. Проверяющий механизм существовал. Его слабость — в запоздалости относительно операции и зависимости от решений той же исполнительной власти. Нельзя автоматически считать всякую упомянутую сделку преступной или приписывать КГБ руководство этой проверкой: в постановлении названы другие исполнители. Но политическое руководство несомненно знало о проблеме.

Для безопасности решающим был вопрос, становилась ли проверка обычным правилом для верхнего слоя. Разовое рассмотрение скандала не восстанавливало доверия, если граждане продолжали воспринимать контроль как переговоры между получателями преимуществ и их коллегами.

Глава 13. Алма-Ата, декабрь 1986 года: первый кризис перестроечного национального курса

В декабре 1986 года кадровое решение союзного центра вызвало кризис в Алма-Ате. Для аппарата это было назначение первого секретаря. Для участников протеста — вопрос об отношении Москвы к республике. Между двумя восприятиями развивался конфликт, который требовал оценки прежде, чем потребовал силового ответа.

В Алма-Ате союзное руководство ещё располагало действующим партийным аппаратом, подчинёнными силовыми ведомствами и возможностью быстро перебрасывать подразделения. События декабря 1986 года поэтому особенно важны для ответа на главный вопрос книги. Государство столкнулось с кризисом не вследствие предварительного исчезновения власти. Кризис возник вокруг решения этой власти, а способы его преодоления создали дополнительное отчуждение.

Для КГБ это была проверка способности оценивать опасность политического решения, различать протест и насилие, сохранять достоверность информации при давлении сверху. Последовательность документов показывает: служба участвовала в происходившем, но её присутствие не обеспечило ни предупреждения кризиса, ни своевременного исправления его политической оценки.

Кадровый вопрос внутри многонационального государства

Союзная система соединяла республиканские органы власти с централизованным партийным руководством. Пост первого секретаря ЦК республиканской компартии имел значение, выходящее за пределы партийной организации: от него зависели кадровые назначения, отношения с союзным центром и политическое направление работы республиканского аппарата.

Такое устройство требовало решать две задачи одновременно. Москва должна была сохранять возможность смены руководителя, не позволяя местной группе превратить республику в собственное владение. Но кадровое решение должно было оставаться понятным обществу и не превращаться в демонстрацию пренебрежения населением. Общесоюзная власть не могла устойчиво действовать, если её право назначать начинало восприниматься как право не объяснять.

Национальность руководителя сама по себе не определяет его пригодность. Признание за одной национальностью исключительного права на должность противоречило бы равноправию граждан. Однако назначение человека извне в политически чувствительной обстановке требовало оценки местных связей, ожиданий и возможных форм сопротивления. Называть такую оценку уступкой национализму означало бы отказываться от обычной обязанности государственного управления — предвидеть последствия собственного действия.

В этой точке сходятся темы предыдущих глав. Аппаратная преемственность, интересы руководящих групп и общественное чувство справедливости могли вступить в конфликт. КГБ должен был распознавать каждую из этих составляющих. Сведение их к одному ярлыку лишало руководство возможности выбрать разные меры для разных угроз.

11-16 декабря: решение центра и его оформление в республике

По воспоминаниям Динмухамеда Кунаева, **11 декабря 1986 года** Политбюро решило освободить его от работы в связи с уходом на пенсию. **16 декабря** состоялся пленум ЦК Компартии Казахстана: Кунаев открыл заседание и передал слово секретарю ЦК КПСС **Георгию Разумовскому**. Первым секретарём избрали **Геннадия Колбина**.¹¹²

Хроника Горбачёв-Фонда также фиксирует смену руководителя 16 декабря и указывает продолжительность пленума — **18 минут**. До назначения Колбин возглавлял Ульяновский обком КПСС и прежде в Казахстане не работал.¹¹³

Восемнадцать минут показывают характер оформления решения. Они не доказывают отсутствия предварительных обсуждений в Москве, но свидетельствуют, что само заседание не стало развёрнутым публичным объяснением выбора. Для партийного механизма этого могло быть достаточно; для общества, которому обещали участие и обновление, — уже нет.

Ответственность здесь начинается до выхода людей на площадь. Политическое руководство выбрало кандидата, процедуру и способ представления решения. Нельзя затем рассматривать недовольство исключительно как сбой работы милиции или недостаток агентурной информации. Оперативные органы не создавали кадровую комбинацию, но должны были оценивать её последствия; политический центр был обязан учитывать такую оценку.

Замена руководителя могла преследовать задачу ослабления местных аппаратных связей. Однако сама полезность этой задачи не гарантировала разумности конкретного назначения. Государственное решение оценивается по сочетанию цели, способа и результата. В Алма-Ате административная определённость назначения не

сопровождалась сопоставимой политической подготовкой его принятия.

17 декабря: момент, когда разговор ещё имел значение

17 декабря молодёжь стала собираться перед зданием ЦК на площади имени Брежнева. Постановление Президиума Верховного Совета Казахской ССР от **24 сентября 1990 года** впоследствии разграничило начальную стадию выступления и дальнейшую эскалацию: первоначальный протест не признавался противоправным; затем отмечались столкновения, камни и поджоги.¹¹⁴

Кунаев оставил конкретное свидетельство о попытке привлечь его к разговору. По его изложению, утром 17 декабря второй секретарь ЦК **Олег Мирошхин** пригласил его приехать; Колбин подтвердил приглашение, однако выступления перед собравшимися в итоге не последовало. Позднее Кунаев оспаривал утверждение, будто сам отказался говорить с молодёжью.¹¹²

Значение эпизода состоит в наличии неиспользованной возможности, а не в уверенности, что одно выступление обязательно предотвратило бы насилие. Авторитет уходящего руководителя мог помочь объяснить обстоятельства отставки. Одновременно его появление могло восприниматься новым руководством как признание собственной слабости. Политический интерес преемника и интерес прекращения конфликта здесь потенциально расходились.

Службе безопасности требовалось установить, какие требования выдвигают пришедшие, кто организует движение, где появляются призывы к нападению и кто способен вести результативный разговор. Отдельный подстрекатель, участник мирного протеста и случайный прохожий представляли разные оперативные ситуации. Если их объединять заранее, силовая операция начинала

производить новых противников быстрее, чем изолировала действительных организаторов насилия.

Бобков и Мирошник: информация была, оценка менялась

КГБ Казахской ССР с **9 февраля 1986 года** возглавлял **Виктор Мирошник**. Это не Олег Мирошхин, второй секретарь республиканского ЦК: сходство фамилий иногда затрудняет чтение рассказов о событиях, но речь идёт о разных должностных лицах.¹¹⁵

Филипп Бобков в книге «КГБ и власть» описывает утренний разговор с Мирошником: республиканский председатель сообщал о студенческих собраниях и выходе молодёжи. По словам Бобкова, после обсуждения с **Виктором Чебриковым** первоначально решили избегать поспешных мер; затем поступило указание Горбачёва срочно вылететь в Алма-Ату.¹¹⁶

Это свидетельство опровергает простое объяснение полного отсутствия сведений. Но оно не равнозначно доказательству, что до кадрового решения центр получил точный прогноз будущего насилия. Между наблюдением за недовольством и прогнозированием последствий назначения лежала самостоятельная аналитическая работа.

Реальная проблема — что именно считалось основанием для действия. Предупреждение насилия требовало подготовки диалога, защиты людей, разделения мирной и агрессивной частей собрания. Защита авторитета назначения могла подталкивать к иному: быстро подтвердить управляемость столицы и найти виновников сопротивления.

Бобков находился внутри этой системы решений. Поэтому его рассказ важен не только как описание площади, но и как свидетельство зависимости оперативной оценки от ожиданий партийного руководства. Требование разобраться могло означать поиск причин; оно же могло превращаться в

требование подтвердить уже выбранную версию. Для службы различие между этими задачами было определяющим.

Что обсуждала Москва 18 декабря

В опубликованной дневниковой записи **Виталия Воротникова** о заседании Политбюро **18 декабря** изложена информация Горбачёва: около **2,5 тысячи** митингующих в сообщении о предшествующих столкновениях, пострадавшие, поджоги; затем — приблизительно **1,5 тысячи** возле площади и около **5 тысяч** в других районах. Это последовательные оперативные оценки разных мест и моментов, а не числа, которые следует складывать в общую численность участников.

Та же запись передаёт установку избегать жёстких мер, одновременно поручив министру внутренних дел **Александру Власову** подтянуть дополнительные силы. Горбачёв, по Воротникову, требовал не отождествлять националистические проявления с казахским народом.¹¹⁷

Документ показывает противоречивость управления точнее, чем однозначная формула о приказе «разогнать любой ценой». Политический центр хотел локализовать конфликт, демонстрировал опасение чрезмерной силы и вместе с тем наращивал силовой ресурс. Дальнейший результат зависел от конкретных приказов, порядка применения средств и контроля исполнения.

Общее пожелание осторожности не освобождает руководителя от ответственности за исполнение. Если подкрепления направлены, необходимо определить их задачу, допустимые действия, взаимодействие с милицией, порядок задержания и оказания помощи. Иначе распоряжение верхнего уровня допускает несовместимые прочтения: один исполнитель видит запрет на избыточную силу, другой — требование немедленно восстановить порядок.

Для КГБ это означало обязанность докладывать не только о поведении толпы, но и о последствиях решений штаба. Достоверная обратная связь особенно важна там, где руководитель одновременно требует сдержанности и быстрого результата.

Силы и средства: присутствие государства не равнялось точности его действий

В публикации Аркадия Мурсалиева «В декабре на площади Брежнева», вышедшей в «Комсомольской правде» 2 сентября 1990 года, приведены данные справки Э. Басарова от 12 мая 1989 года: в операции участвовали **3 200 сотрудников милиции и военнослужащих внутренних войск, 11 пожарных машин и 15 бронетранспортёров** военного округа. Это сведения о конкретной операции по опубликованной справке, а не общая численность всех сил в Алма-Ате.¹¹⁸

Различие принципиально. Милиция, внутренние войска МВД, подразделения военного округа и пограничники КГБ имели разные системы подчинения. Их нельзя объединять словом «армия», а затем приписывать всякое действие одному ведомству. Но множественность исполнителей не устраняла ответственности общего политического руководства.

Президиум Верховного Совета республики в сентябре 1990 года отдельно указал, что вооружение рабочих дружинников палками, металлическими прутьями и обрезками кабеля способствовало приданию противостоянию национального характера.¹¹⁴

Это наиболее опасный переход: государственная операция получает черты столкновения общественных групп. Житель начинает видеть в действующем против него человеке представителя другой национальности, а не исполнителя общего закона. Ответственность за насилие переносится в массовом восприятии с должности на происхождение.

С точки зрения сохранения Союза такая перемена означала стратегический ущерб. Площадь можно очистить, но после этого требуется вновь доказать, что государство одинаково защищает всех. Привлечение гражданских формирований без надёжного контроля могло усложнять именно эту задачу. Силовой ресурс следует оценивать по способности пресечь противоправные действия и сохранить гражданское единство, а не только по числу выведенных подразделений.

Глава 14. Карабах, Сумгаит, Баку: кто отказал гражданам в защите

Для человека, подвергшегося погрому, спор о полномочиях властей имеет один практический итог: придёт ли защита вовремя? В Сумгаите и Баку политический кризис вошёл в жилища граждан. Разбор начинается с обязанности государства пресечь нападение; затем устанавливаются сведения, командование и сделанный выбор.

Территориальный спор и безусловная обязанность защиты

В карабахском кризисе советское государство столкнулось с двумя разными задачами: разрешить спор о принадлежности автономной области и защитить граждан от насилия. Первая требовала политического решения. Вторая не могла ждать согласия сторон. Безопасность армянина в Сумгаите или Баку не зависела от того, одобряла ли Москва требования карабахского движения. Точно так же безопасность азербайджанца в Армении не могла зависеть от его отношения к решениям Еревана.

Ответственность за нападения относится к их организаторам, исполнителям и доказанным пособникам; ответственность должностных лиц — к установленным решениям и бездействию в пределах их обязанностей. Она не переносится на народ, гражданское население или политическое движение в целом только по национальной принадлежности отдельных участников.

20 февраля 1988 года областной Совет НКАО обратился с просьбой о передаче области из Азербайджанской ССР в Армянскую ССР. 18 июля Президиум Верховного Совета СССР отказался менять существующее национально-территориальное деление двух республик. Между этими датами произошёл Сумгаит. Рассматривать

убийства как продолжение конституционного спора означало принимать логику погромщиков: житель отвечает жизнью за политическое требование людей своей национальности.¹¹⁹

Именно здесь проходила граница ответственности КГБ. Комитет не мог собственной властью изменить союзные границы. Но выявление подготовки насилия, организаторов нападений и связей между ними входило в самую сердцевину государственной безопасности. После начала убийств требовалась совместная работа с милицией, прокуратурой и войсками. Ссылка на политическую сложность Карабаха объясняет трудность переговоров; она ничего не объясняет в отказе защитить семью, на квартиру которой напали.

Сумгаит: что стало известно Москве

Погромы в Сумгаите 27–29 февраля 1988 года разрушили представление о национальном конфликте как о споре резолюций и митингов. Официальный итог — 32 погибших, из них 26 армян и шесть азербайджанцев. Эти цифры воспроизводят источники противоположных национальных интерпретаций: азербайджанская Генеральная прокуратура и армянский Музей-институт геноцида. Они совпадают и в сообщении о более чем 400 пострадавших с телесными повреждениями. Здесь приведён официальный учёт, а не утверждение об исчерпывающем установлении всех потерь.¹²⁰

Рабочая запись Политбюро от 29 февраля показывает содержание информации, которой располагала верхушка. Горбачёв обсуждал убийства и бездействие милиции; председатель КГБ Виктор Чебриков и министр внутренних дел Александр Власов докладывали о пострадавших. Дмитрий Язов предлагал комендантский час. Обсуждались ограничения стрельбы, раздельное хранение оружия и патронов. Горбачёв обращал внимание Власова и Язова на опасность развития событий в Баку и других городах. Одновременно участники различали мирные собрания и

повторение сумгаитского насилия, при котором требовались решительные действия.¹²¹

Следовательно, к концу февраля у высшего руководства имелись и сведения о характере преступлений, и представление об угрозе распространения. Это существенно меняет ответ на вопрос, почему государство оказалось неготовым в январе 1990 года. Между двумя катастрофами лежало почти двадцать три месяца. За это время надлежало создать порядок действий, при котором сообщение об угрозе жизни немедленно запускало защиту, а не новое межведомственное согласование с самого начала.

Ограничить стрельбу — не значит отказаться от пресечения погрома

В сумгаитском обсуждении особенно важен выбор средств. Запрет беспорядочной стрельбы необходим: государство не получает права убивать прохожих из-за действий толпы. Однако ограничение оружия становится полноценным решением лишь вместе с ответом, как именно будут остановлены нападающие. Иначе приказ беречь одних людей оставляет других без защиты.

Раздельное хранение патронов и оружия, обсуждавшееся 29 февраля, означало дополнительную ступень между угрозой и возможностью вооружённого ответа.¹²¹ Отсюда не следует, что каждый командир получил запрет спасать людей. Следует другой вопрос: кто предусмотрел быстрое задержание погромщиков, прикрытие подъездов, вывод осаждённых семей, связь между патрулями и резервом? Численность введённых подразделений не заменяла организации этих действий.

В июне 1989 года командующий внутренними войсками Юрий Шаталин в выступлении «Выжидать не имеем права» говорил о недостаточной подготовке к чрезвычайной обстановке, слабом взаимодействии с органами внутренних дел, нехватке средств защиты и затяжных согласованиях

воздушных перевозок. Текст воспроизведён в ведомственном биографическом исследовании Росгвардии.¹²²

Это признание подтверждает осведомлённость и усиливает вопрос о последующем действии. Напротив: недостатки были названы до Баку. Ответственность руководства включает устранение уже обнаруженной уязвимости. Для КГБ задача также не заканчивалась передачей очередной сводки: если предложенная организация защиты не работала, это само становилось угрозой устойчивости государства, о которой требовалось докладывать и добиваться решения.

Баку, 13 января: погром и уже существующее силовое присутствие

13 января 1990 года в Баку начались массовые нападения на армян. Вагиф Гусейнов в опубликованном мемуарном изложении записей за этот день сообщает о нападениях на квартиры, убитых и раненых, поджогах и бездействии основных сил МВД. Евгений Примаков независимо описывает антиармянские погромы в середине января и последующую организацию эвакуации армян, главным образом по Каспийскому морю в Красноводск. Это свидетельства участников с разными должностями и политическими позициями; их совпадение подтверждает сам предмет неотложной защиты, но не заменяет поимённого учёта погибших.^{123,124}

Гусейнов передаёт объяснение заместителя министра внутренних дел СССР Лискаускаса на совещании: контингент внутренних войск составлял чуть более трёх тысяч человек, требовались дополнительные силы и принципиальное решение руководства страны о применении силы. Число относится к названному в воспоминаниях контингенту, а не ко всем советским вооружённым подразделениям в городе. Реплика передана автором мемуаров; стенограмма совещания в используемом корпусе отсутствует.¹²³

Примаков рассказывает о переговорах с Народным фронтом, блокаде советских воинских частей и аэродромов, охране представителей центра и присутствии Филиппа Бобкова. Следовательно, до ночи на 20 января государственные силы и руководители в Баку уже находились. Из этого ещё не следует, что любое подразделение было свободно, достаточно оснащено и получило задачу пресечь нападения на жителей.¹²⁴

Мемуарная оценка недостатка сил и ожидание политической санкции описывают разные ограничения. Первое требует проверки состава и доступности подразделений. Второе ставит вопрос о том, кто должен был определить задачу, выделить резервы и обеспечить исполнение. Государственное присутствие не равнялось работающей защите: люди могли видеть охрану учреждений и оставаться без помощи возле собственных жилищ. Этот разрыв и является предметом ответственности, а не предположение, будто в городе вообще не было сил.

Кто представлял власть и кто командовал

Распределение ответственности в январе 1990 года не укладывается в одно слово «Москва». Оно включало несколько должностных цепочек, ни одна из которых не могла без остатка передать свою обязанность другой.

Михаил Горбачёв: Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Верховного Совета СССР; Политическая линия центра; решения о чрезвычайном режиме.

Владимир Крючков: Председатель КГБ СССР; Сведения, оценка угрозы и предложения Комитета; задачи его подразделениям.

Вагиф Гусейнов: Председатель КГБ Азербайджанской ССР; Республиканская оперативная информация, доклады и действия своего ведомства.

Вадим Бакатин; Юрий Шаталин: Министр внутренних дел СССР; командующий внутренними войсками; Постановка задач и управление силами МВД.

Дмитрий Язов: Министр обороны СССР; Задачи привлекаемым армейским подразделениям.

Абдурахман Везиров; Аяз Муталибов: Первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана; председатель Совета министров республики; Работа республиканского руководства и обращения в союзный центр.

Евгений Примаков: Представитель союзного руководства в переговорах; Посредничество и передача оценок обстановки.

Эти роли прослеживаются в свидетельствах участников и нормативных решениях.^{123,124,125} Примакова в данном эпизоде нельзя именовать представителем уже действующего Президентского совета: в январе такой совет ещё не существовал. Указы подписывал Председатель Верховного Совета, а не Президент СССР.

КГБ не командовал всеми перечисленными силами. Однако комитетская вертикаль связывала местную информацию с высшим руководством. Поэтому ведомственная отговорка «это задача МВД» недостаточна для ответа о государственной безопасности: провал МВД, если он угрожал существованию общей власти, становился предметом работы КГБ. Комитет отвечал за собственные предложения и действия, хотя не мог заменить собой всю систему управления.

Между переговорами и исполнимым приказом

В опубликованном фрагменте воспоминаний Гусейнова за 13 января фигурирует оценка наличных сил чуть более трёх тысяч, приписанная командиру Лискаускасу, и ожидание решения Москвы. Эту цифру нельзя усреднять с двенадцатью тысячами: источники не дают одинаковой даты учёта, состава и оперативной категории.

За 16 января Гусейнов передаёт требование Горбачёва остановить погромы и его оценку достаточности сил. Рядом помещено объяснение Шаталина об ожидании оформленного решения и опасении повторить положение силовиков после Тбилиси. Перед нами мемуарная публикация, а не журнал переговоров.¹²³

Даже в таком виде свидетельство позволяет поставить вопрос точнее. Если руководитель требует результата, а исполнитель ждёт санкции, управление не состоялось. Требование сверху может быть искренним; оно всё равно бесполезно для осаждённой квартиры, пока не определены командир, средства, порядок применения силы и ответственность за выполнение.

Политическое предпочтение переговоров само по себе разумно. Но переговоры о власти и немедленное пресечение убийств не являются взаимоисключающими действиями. Подчинить второе исходу первого — значит сделать безопасность населения заложницей политической сделки. В этом состоит конкретный механизм разрушительного промедления, который объясняет больше, чем общие слова о растерянности.

Указ 15 января: Баку назван, особый порядок отложен

Указ Президиума Верховного Совета СССР № 1060-I от 15 января объявлял чрезвычайное положение в НКАО и ряде других территорий. Баку не входил в перечень статьи 1. Однако статья 7 отдельно предлагала республиканскому Президиуму принять меры безопасности в Баку и Гяндже, включая комендантский час, а союзным органам — оказать необходимую помощь. Статьи 1–7 вступали в силу в 23 часа местного времени 15 января.¹²⁶

Поэтому распространённая формула, будто город вообще не упоминался в указе, ошибочна. Решение по Баку существовало. Оно сохраняло отдельный республиканский

канал действий вместо немедленного распространения на столицу полного чрезвычайного режима.

Эта конструкция не снимает ответственности с Москвы. Если союзное руководство знало о неспособности республиканских органов восстановить безопасность, передать им инициативу без действенного контроля означало оставить граждан внутри уже неработающей системы. Не снимает она ответственности и с республиканского руководства: конкретное предписание о мерах безопасности нельзя считать отсутствием указаний.

Кроме того, защита от преступного нападения не возникала впервые с объявлением ЧП. Указ от 28 июля 1988 года об обязанностях и правах внутренних войск предусматривал их участие в охране общественного порядка, пресечении массовых беспорядков и защите граждан.¹²⁷ Спор о специальном режиме не отменял необходимость использовать уже существовавшие полномочия.

19-20 января: изменился масштаб действия

Указ от 19 января распространял чрезвычайное положение на Баку с 20 января. В преамбуле были названы попытки насильственного отстранения действующих государственных органов и интересы защиты граждан.¹²⁵ Угроза власти была, таким образом, прямо включена в официальное обоснование нового решения.

Ночью на 20 января состоялся ввод войск. Примаков описывает погибших при операции, в том числе гражданских лиц, и потери армии. Это позднейшее свидетельство участника, а не окончательный поимённый учёт. Потери при вводе войск должны рассматриваться отдельно от жертв предшествующих антиармянских погромов: у этих двух этапов различаются время, обстоятельства и цепочки ответственности.¹²⁴

Сопоставление двух этапов позволяет говорить о провале своевременной защиты и последующем переходе к крупной силовой операции. Но формула «вмешались лишь после

первого нападения на учреждение» требует более точной хронологии: уже указ 15 января соединял сообщения об убийствах с угрозой органам власти. Вывод об изменении приоритета сильнее тогда, когда опирается на различие фактического масштаба действий, а не на недоказанный единственный момент переключения.

Для армянской семьи позднейшее восстановление контроля не возвращало погибшего и разграбленного дома. Для азербайджанской семьи гибель родственника при вводе войск становилась самостоятельной трагедией. Обе катастрофы разрушали доверие к Союзу, но по разным причинам: государство сначала не обеспечило защиту, затем само стало источником смертельной опасности для части населения.

Провал защиты: установленные решения и пределы вывода о мотивах

Последовательность решений позволяет оценить своевременность защиты граждан и выбор охраняемых объектов. Она не устанавливает сама по себе специальную цель наказать армян за карабахские требования. Отсутствие прямого приказа не подтверждает и не опровергает такой мотив; для его установления нужны самостоятельные доказательства.

В рассмотренном материале сопоставлены известная после Сумгаита угроза, значительное силовое присутствие в Баку, сообщения об охране учреждений при непресечённых нападениях и более поздняя операция с прямо обозначенной целью сохранения действующей власти. Эта последовательность обосновывает вывод о провале своевременной защиты населения. Для установления ответственности конкретного руководителя необходимо учитывать его полномочия, полученные сведения и принятые решения.

Приведённое Гусейновым требование остановить погромы также входит в оценку, хотя само заявление не равнозначно

обеспечению защиты. Источники описывают действия и бездействие участников, но не позволяют однозначно выбрать между предполагаемыми мотивами промедления. Их нельзя подменять единственным объяснением, выбранным исходя из тяжести последствий.

Вывод главы относится к политической и управленческой ответственности за незащищённых граждан. Приведённые материалы не устанавливают личного замысла Горбачёва использовать убийства как наказание. Разграничение результата и мотива сохраняет предмет критики: государственная власть не обеспечила своевременного пресечения насилия после уже полученного опыта Сумгаита.

Утрата защиты как разрушение общей государственности

Разные общины могли обращаться к одному государству за защитой, пока признавали в нём общую власть. Исчезновение такого адресата меняло само положение человека в конфликте: право гражданина уступало место зависимости от сил собственной общины.

Позднесоветский случай выявляет другую форму утраты общего государства. Его учреждения ещё существовали, бюджет выплачивал жалованье, силовые ведомства сохраняли структуру. Но общность переставала работать в решающий момент: принадлежность к одной стране больше не гарантировала, что государственная сила защитит человека независимо от его национальности.

Так возникает связь этой главы с экономической и идеологической частями книги. Государство может разрушаться до юридического прекращения существования: когда деньги, снабжение, публичное слово и физическая безопасность перестают подчиняться общим обязательствам. Националисты получают возможность предъявить населению не абстрактную доктрину, а пережитую утрату защиты.

Длительный разрыв между знанием об угрозе и исполнением государственной обязанности создавал внутреннюю уязвимость, которой мог воспользоваться внешний противник. Однако использование кризиса и организация конкретного погрома — разные утверждения; доказательства первого не заменяют доказательств второго.

Глава 15. Тбилиси, Фергана, Ош, Прибалтика: повторявшиеся решения и разные результаты

Разогнать собрание, защитить жителей от нападений и удержать политическое соглашение — три разные задачи. Позднесоветская власть всё чаще пыталась отвечать на них присутствием сил. Тбилиси, Фергана, Ош и Прибалтика показывают, как цена вмешательства зависела от точности поставленной задачи и от времени решения.

Тбилиси: от охраны объектов к разгону

Согласно заключению комиссии Съезда народных депутатов СССР, 7 апреля 1989 года совещание под руководством Егора Лигачёва санкционировало подкрепления для Грузии. Участвовал председатель КГБ Владимир Крючков. Совещание не протоколировалось; первоначальные ведомственные приказы предусматривали охранные функции. Конкретное использование сил оставлялось республиканскому руководству и командованию Закавказского военного округа.¹²⁸

Это важнейшая развилка. Отправка войск и приказ разогнать митинг — разные решения. Между ними должен существовать ответственный переход: кто изменил задачу, как оценил опасность и кто подтвердил, что первоначальных средств недостаточно. Если центр предоставляет войска, оставляя политически взрывоопасное решение на усмотрение нескольких местных и военных руководителей, он не устраняется из причинной цепочки.

Председатель КГБ Грузии Гиви Гумбаридзе участвовал в совещании 8 апреля. Подготовку операции возложили на Игоря Родионова. План подписали Юрий Ефимов и министр

внутренних дел Грузии Шота Горгодзе; утвердил Родионов. Приказы подразделениям отдавались устно.¹²⁸

Таким образом, государственная безопасность присутствовала на обоих уровнях — союзном и республиканском. При этом присутствие на совещании не означает авторства каждого последующего распоряжения. Для оценки КГБ существенно другое: он находился внутри механизма выбора, а не наблюдал катастрофу из ведомственного окна. Поэтому вопрос к его руководителям включает качество предложенной оценки и реакцию на изменение задачи войск.

9 апреля: исполнение, которое изменило политический результат

Операция началась около четырёх часов утра 9 апреля. Комиссия указала на ограниченные пути выхода с площади, давку и применение специальных средств с нарушениями. Политическое решение осуществлялось в пространстве, где вытеснение людей могло превращаться в их сдавливание.¹²⁸

Грузинская официальная мемориальная публикация указывает 21 погибшего. Это итоговый показатель памяти о трагедии; ранние оперативные сообщения с меньшими числами не следует выдавать за окончательную ведомость потерь.¹²⁹

Для нашей темы важен конкретный управленческий дефект. Успешность операции оценивалась через освобождение территории. Сохранение государства требовало дальнейшего политического урегулирования после освобождения площади. Если после операции значительно труднее убедить жителей, что общая власть защищает их, тактическое выполнение задачи может означать политическое поражение. Предвидение этого последствия было обязанностью политического и специального анализа, а не задачей рядового военнотружущего в цепи.

24 декабря 1989 года Съезд принял постановление № 978-I. В нём ответственность связывалась с просчётами союзного и республиканского руководства; отдельно отмечалась недостаточная законодательная определённость привлечения армии к охране общественного порядка. Предлагались совершенствование правовой основы и меры против повторения трагедии.¹³⁰

Однако обсуждение ответственности могло дать два противоположных урока. Правильный — заранее установить законную задачу, пределы силы и обязанность начальников отвечать за решение. Разрушительный — при следующем кризисе ждать дополнительной санкции даже там, где людей уже убивают. В предыдущей главе мы встретили именно такое объяснение ожидания в бакинских воспоминаниях. Это связь между кризисами, но не оправдание бездействия.

Фергана: предупреждения поступали, профилактика провалилась

В отличие от Тбилиси, здесь требовалось немедленно пресекать погромное насилие. Комиссия ЦК Компартии Узбекистана отвергла попытку объяснить случившееся внезапностью: компетентные органы и жители неоднократно предупреждали партийные комитеты о межнациональной напряжённости. В опубликованном отчёте названы 103 погибших, 1011 получивших травмы и увечья; комендантский час ввели 4 июня 1989 года, направили внутренние войска.¹³¹

20 июля бюро ЦК республиканской партии зафиксировало персональные последствия. Начальнику Ферганского УКГБ Н. Г. Лескову объявили строгий выговор; он подал рапорт об освобождении от должности. Председателю КГБ Узбекской ССР А. С. Моргасову указали на недостатки руководства и профилактики.¹³¹

Это документ против двух удобных крайностей. Первая — все сведения отсутствовали, события застали власть

совершенно врасплох. Вторая — Комитет полностью выполнил обязанности, всё остальное относится только к партии. Опубликованная оценка прямо включала органы госбезопасности в круг ответственности.

Партийное постановление, разумеется, не является беспристрастным судебным исследованием каждого эпизода. Но его ценность именно в происхождении: сама действующая система признавала сбой до распада СССР. Начальник областного управления не мог считаться успешно выполнившим задачу лишь потому, что отправлял наверх сообщения. Предупреждение должно было сопровождаться разработкой организаторов, предложением осуществимых мер и настойчивой проверкой результата. На уровне республики требовалось преодолеть местную круговую поруку, а не приспособить к ней ведомственную отчётность.

Спасти людей и сохранить их право жить дома — разные результаты

Союзная помощь после ферганской катастрофы была реальной. Постановление Совмина РСФСР от 13 июля 1989 года № 220, принятое во исполнение союзного постановления № 503 от 26 июня, предусматривало приём переселенцев в Белгородской, Воронежской, Калининской, Курской, Орловской и Смоленской областях. Для соответствующих переселяющихся семей устанавливалась помощь на обзаведение: 2000 рублей главе семьи и 500 рублей члену семьи; предусматривались жильё, трудоустройство и компенсация имущества.¹³²

Эти меры входят в оценку реальной защитной работы государства. Организация приёма и хозяйственного устройства спасённых людей требовала труда, средств и административной способности. Государство продолжало действовать. Но предмет действия изменился: вместо обеспечения безопасной жизни на прежнем месте оно устраивало жизнь после вынужденного ухода.

В опубликованной записке Генерального прокурора СССР Александра Сухарева Георгию Таразевичу от 17 апреля 1990 года указаны 15 объединённых уголовных дел и следственная бригада из 250 работников прокуратуры, МВД и КГБ под руководством А. В. Фролова.¹³³ Это ещё одна существенная функция, которую система выполняла: установление преступников и расследование. Но следствие после погрома не заменяет его предотвращения.

В долгосрочном результате заключалась опасность для Союза. Спасённый человек мог быть благодарен военному служащему, врачу, следователю и одновременно не доверять государству, не обеспечившему ему право остаться дома. Именно так индивидуальное мужество и профессиональная работа могли сосуществовать с политическим поражением общего государства. Здесь нельзя ни обесценивать спасение, ни выдавать эвакуацию за полное восстановление правопорядка.

Ош: земельный вопрос становится вопросом национальной принадлежности

Опубликованная записка председателя КГБ Киргизской ССР Джумабека Асанкулова Абсамату Масалиеву описывает нарастание напряжённости с 27 мая 1990 года. «Ош-Аймагы» требовала 30 гектаров поливной земли колхоза имени Ленина под индивидуальную застройку. Решение местного руководства встретило сопротивление узбекских колхозников; мобилизацией другой стороны занималось объединение «Адолат». Предложение альтернативных 600 гектаров не сняло противостояния.¹³⁴

Социальная потребность была реальной: участок и дом определяли перспективу семьи. Однако административное решение стало восприниматься как передача ресурса одной национальной группе за счёт другой. После этого для разрешения спора требовалось согласование политических и хозяйственных интересов. Предметом борьбы становилось признание права группы диктовать решение.

КГБ в таком конфликте требовалось работать не только с лозунгами. Существенными были действия должностных лиц, процедура выделения земли, организаторы давления, перевозка сторонников, накопление средств нападения. Социально-экономическая информация являлась частью оценки угрозы, а не второстепенным фоном «международных отношений».

Записка сообщает о скоплении противостоящих групп 4 июня, срыве милицейских кордонов и распространении погромов в городе. Она охватывает и последующие дни.¹³⁴ Поэтому этот текст нельзя предъявлять как датированное предупреждение, заведомо полученное Масалиевым до начала столкновений. Для доказательства предварительной осведомлённости имеется другой документ — сентябрьское постановление союзного органа.

Ош: предупреждение, которое местная власть не превратила в действие

26 сентября 1990 года Совет Национальностей Верховного Совета СССР принял постановление № 1683-I. В нём ответственность была отнесена к руководству области и Киргизской ССР: оно игнорировало информацию об активизации националистических элементов и назревавшем конфликте. Документ связывал кризис также с просчётами национальной и кадровой политики, социально-экономическими проблемами и нарушениями социальной справедливости; подстрекательскую роль — с «Адолат» и «Ош-Аймагы».¹³⁵

Здесь цепочка начинается не с внезапного столкновения. По оценке союзного органа, сведения об опасности имелись, получатели обладали властными полномочиями, своевременная профилактика не последовала. Постановление требовало ответственности должностных лиц за потакание националистическим силам. Установленный в нём провал — поведение местного руководства, а не только недостаточность сил в момент насилия.

Профилактическая возможность состояла в рассмотрении предупреждений до столкновений, исправлении решений, усиливавших противостояние, и организации защиты граждан. Это не гарантия, что любая отдельная мера исключила бы конфликт. Но оценка самого Верховного Совета не позволяет описывать катастрофу как событие, к которому власть не имела отношения до первого погрома.

Названный в преамбуле докладчик депутатской группы **Г. К. Крючков** — не председатель КГБ **В. А. Крючков**. Постановление не восстанавливает весь маршрут ведомственных донесений и не служит доказательством получения определённой записки союзным председателем.¹³⁵ Поэтому персональный вывод относится к названным в акте уровням местной власти. Для ответа о КГБ эпизод показывает предел передачи предупреждения: если адресат его игнорирует, наличие информации само по себе не обеспечивает защиты. Дальнейшее возложение ответственности внутри Комитета потребовало бы отдельной командной цепочки.

Глава 16. Руководство Комитета: кадровые группы, политические связи и изменение лояльности

Чебриков, Крючков и Бобков вошли в кризис с многолетним опытом, служебными связями и доступом к высшей власти. Они знали, как доклад попадает на стол руководителю и как поручение доходит до исполнителя. Поэтому их биографии ставят более тяжёлый вопрос, чем вопрос о случайных назначенцах: как люди, знавшие систему, действовали, когда сама система менялась?

Чебриков: партийный выдвиженец, ставший руководителем службы

Чебриков пришёл в органы в 1967 году из партийного руководства Днепропетровской области. Его первоначальной должностью в Комитете было руководство кадрами: с 24 июля 1967 года до сентября 1968-го. Затем последовали более тринадцать лет работы заместителем председателя и назначение первым заместителем 25 января 1982 года. Когда Чебриков возглавил КГБ, он уже пятнадцать лет работал внутри ведомства. С 23 апреля 1985 года он являлся членом Политбюро.¹³⁶

Сочетание партийного происхождения и длительного ведомственного опыта делает несостоятельными два удобных оправдания. Чебриков не был внешним наблюдателем, не понимавшим возможностей Комитета. Не был он и начальником, полностью отрезанным от принятия высших политических решений. Членство в Политбюро давало место внутри руководящего круга, хотя не гарантировало победы в споре и не позволяло единолично отменять решения коллег.

Именно при его председательстве началась перестройка, произошли декабрьские события 1986 года в Алма-Ате, были приняты важнейшие экономические решения 1987 года, разгорелся карабахский конфликт и произошёл Сумгаит. У этих процессов разные причины и разные непосредственные исполнители. Объединяет их то, что Комитет получал сведения, формировал оценки и должен был предлагать меры ещё до того, как Крючков стал председателем.

Поэтому граница ответственности руководства не проходит по осени 1988 года. Отставка Чебрикова с поста председателя не обнуляет предыдущую политику ведомства. Более того, его последующая работа секретарём ЦК по вопросам правовой политики показывает: он переместился внутри высшего руководства, а не сразу выпал из него.¹³⁶

Крючков: доступ к центру и опыт внешней разведки

Крючков начинал в комсомольском аппарате, прокуратуре и дипломатии. С 1965 года он был помощником Андропова, тогда секретаря ЦК. В 1967-м перешёл вместе с ним в КГБ и возглавил секретариат; в августе 1971-го стал первым заместителем начальника Первого главного управления, а 26 декабря 1974-го — его начальником. С сентября 1989 года Крючков входил в Политбюро, затем — в Президентский совет и Совет безопасности СССР.¹³⁷

Это была карьера человека, хорошо знавшего не только оперативную работу, но и движение информации к высшему руководству. Секретариат, внешняя разведка, личное сотрудничество с Андроповым, собственное участие в высших органах — всё это давало опыт отбора вопросов, подготовки докладов и политического согласования. Поэтому сводить положение Крюčkова к роли курьера с донесениями неверно.

Успехи разведки, рассмотренные во второй главе, приходились в том числе на годы его руководства ПГУ. Они требуют признания независимо от оценки последующих действий председателя. Но способность добыть сведения о противнике и способность организовать предотвращение внутреннего государственного кризиса — разные управленческие задачи. Первая не обеспечивает автоматически решения второй.

Во внешней операции можно поставить ограниченную цель, определить исполнителей и проверить результат. Внутренний кризис конца 1980-х годов затрагивал саму власть, которая утверждала цели службы. Здесь требовалось оценивать действия людей, от которых зависели назначения и политическая поддержка Комитета. Крючков оказался внутри этого противоречия как участник высшего руководства, а не как сторонний профессионал, которому политика была неизвестна.

Предупреждения Крюčkова: угрозу распознавали

18 октября 1990 года Крючков направил руководителям органов КГБ закрытую шифртелеграмму о положении в стране. В опубликованном тексте соединялись экономический кризис, борьба за власть, националистическая мобилизация, ослабление КПСС и деятельность оппозиции. Угроза распада Союза была названа прямо. Документ адресовался также территориальным руководителям, а не только Горбачёву. Записка президенту от 7 февраля 1991 года продолжала эту линию предупреждений.⁶⁵

Эти документы исключают объяснение, будто руководство Комитета до самого конца принимало происходящее за отдельные местные затруднения. Системная опасность была распознана и сформулирована. Но само наличие диагноза ставит следующий вопрос: что изменилось в работе после его постановки?

Предупреждение должно было вести к выбору приоритетов. Для экономического направления — к выявлению конкретных нарушений, организаторов срыва поставок, незаконных финансовых операций. Для национальных конфликтов — к предотвращению нападений и разрушению организационных возможностей погромщиков. Для защиты союзной власти — к юридически и политически осуществимым мерам, способным сохранить управление. Для этих задач требовались конкретные меры по каждому направлению угрозы.

Здесь обнаруживается слабое место тогдашнего подхода: объединение в одной угрозе противников социализма, противников КПСС, националистов и участников теневой экономики ещё не объясняло, какие действия каждого из них нарушали закон и какие меры способны остановить разрушение государства. Политическая классификация могла помочь ориентироваться, но не заменяла предметной работы. Признание своевременных предупреждений делает ответственность руководства более определённой: опасность была известна.

История с Яковлевым и пределы политической проверки

О сведениях КГБ в отношении Александра Яковлева Крючков оставил противоречивое по степени уверенности свидетельство. В мемуарах он признавал, что история в рассматриваемое время осталась не выясненной до конца, и одновременно сообщал о собственной поздней убеждённости, связывая её с дальнейшими действиями Яковлева.¹³⁸

Такое свидетельство нельзя превращать в заключение завершённого контрразведывательного дела. Оно показывает позицию бывшего председателя и наличие, по его словам, серьёзных подозрений. Оно также возвращает вопрос к самому руководителю: как именно он добивался их проверки, какие препятствия встречал и какие решения принимал после отказа политического центра?

Утверждение об отсутствии полноценной проверки также известно здесь из рассказа Крючкова. Без документов о её назначении, ходе и результатах этот рассказ не становится установленной картиной оперативной работы. Историческая оценка решений Яковлева не требует объявлять доказанной его предполагаемую связь с иностранной разведкой.

Но политическое значение эпизода шире спора о вербовке. Если высший руководитель существенно менял идеологический курс, его решения можно и нужно оценивать по документам независимо от иностранной связи. Возможное внешнее управление и собственный сознательный выбор — разные объяснения, каждое из которых требует своего материала. Служба должна была защищать государственные интересы и тогда, когда ущерб причинялся без доказанного иностранного поручения.

Август показал различия внутри руководства

В позднем рассказе Крючков передавал предварительное ограничение своей группы:

«еще вечером 18 августа мы условились, что ни в коем случае не пойдем на кровопролитие».¹³⁹

Это его ретроспективная версия договорённости. Она задаёт трудный вопрос к самому замыслу: каким способом участники собирались обеспечить обязательное политическое решение, если ожидаемое сопротивление делало действие неприемлемым для них самих? Отказ от кровопролития имел самостоятельное значение; пригодность выбранного метода для поставленной цели требует другой проверки.

Материалы служебного расследования КГБ, проведённого по приказу № 140 от 1 сентября 1991 года, показывают переход от предупреждений к подготовке чрезвычайных мер. Согласно заключению, ещё в декабре 1990-го Крючков поручил В. И. Жижину и А. Г. Егорову соответствующую проработку; 7–15 августа 1991 года встречи проходили на

объекте ПГУ «АБЦ». Это версия ведомственной комиссии, а не судебный приговор.¹⁴⁰

Особенно важен эпизод с Отдельным учебным центром. В заключении сказано, что 18 августа его начальник Борис Бесков по указанию Леонида Шебаршина привёл подразделения в повышенную готовность и поступил в распоряжение Геннадия Агеева. Получив 20 августа указание участвовать в штурме российского парламента, Бесков доложил Шебаршину; тот запретил действовать без своего приказа.¹⁴⁰

Эта последовательность требует исправить категоричную формулу материала № 32 цикла — будто ни одно подразделение внешней разведки не было вовлечено в события. Приведение в готовность, передача в распоряжение другого начальника и последующее ограничение действий — разные этапы. Последний не отменяет первых.

Для главы о руководстве это принципиально: аппарат не действовал как единое лицо с неизменной волей. Приказы проходили через несколько уровней, встречали возражения, уточнялись и останавливались. Подробный разбор августа предстоит далее. Здесь достаточно установить: часть руководителей распоряжалась силами для политической операции, другие ограничивали участие подчинённых. Общее слово «КГБ» скрывает эту персональную последовательность.

Глава 17. Филипп Бобков. Идеологическая контрразведка и политическое влияние

Филипп Бобков позднее описывал Алма-Ату через собственные разговоры с руководителями и выбор первоначально выжидательной позиции. В его рассказе есть осторожность профессионала и признание недовольства Москвы недостаточным предупреждением. Это ценнее безличной схемы: человек сам объясняет, как оценивал опасность, а результат позволяет проверить его объяснение.¹¹⁶

В годы перестройки он занимал пост первого заместителя председателя. Его голос важен именно потому, что принадлежит участнику формирования решений. Далее сопоставляются три его объяснения: профилактика как способ избежать ненужного наказания; осторожность в национальном кризисе; поздняя критика политического руководства. Каждое соотносится со своей должностью и временем.

Учредительный документ: изучать процессы и предупреждать беспорядки

Пятое управление создавалось по политическому решению высшего руководства. Записка Андропова от 3 июля 1967 года № 1631-А связывала внешнюю психологическую войну с использованием внутренних социальных противоречий. Среди предлагаемых задач были изучение процессов, пригодных для такого воздействия, работа против зарубежных центров и предотвращение массовых беспорядков совместно с органами охраны общественного порядка. Решение Политбюро от 17 июля № П47/97 предусматривало соответствующие подразделения в республиках, краях и областях.³¹

В прилагавшемся проекте постановления Совета министров фигурировало увеличение общей численности органов КГБ на 2250 единиц, включая 1750 офицерских. Политбюро также разрешало создание 200 дополнительных городских и районных аппаратов. Эти показатели нельзя выдавать за штат одного московского управления: они относились к более широкому организационному усилению.³¹

Отсюда следует принципиальный вывод для оценки Бобкова. Структура, в руководстве которой он находился с момента создания, не ограничивалась розыском авторов листовок. Ей предписывалось понимать общественные процессы и предотвращать опасное развитие событий. Национальные столкновения и массовые беспорядки конца 1980-х годов попадали в предмет её работы по самому исходному замыслу.

Число выявленных противников власти нужно сопоставлять с результатом предупреждения общественного кризиса. Необходимо выяснить, что происходило с оценками причин недовольства, кому предлагались предупредительные меры и как проверялось их выполнение. Между регистрацией неблагонадёжного высказывания и предотвращением политического кризиса лежит большая управленческая дистанция. Учредительный документ требовал работать и на втором уровне.

Алма-Ата: Бобков объясняет своё ожидание

Первую реакцию Москвы Бобков сводил к выводу:

«не стоит принимать скоропалительных решений». ¹¹⁶

На месте, по собственным воспоминаниям, он возражал против расширения армейской задачи:

«Ее участие должно ограничиться охраной объектов.

Армия не должна идти против народа.». ¹¹⁶

Две реплики задают разные меры ответственности. Первоначальное ожидание оценивается по тому, какую работу провели до вылета и как развивался кризис. Ограничение армейского участия оценивается по приказам и фактическому действию. Мемуар позволяет услышать позицию участника, но не заменяет командных документов.

В воспоминаниях Бобкова декабрь 1986 года начинается с разговоров. Председатель КГБ Казахстана Виктор Мирошник сообщает об обстановке; первый заместитель обсуждает её с Чебриковым. По версии Бобкова, первоначально они предпочли избежать скоропалительных мер. Затем Горбачёв потребовал вылететь в Алма-Ату. Автор признавал: центр был недоволен тем, что органы не предупредили развитие событий. ¹¹⁶

Так человек, хорошо знакомый с аппаратом, передаёт движение решения. Оценка сначала удерживает действие. Указание сверху меняет положение. На месте приходится отвечать уже на развившийся кризис. В том же рассказе Бобков приписывает себе возражение против использования армии за пределами охраны объектов.

Осторожность могла предотвратить чрезмерное насилие. Но её результат зависел от того, чем заполнялось время ожидания: уточнением информации, переговорами, защитой людей или одним наблюдением. Разница между осторожностью и запозданием устанавливается по предпринятым мерам.

В главе 13 мемуарная версия сопоставлена с выводами республиканской комиссии. Для оценки Бобкова существенен его собственный уровень участия: он общался с республиканским начальником, обсуждал обстановку с председателем и работал в московской группе. Это делает его одним из участников выбора, со своим участком ответственности.

Перестройка изменила положение самого источника угрозы

При создании Пятого управления политический центр определял идеологическую угрозу, а служба помогала её выявлять и пресекать. В период перестройки часть изменений исходила из самого центра: пересматривались официальные оценки прошлого, менялась редакционная политика, открывались новые формы общественной организации. Документы и решения этого процесса рассмотрены в главах 10–11.

Для аппарата Бобкова возникал качественно иной вопрос. Как оценивать политическое воздействие, если его проводит должностное лицо, обладающее правом задавать курс? Прежний способ отделения «своих» от «чужих» по отношению к утверждённой линии становился недостаточным. Требовалось оценивать последствия самой линии для устойчивости государства и предъявлять эту оценку тем, кто её устанавливал.

На этой точке сходятся темы идеологии, истории и национальных отношений. Изменение исторической оценки могло быть обоснованным; конкретная публикация — достоверной; общественная организация — законной. Но политический эффект совокупности решений мог включать разрушение доверия к общесоюзным институтам и предоставление преимуществ силам, добивавшимся распада. Это требовало комплексного анализа, а не автоматического запрета всякой критики.

Бобков обладал длительным опытом работы именно с общественным воздействием. Поэтому его ответственность следует оценивать по способности распознать такую перемену и предложить государственно состоятельный ответ. Возвращение к привычным ограничениям без изменения качества управления не решало проблемы; простое принятие нового курса без оценки его последствий также не выполняло задачи безопасности.

Поздняя критика и вопрос о прежнем выборе

В беседе, записанной в 2016 году, Бобков говорил о Горбачёве:

«С его приходом задолго до Беловежской Пуши было ясно, к чему все идет.».¹⁴¹

Реплика звучит как уверенность человека, уже знающего исход. Для исторической оценки её нужно вернуть к прежним датам: когда именно такая оценка возникла, кому была изложена и какую инициативу вызвала? Позднее объяснение помогает понять участника, но доказательство прежнего предупреждения начинается с документа того времени.

В интервью, записанном в 2016 году и опубликованном повторно в 2019-м, Бобков противопоставлял двух руководителей. Андропову он приписывал укрепление социализма и дисциплины. Горбачёва оценивал как слабого политика, предпочитавшего карьеру государственным задачам. Так выглядел его поздний ответ на вопрос о катастрофе.¹⁴¹

Но собственная биография делает этот ответ началом разбора. Бобков располагал информацией о настроениях, национальных конфликтах и политических связях. Он умел участвовать в рекомендациях и имел доступ к руководству. Если курс воспринимался как опасный, как это понимание меняло его предложения и работу аппарата?

Должность первого заместителя давала влияние, ограниченное другими участниками решения. Поэтому персональная оценка требует установить и попытку воздействовать, и её результат. Резкость позднего суждения сама по себе оставляет открытым вопрос о мере прежнего противодействия.

В этом и состоит трудный человеческий конфликт главы. Профессионал мог глубоко понимать устройство общества, десятилетиями считать защиту страны своим делом и всё же оказаться слабее политического процесса, в котором участвовал. Уважение к опыту усиливает требование к объяснению сделанного выбора.

Глава 18. Филипп Бобков. От руководства КГБ к группе «Мост»

В собственном объяснении Бобков пришёл к Владимиру Гусинскому по личной инициативе и работал консультантом. Рядом оказались прежние товарищи. Это простая, человеческая последовательность: человек с опытом высшего государственного управления выбирает нового заказчика. Для общества её масштаб значительно больше перемены работы одного отставного генерала.¹⁴²

Собственное объяснение: пришёл сам и работал консультантом

В интервью, опубликованном в марте 2014 года, Бобков отрицал, что возглавлял службу безопасности «Моста». Он описывал себя как консультанта Гусинского, способного подсказать решение. На предположение, что предприниматель пригласил его, отвечал, что пришёл сам. Одновременно признавал: в группе собрались многие его товарищи.¹⁴²

Это свидетельство меняет акцент. В собственном изложении Бобков не изображал себя человеком, которого принудительно направили на коммерческую работу или который случайно оказался при новом владельце. Он признавал личную инициативу. Следовательно, выбор частного заказчика был частью его послеслужебной биографии, за которую нельзя полностью переложить ответственность на распад ведомства.

При этом формулировки интервью не равны кадровому приказу компании. Они позволяют установить его публичную версию роли. Для точного определения формальной должности по годам необходимы документы организации. Поэтому используемое в справках обозначение «руководитель аналитической службы»

следует сопоставлять с самоописанием «консультант», а не объявлять их тождественными без объяснения.

Бобков занимался аналитической и консультационной работой в группе. Содержательный вопрос от этого не исчезает. Советник с прямым доступом к владельцу может влиять на решения больше штатного начальника подразделения. Но степень этого влияния устанавливается по действиям, а не по званию, полученному на государственной службе.

Переходили люди, а не только один генерал

В статье Евгения Жирнова «Одна жизнь Филиппа Денисовича», опубликованной 5 декабря 2000 года, сообщалось, что основу информационно-аналитического управления «Моста» составили бывшие сотрудники Пятого управления КГБ. Это журналистское свидетельство согласуется с признанием Бобкова о группе товарищей, работавших рядом с ним.¹⁴³

Существует и персонально прослеживаемый пример — **Валерий Павлович Воротников**. В 1988–1989 годах он был заместителем начальника Пятого управления, затем первым заместителем начальника управления «З», а с 30 января по 25 сентября 1991 года возглавлял его. Кадровая справка указывает последующую работу директором департамента в группе «Мост». Справочная публикация «Коммерсанта» 2002 года описывает его работу с 1992-го как заместителя главы службы безопасности и информации группы.¹⁴⁴

Здесь установлена преемственность конкретного человека, а не только расплывчатое присутствие «бывших чекистов». В частной среде оказались специалисты, прежде занимавшие руководящие посты на линии политической безопасности. Названия их коммерческих должностей в источниках различаются, но факт работы Воротникова в группе подтверждается обеими публикациями.

Точный штат и доля бывших сотрудников КГБ остаются неизвестны: ведомости персонала не предъявлены. Зато можно говорить о переносе части профессиональной среды. Совместная служба облегчала подбор людей, взаимное доверие и понимание способов работы. Предприниматель получал не просто отдельных соискателей, а возможность использовать ранее сложившиеся связи между специалистами.

Глава 19. Партийное хозяйство и интересы руководителей госбезопасности

Коммерческая история начинается раньше отставок. Пока СССР существовал, партийные средства и государственный доступ уже могли участвовать в создании новых хозяйственных структур. Здесь требуется проследить движение ресурса: кто его предоставлял, кто принимал, какое действие совершал. Такая последовательность связывает интерес с решением.

«Галактик»: 300 миллионов до распада Союза

30 июля 1994 года «Коммерсантъ» опубликовал сведения руководителя следственной бригады по финансово-хозяйственной деятельности КПСС **Сергея Аристова**. По его данным, летом 1991 года примерно **516 коммерческим предприятиям** по линии Управления делами ЦК направили **756 млн рублей**. Финансирование предоставлялось приблизительно на десять лет, с началом выплаты процентов через пять лет. В договорах эти операции не всегда назывались кредитами.

Наиболее крупным названным получателем была созданная бывшими офицерами КГБ фирма «Галактик» — **300 млн рублей**. Её доля в указанной общей сумме составляла около **39,7%** — расчёт по опубликованным показателям. Здесь есть и источник средств, и получатель, и сумма, и профессиональная среда учредителей. Сведения о конкретном приобретённом на эти деньги промышленном активе публикация не содержит.⁴⁸

Пятилетняя отсрочка процентов предоставляла время для развития коммерческой структуры без немедленного обслуживания соответствующей части долга. Такое преимущество особенно существенно в момент, когда организационные формы и правила доступа к собственности

быстро меняются. Получатель приобретал возможность действовать; первоначальный распорядитель средств принимал на себя длительный риск.

Это конкретный случай включения выходцев из госбезопасности в перераспределение крупных финансовых ресурсов до декабря 1991 года. Он не требует переносить позднейшие приватизационные сделки в советское прошлое: сам эпизод принадлежит этому прошлому.

НТТМ и МЕНАТЕП: организационный ресурс до 1991 года

В главе 7 разобраны центры НТТМ, постановление от 13 марта 1987 года № 321 и переход от молодёжного центра к банковской деятельности. В биографической справке «Коммерсанта» начало руководства Михаила Ходорковского (иностраный агент) Коммерческим инновационным банком научно-технического прогресса отнесено к апрелю 1989 года.^{43,70}

Для рассматриваемого периода существенна возможность превратить предоставленные организационные преимущества в самостоятельную хозяйственную позицию: договоры, расчёты, клиентскую сеть и банковский аппарат. Это происходило при существовании СССР. Оценивать работу КГБ следует по его реакции на эти условия и их политические последствия, а не по результатам приватизации после исчезновения Союза.

Леонид Веселовский: работа разведчика для партийного хозяйства

В № 11 журнала «Журналист» за 1993 год Владимир Мезенцев опубликовал выдержки из отчёта **Леонида Веселовского в КГБ от 7 сентября 1991 года**. Согласно этому тексту, в ноябре 1990 года Веселовского перевели из Первого главного управления в Управление делами ЦК. Просьба исходила от **Владимира Ивашко и Николая Кручины**, решение ведомственного руководства связывалось с **Владимиром Крючковым и Филиппом Бобковым**. Предусматривалось периодическое информирование Бобкова о работе.¹⁴⁵

В опубликованных выдержках обсуждалось размещение партийных средств через фонды и приобретение акций с сокрытием партийного участия и сохранением контроля. Это изложение проекта защиты хозяйственных ресурсов на случай изменения политического положения партии. Текст свидетельствует о содержании предложений; исполнение отдельных операций требует самостоятельного установления.

Эпизод раскрывает конфликт назначения профессиональных знаний. Экономическая подготовка и опыт зарубежной работы могли использоваться для обеспечения устойчивости партийного хозяйства. Между тем сохранность ресурсов организации и сохранение государства — разные результаты. Первого можно добиваться и в расчёте на утрату прежней политической системы.

Для оценки Бобкова эта публикация существенно содержательнее общего утверждения о его «связях с бизнесом»: она называет сотрудника, получателя его работы, время перевода и предполагаемый порядок информирования. Рассмотрение его роли начинается здесь с конкретной управленческой связи.

Питовранов и Торгово-промышленная палата: готовая международная среда

Евгений Питовранов пришёл на работу в систему торговой палаты в **1966 году**, а в **1983-1988 годах** возглавлял Торгово-промышленную палату СССР. Эти сведения подтверждает историческая публикация самой системы ТПП. Перед нами длительная профессиональная траектория руководителя госбезопасности в учреждении, обеспечивавшем международные хозяйственные связи.¹⁴⁶

24 декабря 1987 года ЦК КПСС и Совет Министров приняли постановление о перестройке работы палаты. **19 февраля 1988 года** съезд ТПП утвердил новую редакцию устава. Среди функций были консультации предприятиям, контакты с иностранными деловыми кругами, содействие прямым производственным связям, экспертиза экспортных и импортных товаров.

Коммерческая ценность такой среды объясняется предметно. Здесь знали иностранных контрагентов, порядок переговоров, требования к поставкам, способы проверки качества и документы внешней торговли. Когда предприятия получили больше хозяйственной самостоятельности, соответствующие знания стали особенно востребованы.

Питовранов важен для исследования как руководитель на пересечении профессиональных миров. Однако превращать всю работу ТПП в частную операцию было бы фактической ошибкой: палата выполняла публичные хозяйственные задачи. В рассмотренных источниках не установлена кредитная сделка, по которой Питовранов лично получил государственный актив. Поэтому его линия показывает наличие международной деловой среды, а «Галактик» — конкретное финансирование структуры бывших офицеров. Это разные установленные обстоятельства.

Глава 20. Кадровый ресурс и утрата общего государственного заказчика

Леонид Шебаршин открывает воспоминания образом кабинета, из которого ушла работа. Его коллеги выбирают разные пути: остаются в новых государственных учреждениях, создают собственные организации, переходят в частный бизнес. Разница траекторий показывает, что квалификация пережила Союз. Изменился тот, кто определял её назначение.

Шебаршин: кабинет после службы

В начале «Руки Москвы» Леонид Шебаршин вспоминает свой кабинет: привычные предметы на стенах, «полдюжины молчащих телефонов, ни единой бумаги на столе». В этой короткой детали есть точный смысл утраты полномочий. Знания человека сохранились. Его связь с действующим решением прервалась.¹⁴⁷

Шебаршин руководил Первым главным управлением в 1989–1991 годах. 22–23 августа он временно исполнял обязанности председателя КГБ. После назначения Бакатина продолжал возглавлять внешнюю разведку; сентябрьская отставка последовала как отдельное решение, связанное с разногласиями с новым руководством.¹⁴⁸

Для него соединились три разных задачи. Сначала — продолжать работу разведки в политическом кризисе. Затем — на короткое время отвечать за весь Комитет после поражения его председателя. Наконец — решить, может ли он служить при новой конструкции и новом начальнике. Эти переходы показывают цену личной позиции точнее, чем общий образ человека, ушедшего сразу после августа.

Отставка сохраняет возможность отказаться от участия в неприемлемом курсе и одновременно отнимает

административное влияние. Продолжение службы сохраняет это влияние, но связывает человека с решениями нового руководства. Сам по себе выбор одной стороны этой развилки ещё не показывает, какая из них могла лучше защитить государственные функции.

Позднейшая самостоятельная работа решала вопрос применения накопленной компетенции. Она уже не возвращала Шебаршину прежнего государственного заказчика. Поэтому его история становится человеческим продолжением главного парадокса: профессионал остаётся, а общий центр, которому предназначался его труд, исчезает.

Российская национальная служба экономической безопасности

В конце **1991 года** Шебаршин возглавил Российскую национальную службу экономической безопасности — **РНСЭБ**. В её создании участвовали **Николай Леонов** и **Виталий Прилуков**, ранее руководивший московским управлением КГБ. Биография Шебаршина, подготовленная Анатолием Житнухиным с использованием свидетельств участников, описывает переход от первоначального замысла информационного агентства к обеспечению безопасности частного бизнеса.^{148,149}

По приведённому там рассказу Прилукова, информационно-аналитическое направление вели **Леонов и полковник Александр Уваров**. Служба занималась также технической защитой, подготовкой охранников и юридическими вопросами. Ветераны соединяли опыт разных подразделений в организации, способной предложить клиенту комплексную работу.

Участники объясняли создание службы двумя задачами: помогать отечественным предпринимателям и обеспечивать занятость бывших коллег. Это существенное самоопределение. Оно показывает, что коммерческая организация могла восприниматься её создателями как способ сохранить профессиональное сообщество и найти полезное применение накопленным знаниям.

Но здесь же обнаруживается изменение масштаба ответственности. Проверить надёжность контрагента и защитить конкретное предприятие — задача, имеющая заказчика, договор и оплачиваемый результат. Обеспечить сохранение союзного государства такая организация не могла: у неё отсутствовали соответствующие полномочия, бюджет и подчинённый государственный аппарат.

Сохранить людей оказалось организационно проще, чем сохранить государство. Для первого можно было создать фирму и найти клиентов. Второе требовало действующей политической власти, способной поставить общую задачу и обеспечить её исполнение.

Глава 21. Два центра власти: суверенитет, союзный бюджет и неисполненный мандат

Какой закон должен исполнить директор? Куда банк обязан перечислить деньги? Кому подчиняется учреждение, если союзная и российская власть требуют разного? В 1990–1991 годах эти вопросы перестали быть отвлечённой конституционной дискуссией. Государство разделялось через обычную работу своих учреждений.

Государство можно лишить власти до его упразднения

В предыдущей части книги прослежено, как подготовленные государством люди, их знания и связи переходили к новым заказчикам. Но частное присвоение профессионального ресурса происходило одновременно с другим процессом: союзные и республиканские руководители меняли принадлежность самой государственной власти. Кто вправе распорядиться предприятием? Чей закон должен исполнить директор? Куда банк обязан перечислить налог? Какое решение имеет последнее слово, если Москва союзная и Москва российская требуют разного?

Эти вопросы возникли до декабря 1991 года. Прекращению существования СССР предшествовало оспаривание его способности принимать обязательные решения на собственной территории. Союз сохранял международные обязательства, вооружённые силы, органы безопасности и ответственность за общие хозяйственные задачи. Одновременно республиканская власть предъявляла права на имущество, доходы и порядок исполнения союзных распоряжений.

Для понимания поражения КГБ это принципиально. Разведка могла установить намерения иностранного

правительства. Контрразведка могла обнаружить его источник. Но ни одна успешная операция сама по себе не разрешала противоречия между двумя государственными органами, каждый из которых объявлял собственное решение обязательным.

В этой главе рассматривается прежде всего российско-союзный узел. Он не исчерпывал кризиса пятнадцати республик. Однако именно здесь конкуренция разворачивалась внутри территории, на которой находились общесоюзный политический центр и значительная часть его управленческого аппарата. Российская власть могла воздействовать на повседневную работу союзных учреждений непосредственно, не ограничиваясь заявлениями о далёкой столице.

Июнь 1990 года: два разных ответа на вопрос о верховенстве

Декларация о государственном суверенитете РСФСР, принятая **12 июня 1990 года**, соединяла несколько взаимосвязанных положений. Она объявляла намерение строить российскую государственность в составе обновлённого СССР. Одновременно закрепляла верховенство российской Конституции и российских законов, возможность приостанавливать союзные акты, противоречащие суверенным правам республики, и полноту республиканской власти за пределами добровольно передаваемых Союзу полномочий.¹⁵⁰

Поэтому считать декларацию уже совершившимся выходом России из СССР неверно. Но столь же неверно видеть в ней только торжественное заявление, не затрагивавшее устройство власти. Вопрос о том, какие полномочия сохраняются у общего государства, переносился в пространство республиканского решения.

Действующая союзная Конституция исходила из другого порядка. Её **статья 74** устанавливала одинаковую силу законов СССР во всех союзных республиках и приоритет

общесоюзного закона при расхождении с республиканским. Конституционная самостоятельность республик существовала внутри этой конструкции; сама по себе она не отменяла союзного верховенства.¹⁵¹

Таким образом, столкнулись два основания обязательности. Для союзной власти полномочие следовало из действующей Конституции СССР. В российской декларации исходной становилась воля республики, передающей часть полномочий общему центру. Новое согласованное устройство ещё предстояло выработать, но претензия на иной порядок уже была заявлена.

Отсюда начиналась проблема переходного периода. Переговоры о будущей федерации могли быть необходимы. Однако до завершения переговоров требовалось определить, какие правила действуют сегодня и кто обеспечивает их исполнение. Без этого обновление государства сопровождалось утратой управляемости ещё до появления новой конструкции.

Октябрь: право решать, какие союзные акты исполнять

24 октября 1990 года Верховный Совет РСФСР принял Закон № 263-I «**О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР**». Его содержание точнее распространенной формулы о немедленной отмене всех союзных законов. Акты, принятые в пределах полномочий, признаваемых переданными Союзу, должны были действовать непосредственно. Ранее изданные акты также сохранялись, если российские органы их не приостанавливали.

Для остальных случаев устанавливался иной порядок: акты высшей союзной власти и президента СССР нуждались в ратификации российским Верховным Советом, правительственные — в подтверждении российским Советом Министров, ведомственные — уполномоченными российскими органами. Решения и сделки, основанные на

актах, не прошедших предусмотренную процедуру или приостановленных, объявлялись недействительными. Закон предусматривал ответственность по российскому законодательству. Под опубликованным текстом стоит подпись **Руслана Хасбулатова**, первого заместителя председателя Верховного Совета РСФСР.¹⁵²

Практическое значение заключалось в изменении положения исполнителя. Раньше для него было достаточно установить компетенцию союзного органа. Теперь следовало учитывать, признаёт ли её российская власть и соблюдены ли её дополнительные требования. Обязательность распоряжения переставала быть одинаково понимаемой обеими сторонами.

Это не означало, что все учреждения в один день прекратили подчиняться Союзу. Законодательное притязание и фактическое переподчинение — разные стадии. Но правовая возможность отказа становилась официальной позицией республиканского государства. Конфликт распространялся за пределы парламентского зала: он затрагивал руководителя предприятия, банковского работника, хозяйственный договор и служебное решение.

Через неделю: кому принадлежит союзное имущество

Следующий шаг был закреплён **31 октября 1990 года** Законом РСФСР № 293-I **«Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР»**. Государственные объекты на российской территории, включая имущество предприятий союзного подчинения и имущество в управлении общесоюзных органов, объявлялись собственностью РСФСР. Союзу имущество могло передаваться в управление для исполнения добровольно делегированных функций.

Закон относил золотой запас, алмазный и валютный фонды СССР к собственности республик, оставляя определение

долей их соглашению. Преобразование российских по месту нахождения союзных предприятий в акционерные общества подчинялось российскому законодательству. Несогласованные союзные решения в отношении соответствующих должностных лиц и организаций объявлялись недействительными. Этот текст также подписал Хасбулатов.¹⁵³

Связь двух октябрьских законов очевидна. Первый устанавливал республиканский контроль над применением союзных актов. Второй заявлял республиканскую принадлежность материальной базы, которой эти акты управляли. В одном случае оспаривалось право отдавать обязательные распоряжения; в другом — самостоятельное право распоряжаться объектом.

Здесь находится важная ступень между общенародной собственностью и последующим частным владением. Передача имущества под российскую юрисдикцию ещё не делала его частным. Она меняла орган, который должен был определять условия будущего преобразования собственности. Поэтому борьба за суверенитет имела хозяйственное продолжение независимо от того, какие личные мотивы удастся доказать у каждого её участника.

Содержание закона устанавливается непосредственно. Предположение, что любой голосовавший за него заранее преследовал личное обогащение, из текста не следует. Но переход права определять судьбу имущества к республиканской власти был провозглашён открыто, а не обнаружился случайно после распада страны.

Бюджет: общие обязательства нуждались в общих доходах

Закон СССР от 11 января 1991 года № 1892-I «О Союзном бюджете на 1991 год» показывает, какие функции продолжал финансировать центр. В таблице приведены утверждённые назначения, округлённые до миллиардов рублей. Это плановые величины, а не отчёт об исполнении.¹⁵⁴

Показатель	Млрд рублей
Доходы союзного бюджета	250,16
Расходы союзного бюджета	276,82
Предельный дефицит	26,66
Средства из бюджетов республик на общегосударственные программы	41,65
Расходы на оборону	96,56
Фундаментальные исследования и государственные научно-технические программы	14,47
Содержание КГБ СССР, включая пограничные войска	4,95

При этом союзный бюджет не сводился к добровольным взносам республик. Закон предусматривал налоговые отчисления, таможенные доходы, рентные платежи и другие источники. При уменьшении союзных налоговых поступлений республиканским законодательством требовалась компенсация. За правильность зачисления доходов отвечали Госбанк СССР, республиканские центральные и коммерческие банки; статья 34

предусматривала меры ответственности банковских руководителей.¹⁵⁴

Для объяснения кризиса важно различать два вопроса: достаточно ли у государства ресурсов вообще и способен ли конкретный уровень власти получить причитающиеся ему средства. Даже работающие предприятия не обеспечивают союзную программу, если изменён порядок перечисления их платежей или возник спор о получателе.

Общее государство могло сохранять расходы, которые нельзя быстро разделить: охрану границы, оборонные разработки, фундаментальную науку. Но если доступ к доходам становился предметом постоянного межвластного согласования, устойчивость этих расходов зависела уже не только от хозяйственного результата.

Март: граждане дали ответ о судьбе Союза

17 марта 1991 года гражданам предложили высказаться о сохранении СССР в виде обновлённой федерации равноправных суверенных республик с гарантиями прав человека. В окончательном сообщении Центральной комиссии указаны **148 574 606 участников** и **113 512 812 ответов «да» — 76,4 процента участвовавших**. Это доля участников, а не всего населения страны.¹⁵⁵

Организация голосования была неодинаковой. В шести республиках центральные республиканские комиссии не создали, хотя отдельные участки работали. В Казахстане применялась собственная формулировка вопроса; его руководство просило включить результаты в общесоюзный итог. Эти особенности необходимо учитывать при описании представительности голосования. Они не превращают зафиксированные миллионы положительных ответов в согласие на ликвидацию государства.¹⁵⁵

Политическое содержание мандата состояло из двух связанных требований: сохранить Союз и обновить его устройство. Участники не голосовали за неизменность любого существовавшего министерства, хозяйственного

порядка или персонального состава руководства. Но им не предлагали и санкционировать прекращение общей государственности.

Поэтому противопоставление «реформы или сохранение СССР» не соответствует самому предмету мартовского голосования. Поддержанная формула предполагала совместимость обновления и сохранения. Задача руководителей заключалась в выработке работоспособной федерации, а не в выборе любого варианта, который они впоследствии сочтут политически удобным.

Референдум не гарантировал успеха. Из результата голосования не возникают автоматически бюджетная дисциплина, единая исполнительная власть и доверие между республиками. Однако он давал общему государству основание требовать, чтобы переговоры о будущем исходили из ясно выраженной поддержки его сохранения.

Постановление 21 марта: поручения имели адресатов

Через четыре дня Верховный Совет СССР принял **Постановление № 2041-I «Об итогах референдума СССР 17 марта 1991 года»**. Он объявил решение обязательным для государственных органов Союза и республик. Президенту СССР, Совету Федерации и республиканским Верховным Советам предлагалось ускорить подготовку нового Союзного договора и новой Конституции.

Документ содержал и текущие задачи. Президенту, Совету Федерации и Кабинету Министров поручалось восстанавливать хозяйственные связи. Местным органам — защищать права граждан независимо от национальности. Генеральному прокурору предписывалось в двухмесячный срок рассмотреть нарушения прав при проведении референдума и доложить о мерах. В тексте постановления использованы предварительные итоги голосования; их не

следует смешивать с позднейшими окончательными цифрами.¹⁵⁶

Следовательно, мандат не остался только праздничной декларацией о единстве. Были обозначены направления работы и органы, от которых требовался результат. Историческая оценка должна сопоставлять эти поручения с исполнением, а не ограничиваться вопросом, кто произнёс наиболее убедительную речь в поддержку СССР.

Особое значение имело восстановление хозяйственных связей. Для гражданина сохранение страны выражалось не только в паспорте и флаге. Оно означало возможность получать пенсию, покупать продукты, работать на предприятии, снабжение которого зависело от нескольких республик, и жить без изгнания из-за национальности. Если общая власть не обеспечивала эти условия, её политическая поддержка могла ослабевать даже после победы на референдуме.

Первоначальный выбор граждан зафиксирован результатом референдума; дальнейшее ослабление относится к его реализации. Между выраженным решением и последующим результатом находились месяцы деятельности конкретных руководителей. Именно этот промежуток требует объяснения.

Новый договор: возможность сохранения и риск неработоспособности

После совместного заявления президента СССР и руководителей девяти республик **23 апреля 1991 года** подготовка нового договора стала главным переговорным направлением. Проект был опубликован в августе; начало подписания назначалось на **20 августа**.¹⁵⁷

В опубликованном предавгустовском проекте Союз определялся как федеративное государство. За ним сохранялись оборона, государственная безопасность, внешнеполитические и другие полномочия. Предусматривались союзные органы и верховенство

союзного законодательства в пределах союзного ведения. Поэтому описание этого текста как уже готового полного упразднения государства было бы неточным.

Однако финансовая конструкция зависела от согласования с республиками: статья 9 предусматривала союзные налоги и сборы по согласованным ставкам на основе представляемых Союзом расходов, а для общесоюзных программ — долевые отчисления заинтересованных республик наряду со средствами союзного бюджета. Статья 11 допускала взаимное приостановление оспариваемых актов с передачей спора Конституционному суду. Здесь рассматривается именно предавгустовский проект, а не более поздние предложения осени 1991 года.¹⁵⁸

Оценка его жизнеспособности требует двух отдельных ответов. Сохранялись ли юридические признаки общего государства? Да. Были ли гарантированы беспорочное финансирование и исполнение решений в обстановке уже существовавшего конфликта? Сам текст ещё не доказывает, что предусмотренные процедуры заработали бы.

Федерация не обязана быть предельно централизованной. Но она должна уметь разрешать спор без прекращения своих необходимых функций. Если суд ещё предстоит сформировать, налоговые условия требуют согласования, а прежние решения уже оспариваются, решающее значение получает организация перехода. Подписание договора было бы началом этой работы, а не автоматическим устранением кризиса.

Следовательно, переговоры имели реальный предмет и возможный государственный результат. Участие в них само по себе не доказывает намерения уничтожить СССР. Ответственность связана с содержанием уступок, обеспечением переходного периода и способностью сохранить исполнимые общие обязательства.

Предупреждение о распаде общего подчинения

Закон 16 мая 1991 года относил государственную безопасность к предмету работы КГБ, но не давал ему полномочий самостоятельно определять устройство федерации.¹⁵⁹ Спор о доходах, имуществе и обязательности законов требовал оценки угроз и предложений законного реагирования. Это была обязанность службы; восстановление политического соглашения оставалось задачей высших органов.

Для оценки Крючкова существенно, какие меры он предлагал и как добивался их рассмотрения. Полного комплекта докладов и резолюций нет; молчание опубликованного корпуса не равно молчанию председателя. Документально прослеживаемая утрата общего подчинения и неизвестная полнота ведомственной реакции — разные выводы. Возможная альтернатива на этом этапе разобрана в Приложении 10.

Перед августом: мандат существовал, единство исполнения не было обеспечено

К середине 1991 года волеизъявление граждан в пользу сохранения Союза, союзные нормы и фактическое исполнение решений расходились. Политическая поддержка страны не устраняла спора органов о том, чьи распоряжения выполнять и кому передавать ресурсы.

У этого разрыва были установимые участники. Российские законодательные органы принимали акты, расширявшие республиканский контроль; опубликованные октябрьские законы подписал Хасбулатов. Ельцин возглавлял российский политический центр. Горбачёв представлял Союз и вёл переговоры о его преобразовании. Союзный парламент определял обязательность мартовского решения и давал поручения по его осуществлению. Правительство отвечало за хозяйственные меры, руководство КГБ — за предупреждение угроз в пределах своих полномочий. Их

ответственность различалась по содержанию и не может быть заменена общим обвинением без адреса.

Из разобранных документов следует вывод: **до августовского столкновения уже существовал открытый конфликт за право распоряжаться союзными полномочиями и ресурсами.** Для его возникновения не требовалось ни формального прекращения СССР, ни предварительного уничтожения профессионального аппарата безопасности. Достаточно было сделать исполнение общего решения спорным, а материальную основу общей власти — предметом перераспределения.

Исход не был предreshён: обновлённой федерации требовались действующие переходные правила, согласованный бюджет и порядок разрешения споров.

В августе руководство КГБ попыталось вмешаться в развязку этого кризиса. Инициатива Крюкова стала проверкой способности союзного аппарата восстановить управление при уже возникшем двоевластии. Её поражение резко сузило возможности защиты союзной государственности.

Глава 22. Пять кризисов: приказ, подчинение и государство

Проверка начинается с различия результатов

Вечером 9 октября 1989 года в Лейпциге начальник окружного управления госбезопасности докладывал в Берлин о демонстрации, которую аппарат готовился остановить. На улицы вышли около 70 тысяч человек. Подавление не состоялось. Через два месяца в Румынии оружие применили — и прежняя власть всё равно рухнула. В Китае армия выполнила решение победившей группы руководителей; партийный центр сохранился. В январе 1991 года в Вильнюсе силовики заняли объекты вещания, но республиканский парламент продолжил работу. В Риге захват здания МВД также не создал новую устойчивую власть.^{160,161,162,163,164}

В этих пяти эпизодах сведения, организация и оружие давали разные результаты. Поэтому сравнение должно проверять именно переход от профессиональной способности к политическому действию. Мы будем спрашивать, кто определял цель, кому подчинялись исполнители и какое управление должно было возникнуть после операции. Такой способ позволяет проверить объяснение советского исхода по случаям, где силовым аппарат действовал иначе.

Предмет сравнения нужно назвать заранее. Сохранить жизнь гражданина, занять телецентр, удержать правительство, сохранить режим и сохранить федерацию — пять разных задач. Исполнитель может выполнить первую часть приказа и приблизить поражение в последней. Отказ от подавления может сохранить людей и одновременно ускорить смену власти. Результат оценивается по задаче, а человеческие потери учитываются отдельно, чтобы

государственная эффективность не превратилась в оправдание любого средства.

ГДР, Румыния и Китай позволяют сопоставить три политических исхода при разных способах использования силы. Вильнюс и Рига дают внутреннюю проверку: здесь действовали советские учреждения, тот же союзный президент и близкие по времени конфликты подчинения. Вильнюс особенно важен для разбора КГБ, потому что группа «А» принадлежала Комитету. Рига важна для разграничения ведомств: ОМОН входил в систему МВД. Если объяснение требует назвать всякое силовое действие операцией КГБ, оно уже потеряло точность.

Случаи отобраны по различию исходов и близости исторического периода. Это качественное сравнение механизмов. Оно позволяет отвергать слишком простые объяснения, но не даёт частоты успеха и не измеряет долю каждой причины. Внутренние эпизоды принадлежат одному советскому кризису и поэтому не считаются независимыми повторениями опыта. Их сила — в возможности проверить один механизм на разных ведомствах и задачах.

Пять переменных и наблюдаемые признаки

Первая переменная — **единство политического решения**. Внутри руководства могут существовать споры; существенен их результат к моменту действия. Есть ли утверждённая общая цель или разные руководители одновременно требуют несовместимого? Признаками служат решение, состав коалиции и поведение её участников, когда операция становится опасной.

Вторая — **субъект приказа и объём его полномочий**. Следует различать законное право распоряжаться, политическое признание этого права и готовность исполнителей подчиниться. Полномочия президента СССР существовали и в декабре. Из этого ещё не следовало, что руководители республик и все силовые структуры выполняют его решение. В Китае необходимо отдельно учитывать

государственные должности и партийно-военное влияние Дэн Сяопина. В Румынии — момент, когда приказы прежнего главы перестали связывать вооружённые структуры.

Третья — **командование силами**. Для политического решения важны доступные подразделения, координация ведомств, связь, снабжение и дисциплина исполнения. Наличие сильной спецслужбы ничего само по себе не говорит о подчинении армии. Согласие одного командира также не подтверждает согласия соседнего ведомства. Проверка идёт по приказам и действиям, а при неполноте документов это прямо отмечается.

Четвёртая — **источник признания власти**. Конституция, выборы, партийная структура, революционное выступление и способность поддерживать порядок создают разные основания притязания на власть. Они могут конфликтовать. Здесь описывается, на что опирались участники и кого признавали граждане и учреждения. Такая реконструкция не придаёт каждому притязанию одинаковую законность.

Пятая — **управление после действия**. Кто отвечает за следующий день? Кто назначает должностных лиц, исполняет бюджет, обеспечивает снабжение и связь, разрешает конфликты и контролирует самих силовиков? Операция заканчивается в определённый час; государство должно продолжать работу. Если переход к этому управлению не обеспечен, оперативная победа может остаться захватом одного здания.

Переменная	Что проверяется	Признак разрыва
Единство решения	Общая цель и устойчивость руководящей коалиции	Участники меняют цель или дистанцируются от действия
Субъект приказа	Законные полномочия, признание и ответственность	Формальный титул сохраняется, обязательность приказа оспаривается

Переменная	Что проверяется	Признак разрыва
Командование силами	Подчинение подразделений и согласованность ведомств	Часть сил выполняет задачу, другая ждёт или переходит к иному центру
Признание власти	Конституционные, выборные и политические основания	Одновременно действуют конкурирующие источники полномочий
Управление после действия	Продолжение работы институтов и контроль результата	Объект занят, а решения, деньги и подчинение остаются у противника

Гипотеза книги предсказывает: при сохранённых оперативных возможностях провал политической защиты вероятен там, где эти переходы разорваны. Гипотеза была бы ослаблена случаем, в котором согласованная власть имела законную осуществимую задачу, общее командование и устойчивую поддержку, а поражение объяснялось исключительно самостоятельным отказом спецслужбы. Именно поэтому нам нужны сведения о командовании и последующем управлении, а не только о числе сотрудников.

ГДР: центр знает о кризисе

Документы госбезопасности ГДР не дают представить осень 1989 года как неожиданность для аппарата. На коллегии Министерства государственной безопасности 3 октября обсуждали растущее недовольство. План обеспечения сорокалетия ГДР был представлен Эрихом Мильке и утверждён Эрихом Хонеккером. 8 октября последовали распоряжения о готовности к более жёстким столкновениям и подготовке задержаний. Архивная публикация различает сами документы и позднейшее объяснение их последствий.¹⁶⁰

Следовательно, первый переход — от наблюдения к признанию угрозы — здесь состоялся. Аппарат видел отъезд граждан, протесты и изменение общественной атмосферы. Руководство принимало меры. Его затруднение возникло позднее: полученная оценка ещё не отвечала на вопрос,

какое политическое действие способно вернуть управляемость и кто возьмёт на себя его цену.

В Лейпциге 9 октября численность демонстрации изменила оценку риска на месте. По архивному разбору, окружное руководство опасалось эскалации и ожидало указаний из Берлина, где готовился поворот против курса Хонеккера. Этот позднейший комментарий не следует читать как дословную стенограмму всех разговоров. Опубликованный доклад начальника окружного управления Манфреда Хуммича подтверждает важнейшую наблюдаемую часть: массовая демонстрация прошла, аппарат доложил о ней, прежний вариант подавления не был реализован.¹⁶⁰

Для объяснения это важнее общего слова «нерешительность». У местного начальника имелись сведения и подготовленный ресурс. Но цена его применения зависела от массы людей, поведения соседних сил и готовности центра поддержать решение. Чем ближе действие к непредсказуемому столкновению, тем существеннее политическая ответственность сверху. Распоряжение о готовности не заменяет выбора конкретного способа действия в изменившейся обстановке.

ГДР: смена политической задачи меняет аппарат

Ноябрьская и декабрьская последовательность позволяет увидеть, что происходит после отказа от прежнего курса. Падение руководящей позиции СЕПГ, преобразование ведомства и гражданский контроль над зданиями госбезопасности меняли саму допустимость его задач. Архивные подборки за ноябрь и декабрь показывают обсуждение будущего аппарата и борьбу вокруг документов. Это разные этапы: утрата прежнего политического заказчика не уничтожала сразу кадры, сведения и всю техническую работу.^{165,166}

Разрыв проходит через пятую переменную. Даже если представить успешное разовое прекращение демонстрации,

необходимо ответить, какое правительство после него управляло бы отъездом граждан, хозяйством, внешними отношениями и общественным доверием. Противоположный ответ также нуждается в проверке: мирный исход конкретного вечера сохраняет людей, но ещё не создаёт устойчивую программу сохранения отдельной государственности ГДР.

Этот случай позволяет отделить три результата. Насилие в Лейпциге было предотвращено. Прежняя партийная власть затем утратила положение. В 1990 году ГДР прекратила существование как отдельное государство в процессе объединения Германии. Связывать всё одним приказом октября означало бы вычеркнуть последующие политические решения и международное урегулирование.

Условия ГДР отличаются от советских. Здесь существовало соседнее германское государство, способное стать институциональным преемником. В СССР республиканские центры создавали множество самостоятельных государств и распределяли общие ресурсы. Поэтому германский исход не является точной моделью распада Союза. Общий механизм уже: аппарат наблюдения не может самостоятельно определить государственный порядок, когда политический центр меняет или теряет свою задачу.

Германский материал поддерживает гипотезу об ограниченной самостоятельности службы. Он также поправляет её: политическое руководство может сознательно отказаться от прежнего способа применения аппарата. Такое решение оценивается по последствиям и альтернативам, а не автоматически записывается в ведомственную неспособность. Для СССР это означает необходимость назвать решение президента, правительства или парламента прежде, чем приписывать весь результат КГБ.

Румыния: применение силы не сохраняет прежний центр

Румынский случай сразу исключает удобное объяснение, будто режим всегда гибнет из-за недостаточной решительности. В решении ЕСПЧ по делу «Ассоциация “21 декабря 1989 года” и другие против Румынии» изложены следственные материалы о подавлении выступлений с 17 декабря в Тимишоаре и с 21 декабря в Бухаресте. На следующий день прежний глава государства потерял власть. Судебный предмет — расследование смертей и защита прав заявителей; это не итоговая военно-политическая история каждого подразделения.¹⁶¹

Последовательность даёт строго ограниченный, но сильный вывод: сила применялась до падения Чаушеску, а её применение не обеспечило сохранения его власти. Для этого вывода не требуется приписывать все выстрелы одной организации или принимать неподтверждённый рассказ о едином заговоре. Вооружённое действие и его политическая результативность расходятся уже на уровне установленных событий.

Особенно важны описанные в судебном акте события в Брашове. После сообщения о падении прежнего руководства войска получили указание вернуться в казармы; позднее вооружённые силы снова действовали под задачей защиты революции. Люди и оружие оставались, менялся центр, от имени которого определялась цель. Продолжавшееся насилие после смены власти показывает цену перехода, который не создаёт сразу ясного порядка командования.¹⁶¹

Проверка здесь идёт по третьей и пятой переменным. Прежний глава может формально занимать высшие должности, но отдельные командиры уже принимают решение о том, кому подчиняться. После его падения победивший центр должен ещё обеспечить единый порядок для вооружённых структур. Само объявление нового руководства этого результата не гарантирует.

Для КГБ аналогия состоит в возможности смены заказчика при сохранении профессионального ресурса. Она помогает понять осень 1991 года: служба может продолжать выполнять часть функций, тогда как её общесоюзное назначение уже уступает новым государственным задачам. Однако румынские сведения не доказывают заранее выбранного коммерческого или политического мотива любого советского руководителя. Для персонального вывода нужны его собственные решения и связи.

Румыния: какой исход объясняет сравнение

Румыния пережила смену режима, сохранив государство. СССР к политической борьбе добавлял спор о самой федерации. Советская операция против одной группы должностных лиц оставляла вопросы о подчинении республик, собственности, бюджете и признании нового союзного решения. Их можно было временно отложить, но нельзя было окончательно разрешить наличием вооружённой охраны.

Насилие после падения Чаушеску особенно неудобно для легенды о единственном спасительном приказе. Если приказ способен только начать действие, его автор ещё должен обеспечить прекращение действия, различение противника и гражданского населения, а затем нормальную работу учреждений. Без этого сила производит новые угрозы вместо устойчивого результата. Для августа 1991 года вопрос о следующем дне столь же существенен, как вопрос о возможном штурме.

Китай: кто обеспечил исполнение

В Китае весной 1989 года разногласия внутри руководства были действительными. Официальная биографическая справка Чжао Цзяна фиксирует снятие его с партийных и военных должностей в июне. Выступление Дэн Сяопина 9 июня обращено к высшим командирам войск, обеспечивавших военное положение в Пекине. В нём политический руководитель принимает сторону проведённого действия и обсуждает дальнейший курс. Это первичный источник о публичной позиции победившего центра, а не нейтральный отчёт о всех обстоятельствах применения силы.^{167,162}

Здесь первая переменная меняет значение во времени. Единства не было в начале кризиса. Но сторонники определённого решения получили достаточное влияние на военное командование и обеспечили исполнение. Поэтому понятие единства не должно означать отсутствие споров или полное согласие общества. Для операции достаточно коалиции, способной связать решение с действующими силами; для дальнейшего управления её устойчивость провернется уже после операции.

Роль армии определяет границу аналогии. Это не самостоятельная победа китайской спецслужбы. Сохранение власти КПК обеспечивалось политическим центром и военным исполнением, к которым добавлялась работа других государственных структур. Китай используется как контрольный случай: он показывает, что результат, которого ожидали от КГБ, мог требовать института и коалиции, выходящих далеко за пределы службы безопасности.

Такое сравнение усиливает объяснение заголовка книги. Если для сохранения центра нужна связка политической власти и армии, то вопрос «почему КГБ не сделал того же?» сначала требует доказать, что председатель Комитета имел право определить общую цель, командовал необходимыми силами и получал поддержку после их действия. Советские

документы этих полномочий ему не предоставляли. Августовская попытка собрать более широкую группу стала именно политическим действием и оценивается по результату этой группы.

Цена китайского решения входит в результат. Сохранение центра не превращает гибель людей в техническую подробность. Здесь не устанавливается единое число жертв: документы и оценки различаются. Для нашей проверки достаточно установленного применения армии, сохранения руководящего центра и его принятия ответственности за выбранную линию. Спор о точной цифре не должен подменять разбор командования.^{168,169}

Китай: управление продолжается после операции

В выступлении 9 июня Дэн Сяопин соединял политическую оценку происшедшего с подтверждением курса реформ и открытости при сохранении партийных основ. Здесь существенна сама связка: после военного действия центр называл дальнейшую программу, определял политическую принадлежность исполнителей и сохранял экономический курс. Декларация не доказывает успешности каждого последующего решения, но показывает наличие программы следующего дня.¹⁶²

Пятая переменная в этом случае выражена отчётливее, чем в январских советских эпизодах. Исполнители получили подтверждение сверху, а политическое руководство продолжило действовать в прежней государственной структуре. Экономическая политика и кадровые назначения не передавались множеству конкурирующих государственных центров. В СССР же именно вопрос о принадлежности общего ресурса становился содержанием кризиса.

Различие нельзя сводить к личной смелости Дэн Сяопина и Горбачёва. В Китае союзные республики с собственными парламентами, президентскими мандатами и притязанием

на общегосударственное имущество не образовывали аналог советской борьбы 1990–1991 годов. Экономические и внешние условия также были другими. Поэтому китайский результат опровергает неизбежность всякого падения при массовом протесте, но не доказывает осуществимость того же решения для советской федерации.

Вильнюс: задача подразделения выполнена лишь в своём масштабе

Вильнюс переносит проверку внутрь советского управления. В опубликованной Горбачёв-Фондом хронике приведена выдержка из оперативного отчёта группы «А»: 11 января 1991 года по решению руководства КГБ объявили тревогу, в Литву вылетели 65 сотрудников. В числе задач названы прекращение определённого вещания и передача объектов под охрану внутренних войск. Это опубликованная выдержка, а не предъявленный здесь полный подлинник отчёта.¹⁷⁰

Документ показывает возможность центра подготовить и переместить собственное подразделение. Следовательно, говорить о полном исчезновении всякого советского командования в январе неверно. Существовали центральное распоряжение, связь и исполнимый оперативный участок. Спор начинается на следующем переходе: как занятие объектов должно было обеспечить обязательность союзной власти и кто отвечал за политическое управление после него.

Литовская парламентская хроника фиксирует возобновление передач через другие мощности и из здания парламента после прекращения вещания из занятых студий. Это важная проверка цели: контроль над одним объектом связи не равен прекращению политической коммуникации. Республиканский центр продолжил говорить, собирать поддержку и действовать. Оперативный результат не превратился в замену источника власти.¹⁶³

Если цель приказа состояла только в занятии здания, её выполнение оценивается по зданию. Если предполагалось принудить республику к общему политическому порядку, требуется иной масштаб доказательств: подчинение парламента, управление учреждениями, устойчивое признание решения и обеспечение населения. Именно смешение этих целей позволяет позднему рассказу назвать одну операцию либо полным успехом, либо полным бездействием.

Человеческие потери также устанавливаются по конкретным источникам. Литовский поимённый перечень включает 14 гражданских жертв январского насилия, в том числе умершего от ран позднее. Отдельно учитывается погибший сотрудник группы «А» Виктор Шатских. Эти категории не сливаются в одну цифру без пояснения. За задачей контроля вещания стояли жизни людей и общественные последствия, которые продолжались после завершения штурма.^{163,171}

Вильнюс: президентская линия и ведомственное действие расходятся

Служебная запись разговора Горбачёва с Бушем 11 января показывает осведомлённость президента СССР о литовском кризисе до ночного штурма. Горбачёв обсуждал давление в пользу президентского правления и поиск политического решения. Эта запись не устанавливает его знания точного плана операции. Она позволяет проверить другую версию: общая угроза не была для верховной власти неизвестной.¹⁷²

После трагедии президент публично дистанцировался от насильственного прихода комитетов к власти и самовольных действий войск. В хронике приведено его объяснение 22 января. Получается документально видимое расхождение: центральное ведомство подготовило ресурс, силовое действие произошло, высшая власть не представляла результат как исполнение своей публичной линии.¹⁷⁰

Для причинного разбора существуют по меньшей мере две версии. Если операция имела высшую политическую санкцию, последующее дистанцирование разрушало ответственность и опору исполнителей. Если такой санкции не было, центральные ведомства действовали за пределами согласованной политической задачи, а президентский контроль оказался недостаточен. Выбрать одну версию без полной командной документации нельзя. Обе, однако, указывают на проверяемый разрыв между верховной политикой, ведомственным решением и управлением результатом.

Вильнюс опровергает версию, будто советское руководство вообще не применяло силу. Одновременно он ослабляет версию, будто применение силы само по себе могло восстановить федеративное подчинение. В январе Комитет смог исполнить отдельную оперативную задачу; общего политического результата в виде устойчивого возвращения республики под управление центра это не обеспечило.

Рига: принадлежность подразделения имеет значение

Латвийская официальная хроника относит к 20 января нападение рижского ОМОНа на здание республиканского МВД. В ней отмечено отрицание министром внутренних дел СССР Борисом Пуго приказа о нападении. Здесь вновь возникает разрыв между вооружённым действием и публично признанной ответственностью высшего ведомственного руководителя. Хроника позволяет установить сообщение; точная командная цепочка требует дополнительной проверки.¹⁶⁴

ОМОН принадлежал системе МВД. Поэтому рижский эпизод не является ещё одной операцией группы «А» и не доказывает распоряжения председателя КГБ. Его ценность для книги иная: он проверяет, повторяется ли проблема политического результата за пределами Комитета. Когда разные силовые ведомства действуют в одном конфликте и верховная власть не обеспечивает общего порядка,

объяснение должно выходить на уровень межведомственного управления.

У республиканского МВД, республиканского парламента и союзных структур были несовпадающие притязания на подчинение. Официальная латвийская реконструкция описывает отказ ОМОНа исполнять республиканские указания ещё с сентября 1990 года. Это указание на конфликт вертикалей, а не готовый ответ о законности каждого распоряжения. Для советской стороны существенны действовавшие союзные акты; для республиканской — её собственная декларация и учреждения.¹⁶⁴

Оперативная возможность захватить ведомственное здание не обеспечивала решения этого спора. Для следующего дня требовалось определить, кто назначает руководство, кому подчиняются остальные сотрудники, какой закон применяется и кто поддерживает порядок в городе. Без такой конструкции вооружённая группа могла удерживать объект, а политическая власть оставалась вне него.

В официальном перечне жертв нападения учитываются сотрудники милиции, кинооператоры и школьник; один из раненых умер в феврале. В книге сохраняется атрибуция источника и различие даты ранения и смерти. Подробная баллистическая реконструкция каждого эпизода не подменяется общей политической оценкой. Это особенно важно там, где рассказы участников о направлении огня и принадлежности стрелявших расходятся.¹⁶⁴

Рига: информация тоже становится средством управления

Республиканский парламент организовал пресс-центр, который выпускал сообщения о текущей обстановке. Сейм Латвии опубликовал их сборник как «January Chronicles». Перед нами не только позднейшая память: в корпус входят сообщения, возникшие во время событий и предназначенные для внешней аудитории. Их следует читать как документы действующего участника конфликта, отделяя проверяемые сообщения от его политических квалификаций.¹⁷³

Этот материал позволяет расширить понятие управления после действия. Власть сохраняется через работу учреждений, связи и представление своей версии происходящего. Если союзный центр занимает объект, но республиканский центр продолжает собирать информацию и обращаться к гражданам и иностранным государствам, борьба не завершается. Решение о силе должно учитывать такую среду до операции, а не после неожиданного международного резонанса.

Рига особенно ясно показывает различие между законным титулом и фактическим подчинением. Союзное министерство продолжало существовать. Республиканские органы также продолжали действовать. Вооружённое подразделение имело свою ведомственную принадлежность. Но сама совокупность этих учреждений не обеспечивала единой исполнимой задачи. Для этого требовалось решение о разграничении власти либо согласованный переходный порядок, поддержанный реальным командованием.

Сопоставление: где проходят различия

Таблица фиксирует качественные признаки на решающем отрезке каждого кризиса. Она не присваивает странам баллы и не выдаёт позднейший итог за точное описание всего начального периода. Знак «спор» означает конкуренцию притязаний; «разрыв» — наблюдаемое расхождение решения, исполнения или дальнейшего управления.

Случай	Единство решения и субъект приказа	Командование силами	Источник признания	Управление после действия
ГДР, октябрь–декабрь 1989	Прежний центр меняет курс; обязательность прежней задачи ослабевает	Силы подготовлены; подавление в Лейпциге не реализовано	Партийно-государственное основание теряет поддержку	Смена власти и задачи аппарата; отдельная государственность позднее прекращается
Румыния, декабрь 1989	Приказы прежнего главы уступают новому центру	Сила применена; подчинение меняется	Прежний титул утрачивает силу; новый центр ссылается на революцию	Государство продолжается; насилие после смены власти показывает разрыв контроля
Китай, май–июнь 1989	Раскол преодолен победившей партийно-военной коалицией	Армия обеспечивает исполнение	Партийный центр и действующие государственные институты	Центр принимает проведённую линию и продолжает управление

Случай	Единство решения и субъект приказа	Командование силами	Источник признания	Управление после действия
Вильнюс, январь 1991	Союзные и республиканские цели конфликтуют; точная высшая санкция спорна	Подготовка группы «А» централизованная; объекты заняты	Союзные полномочия конкурируют с республиканским политическим мандатом	Парламент и резервное вещание продолжают; общая вертикаль не восстановлена
Рига, январь 1991	Конфликт союзной и республиканской вертикалей; приказ о нападении отрицается	Действует ОМОН системы МВД; общая координация требует проверки	Конкурирующие союзные и республиканские основания	Республиканские учреждения и коммуникация сохраняются; занятие здания не решает спор

Чтобы пять переменных не сливались в один показатель, законные полномочия субъекта приказа проверяются отдельно от устойчивости его коалиции. В СССР правовые полномочия президента оставались, тогда как способность объединить исполнителей падала. В Китае победившая группа сохранила практическое командование, что ещё не решает нормативной оценки её метода. В Румынии государство пережило смену обладателя высшей власти. Таблица отвечает на вопрос об управлении, не подменяя им право.

Экономические трудности присутствовали в сравнении не в одинаковой форме и не с одинаковым измеренным весом. Они влияли на общественные ожидания, возможности снабжения и выбор руководства. Но общий экономический признак сам по себе не разделяет наблюдаемые исходы: смену режима, сохранение центра и прекращение отдельной государственности. Для такого объяснения нужны документы политического перехода и исполнения. Советские расходы на оборону, Афганистан и последствия Чернобыля рассматриваются как ограничения выбора; их отдельные доли в распаде здесь не рассчитаны.

Международная обстановка также различалась. Для ГДР германское объединение создавало конкретный внешний институциональный исход. Для Китая внешние оценки и давление не заменяли внутреннего командования армией. Для советских республик международное признание могло усиливать собственный центр. Общее слово «Запад» не объясняет эти различия, пока не назван механизм воздействия и ответ того, кто распоряжался внутри страны.

Что сравнение подтверждает и что изменит вывод

Пять случаев позволяют сделать три утверждения с разной силой. Первое подтверждается наиболее уверенно: **наличие сведений и вооружённой способности недостаточно для сохранения прежнего политического порядка.** ГДР показывает предел знания, Румыния — предел уже применённой силы, Вильнюс и Рига — предел захвата объектов.

Второе получает сравнительную поддержку: **устойчивый политический результат требует связи решения, исполнения и последующего управления.** Китай показывает сохранённый центр, который обеспечил военное действие и продолжил курс. Румынский переход показывает смену центра при сохранении сил. Советские январские эпизоды показывают исполнение отдельной задачи без восстановления общего политического порядка. Это авторский вывод из сопоставления, а не формулировка одного архивного документа.

Третье остаётся советским вопросом: могла ли определённая законная коалиция сохранить обновлённый Союз и какие действия КГБ помогли бы её создать? Сравнение не даёт готового ответа. Оно задаёт условия проверки: состав коалиции, действительные полномочия, подчинение сил, общие доходы и программа переходного управления. Если эти условия существовали и служба самостоятельно сорвала осуществимый план, оценка её ответственности должна стать жёстче.

Гипотезу книги ослабили бы документы о согласованном законном решении, достаточном общем командовании и устойчивом исполнении на союзном уровне, которые были разрушены только ведомственным отказом КГБ. Её уточнили бы найденные планы следующего дня и журналы приказов по январским операциям. Они могли бы перенести ответственность с замысла на исполнителя или наоборот. Оценку нельзя защищать от таких документов общим рассуждением о неизбежности.

Август 1991 года теперь предстоит читать как попытку собрать политическую власть вокруг действия силовых руководителей. У участников имелись ведомства и опыт; требовалась общая законная задача, согласованное исполнение и план управления федерацией после вмешательства. Январь уже показал, что занятие объекта этого не заменяет. ГДР и Румыния показали, что сила способна сохранить ресурс и потерять прежнего заказчика. Китай показал масштаб политико-военной коалиции, необходимой для другого результата.

Поэтому сравнительный ответ на заголовок книги точнее обвинения в общей слабости: **руководство КГБ не сумело соединить предупреждение об угрозе с законным общесоюзным решением, обеспеченным командованием и политической поддержкой.** Где-то оно могло добиваться иного решения, где-то отвечало за собственную инициативу, а где-то уже не распоряжалось необходимым ресурсом. Следующая глава устанавливает, как эти различия проявились в августе.

Глава 23. Август 1991 года: инициатива Крючкова и поражение руководства КГБ

19 августа 1991 года руководство ГКЧП объявило чрезвычайные меры. В Москве появилась военная техника. Ельцин остался действующим президентом России, а Горбачёв находился в Форосе. За несколько часов вопрос о спасении государства превратился в вопрос о том, чьё распоряжение должен исполнять государственный аппарат.^{174,175}

Угроза была действительной. Решение оказалось несостоятельным

К августу 1991 года распад советской государственности был не выдумкой руководителей органов безопасности. Предыдущая глава показала его повседневные механизмы: оспаривание союзного законодательства, перераспределение имущества, конфликт за доходы и неисполненные обязательства перед гражданами. Мартовский референдум давал основание сохранять обновлённый Союз. Но это основание не превратилось в устойчивый порядок исполнения общих решений.

Поэтому действия Государственного комитета по чрезвычайному положению нельзя объяснить одним нежеланием чиновников расстаться с должностями. Защита государства была реальной задачей. Вопрос заключается в том, какое решение предложили люди, взявшиеся за неё, на каком основании они действовали и почему их поражение усилило именно те процессы, которые они намеревались остановить.

Здесь необходимо различать мотив, способ и результат. Стремление сохранить СССР не делает автоматически правильным любой выбранный способ. Несостоятельность способа не доказывает, что стремление было притворным.

Катастрофические последствия не позволяют без дополнительных доказательств утверждать, что участники заранее добивались именно этих последствий.

В центре главы — **Владимир Крючков**, поскольку председатель КГБ участвовал в выработке и осуществлении решения, опираясь на особые возможности службы. Но ГКЧП не был другим названием КГБ. В нём соединились руководители разных государственных ведомств и хозяйственных организаций. Ошибка в этом различии превращает действия ограниченного круга лиц в обвинение всего профессионального корпуса и закрывает вопрос о персональной ответственности.

Восемь участников — не единая государственная власть

В заявлении от **18 августа 1991 года** были названы восемь членов ГКЧП: **Геннадий Янаев, Валентин Павлов, Олег Бакланов, Владимир Крючков, Борис Пуго, Дмитрий Язов, Василий Стародубцев и Александр Тизяков**. Они представляли вице-президентскую должность, правительство, оборонное руководство, органы безопасности и внутренних дел, аграрные и промышленные организации. Заявление подписали Янаев, Павлов и Бакланов. Оно объявляло переход президентских полномочий к Янаеву вследствие состояния здоровья Горбачёва и обязательность решений нового комитета на всей территории СССР.¹⁷⁴

Состав создавал впечатление сосредоточения почти всех необходимых ресурсов. Но перечень должностей не равен работающему центру управления. Каждое ведомство имело собственную структуру подчинения, задачи и представления о допустимом. Общая политическая ответственность должна была возникнуть поверх этих различий. Само включение начальников в список её не обеспечивало.

Особенно существенно, что новый орган предъявил общегосударственную власть в момент, когда объяснение отсутствия действующего президента уже становилось предметом спора. Требование подчиняться исходило не просто от привычного министерства, а от чрезвычайного объединения руководителей, законность полномочий которого оспаривалась.

Отсюда главный управленческий риск. Для рядового исполнителя участие его начальника в ГКЧП ещё не давало ясного ответа, от чьего имени поступает приказ: от существующего государства, от временно замещающего президента лица или от группы, самостоятельно изменившей порядок власти. Руководители не могли переложить разрешение этого противоречия на командира подразделения или начальника территориального органа.

Форос: разрыв с президентом предшествовал публичному выступлению

18 августа к Горбачёву в крымскую резиденцию прибыли Бакланов, Валерий Болдин, Олег Шенин и Валентин Варенников. Разговор касался чрезвычайных мер. Сам факт встречи и её предмет отражены в приговоре по делу Варенникова. Оценки завершивших разговор слов расходились: посетители истолковывали поведение президента как допускающее самостоятельные действия; Горбачёв отрицал согласие на неконституционный порядок.¹⁷⁶

Свидетельство Анатолия Черняева, находившегося в резиденции, фиксирует другую сторону события: прекращение телефонной связи и ограничения выхода. В его записи описана собственная проверка неработающих аппаратов, включая защищённую линию. Это свидетельство участника президентского окружения, а не нейтральный протокол, но оно касается конкретного наблюдаемого обстоятельства.¹⁷⁷

Организационную роль Крючкова раскрывает публикация фрагментов обвинительного заключения: там приводятся показания о поручениях руководителям правительственной связи и охраны, а также о подготовке изоляции. Этот источник позволяет установить содержание версии следствия и приведённых им показаний. Он не заменяет судебного решения в отношении каждого названного лица.¹⁷⁸

Для оценки выбранной конструкции не требуется разрешить все споры о каждой реплике в Форосе. Согласие на обсуждение чрезвычайного положения, неясно понятая фраза и надлежащим образом выраженное решение президента — разные основания. Ни рукопожатие, ни предположение о скрытом одобрении не заменяют государственного акта.

ГКЧП должен был сделать собственный источник полномочий убедительным для страны. Вместо этого его появление сопровождалось отсутствием прямой связи с президентом, от имени конституционного порядка которого заявлялось продолжение управления.

Чрезвычайное положение не означало права создать любую власть

Закон СССР от 3 апреля 1990 года № 1407-I «О правовом режиме чрезвычайного положения» предусматривал исключительные меры и порядок их введения. Президент мог действовать в отдельных местностях с согласия соответствующей республики; при отсутствии согласия требовалось незамедлительно внести решение на утверждение Верховного Совета СССР. Общесоюзное чрезвычайное положение вводил Верховный Совет. Закон требовал определить причины, срок и территорию действия режима.¹⁷⁹

Следовательно, у союзного государства существовали правовые средства реагирования на массовые беспорядки и чрезвычайные обстоятельства. Утверждать, что оно было

юридически обречено на бездействие, неправильно. Но полномочие применять чрезвычайные меры нельзя отождествлять с правом произвольно учредить новый верховный орган.

В заявлении ГКЧП чрезвычайное положение объявлялось в отдельных местностях на шесть месяцев с утра **19 августа**. Одновременно решения комитета провозглашались обязательными для всей страны.¹⁷⁴ Уже это соединяло два разных вопроса: территориально ограниченный режим и претензию нового органа на общегосударственное руководство.

На пресс-конференции 19 августа Янаев сообщил о намерении получить подтверждение полномочий у Верховного Совета СССР, созыв которого связывал с **27 августа**.¹⁸⁰ Иными словами, политическое выступление началось до получения ожидавшегося парламентского подтверждения. Для исполнителей промежуток между объявленной властью и её предполагаемым последующим одобрением был не формальностью, а риском личной ответственности.

Главная ошибка заключалась не в том, что руководство увидело необходимость защиты государства. Оно попыталось начать эту защиту способом, который сделал спорной законность самого защищающего центра. Тем самым преимущество действующей союзной власти было частично утрачено уже при предъявлении её нового имени.

Программа: порядок, снабжение и обещание продолжать реформы

Постановление ГКЧП № 1 от **19 августа** требовало обеспечивать чрезвычайный режим, отменять противоречащие союзному законодательству решения, ограничивать препятствующие нормализации организации, запрещало митинги и забастовки. Оно предусматривало контроль средств массовой информации и хозяйственные меры — снабжение, подготовку к зиме, решение продовольственных и жилищных вопросов.¹⁸¹

По этим документам нельзя заключить, что ГКЧП представил программу простого возвращения всей системы к состоянию до 1985 года. На пресс-конференции Тизяков прямо заявил, что от движения к рынку отказываться не намерены. Янаев говорил о будущих прямых президентских выборах после стабилизации. Ссылки на продолжение преобразований содержались и в обращении к иностранным руководителям.^{180,182}

Проблема была иной: разноплановые обещания не складывались в убедительное объяснение перехода от чрезвычайного управления к устойчивому государственному устройству. Запретить забастовку — не значит восстановить поставки между предприятиями. Объявить союзное верховенство — не значит получить согласованный порядок бюджетных перечислений. Призвать к дисциплине — не значит устранить спор о собственности и компетенции органов.

В этом обнаруживалась связь с предыдущей главой. Причины кризиса находились не только в поведении уличной оппозиции. Они были закреплены решениями государственных учреждений и конфликтом двух уровней власти. Для их преодоления требовалось обеспечить исполнимость общих правил, а не только ограничить публичное сопротивление.

ГКЧП предъявил стране обещание нормализации. Но в короткое время своего существования не

продемонстрировал согласованного механизма, который сделал бы эту нормализацию практически достижимой. Этот вывод относится к политическому результату выступления, а не к утверждению, будто никаких рабочих материалов у его участников не существовало.

Первый день: противник оказался действующим центром власти

Российское руководство не исчезло из политического пространства. Ельцин находился в Доме Советов, выпускал обращения и указы. Вокруг здания собирались люди. На другой стороне действовали президент республики и её учреждения: противостояние имело два организованных политических центра.

В телеграмме от **20 августа**, посвящённой предыдущему дню, британский посол **Родрик Брейтвейт** отмечал отсутствие арестов основных оппонентов, сохранявшиеся телефонные коммуникации и показ выступления Ельцина центральным телевидением. Он не был сторонником ГКЧП; его политические оценки принадлежат западному дипломату. Значение документа — в наблюдении, сделанном в ходе событий: объявленный контроль не соответствовал фактическому положению.¹⁸³

Это несоответствие не следует превращать в совет, что для успеха требовалось больше арестов и цензуры. Оно показывает другое: руководители начали чрезвычайное выступление, но не создали признаваемого и устойчивого порядка управления. Демонстрация силы существовала одновременно с публичным оспариванием её основания.

Военная техника на улицах делала конфликт зримым. Однако сама по себе она не определяла, чьи требования законны и какое устройство страны предлагается после кризиса. Для части граждан главным становилось не обещание снабжения, а опасение ограничения политических прав. Российское руководство получало

возможность выступать защитником законности, включая права отстранённого союзного президента.

Так противники, ранее спорившие с союзным центром о его полномочиях, заняли политически выгодную позицию защитников президента СССР от руководителей его же силовых ведомств. Это был существенный разворот, который авторы чрезвычайного решения должны были учитывать до начала действий.

Указ № 61: поражение готовилось не только на площади

19 августа Ельцин подписал Указ № 61 «**О временном переподчинении органов исполнительной власти СССР Президенту РСФСР**». До внеочередного союзного съезда он объявлял подчинёнными себе действовавшие в России союзные исполнительные органы, включая КГБ, МВД и Министерство обороны. Российским ведомствам предписывалось временно осуществлять соответствующие союзные функции. Исполнение решений ГКЧП запрещалось.¹⁷⁵

Из существования указа не следует, что в момент его подписания вся союзная вертикаль фактически перешла под российское руководство. Нельзя без отдельного рассмотрения объявлять бесспорной и всю его правовую конструкцию. Но документ точно устанавливает направление борьбы: речь шла о смене адресата подчинения, а не только об отмене чрезвычайного положения.

В предыдущей главе российский контроль распространялся на действие союзных актов и принадлежность имущества. Теперь чрезвычайный конфликт позволял предъявить притязание непосредственно на исполнительный аппарат, включая органы государственной безопасности. Защита президента СССР и расширение власти президента РСФСР оказались соединены в одном политическом действии.

Для КГБ последствия были особенно тяжёлыми. Участие председателя в ГКЧП позволяло его противникам переносить спор с самого Крючкова на полномочия возглавляемого им учреждения. Возникла опасность, что устранение конкретных руководителей будет использовано для пересмотра всей системы союзной безопасности.

Такой исход не был автоматическим юридическим последствием. Между расследованием действий должностного лица и разделом государственного ведомства лежат самостоятельные решения. Но политические условия для этих решений резко изменялись. Служба теряла возможность выступать вне конфликта как общий инструмент государства: её высший руководитель уже стал одной из сторон борьбы за власть.

«Альфа»: исполнители ждут решения

В позднем интервью командир «Альфы» Виктор Карпухин объяснял остановку возможного штурма общеполитической обстановкой. Его формула звучала предельно конкретно: «среди них не было человека, который мог бы принять решение». Речь шла о руководителях наверху. Командир специального подразделения видел границу собственной компетенции.¹⁸⁴

Карпухин рассказывал и о начале действий возле Архангельского. По его словам, задача включала обеспечение переговоров с Ельциным; распоряжения о задержании он не получил. Позднее вокруг Белого дома обсуждалось взаимодействие с военными. Его описание подчёркивает неопределённость политической цели, которая доходила до оперативного уровня.

Сергей Гончаров в интервью 2011 года также разделял подготовку возможного действия и окончательную команду. Он описывал ожидание дополнительных указаний и связывал настроения сотрудников с риском многочисленных жертв. В его рассказе люди опасались

вновь отвечать за последствия чужого политического выбора.¹⁸⁵

Два свидетельства дают исполнителям голос. Их общая точка — ожидание решения и понимание человеческой цены. Расхождения деталей сохранены в примечаниях: позднее интервью каждого участника отражает его участок событий. Полного журнала прохождения распоряжений эти рассказы не заменяют.

Штурм спецподразделениями не состоялся. Главный вопрос к руководству возникает раньше последней команды: кто определил цель, кто согласовал пределы действий, кто связал военные и политические меры, кто был готов управлять после столкновения? У ГКЧП были профессиональные подразделения. Устойчивая общая последовательность решения и исполнения не сложилась.

На этом месте история выходит за пределы одного спецназа. Руководитель, начинающий кризисное действие, обязан обеспечить подчинённому исполнимую задачу. Иначе наиболее рискованный выбор перемещается к человеку, который отвечает за выполнение, но не распоряжается политическим результатом.

Отказ от кровопролития и ответственность за созданный риск

Крючков позднее сформулировал собственную установку так: «мы условились, что не пойдём на кровопролитие». По его рассказу, ещё 18 августа участники договорились прекратить выступление при опасности кровопролития. Это изложение из его книги **«Личное дело. Три дня и вся жизнь»**, а не независимое подтверждение предварительного соглашения. Оно, однако, должно быть учтено при оценке заявленных мотивов руководителя.¹³⁹

Отказ от массового насилия имел самостоятельную ценность для сохранения человеческих жизней. Возможность провести силовую операцию и допустимость её человеческой цены — разные вопросы. Но намерение

избежать жертв не снимает ответственности за ввод вооружённых сил в политический конфликт без обеспеченного выхода из него.

В ночь на **21 августа** в Москве погибли **Дмитрий Комарь, Илья Кричевский и Владимир Усов**. Первые сообщения содержали неполные и неточные сведения; позднейшие рассказы сторон по-разному распределяли ответственность. Факт гибели троих необходимо отделять от спорных реконструкций каждого движения техники и выстрела. Гибель произошла в отдельном эпизоде у военной техники; штурм Белого дома не состоялся.¹⁸⁶

У ГКЧП обнаружилась фундаментальная несогласованность замысла. Если условием выступления было отсутствие кровопролития, требовался политический способ добиться результата при отказе оппонентов подчиняться. Само появление сопротивления не являлось непредставимым событием. Если же участники не могли принять его последствия, это следовало учесть при выборе формы действий.

Отсюда не вытекает, что им надлежало применить больше силы. Вытекает более тяжёлый вывод: **руководители начали действие, последствия которого не были способны политически удержать в заявленных ими пределах**. Прекращение эскалации ограничило человеческие потери, но не отменило ответственности за исходное решение.

Двадцать первое августа: прекращение действия вместо восстановления власти

Крючков завершал объяснение остановки словами:

«И вот такой момент наступил!». ¹³⁹

Указанная им опасность стала основанием прекратить выступление. Это свидетельство о собственном объяснении выбора, а не подтверждение его обвинений в адрес противников. Оно возвращает ответственность к подготовке: цель, допустимые средства и способ выхода из опасной ситуации должны были быть согласованы до начала вмешательства.

Утром **21 августа** сообщения о выводе техники стали публичными. В выпуске «Интерфакса» в **09:44** говорилось о начавшемся снятии машин с московских постов; окончательный масштаб вывода ещё уточнялся. Это сообщение времени события важно именно своей незавершённостью: перелом происходил на глазах, а не был известен участникам заранее. ¹⁸⁷

В воспоминаниях Крюčkова обсуждение у Язова завершилось решением прекратить деятельность ГКЧП и ехать к Горбачёву. Он представлял поездку как попытку вновь убедить президента принять меры для спасения государства. Показания других участников и их позднейшие рассказы по-разному описывают инициативу и взаимные претензии, но возвращение к Горбачёву как к необходимому адресату само по себе показательное. ¹⁸⁸

Конструкция замкнулась на собственном противоречии. Председатель КГБ участвовал в действии, исключавшем президента из обычного управления, а завершение кризиса вновь связывал с ним. Самостоятельный общегосударственный центр, который мог бы устойчиво действовать без Горбачёва и получить признание страны, не возник.

Последовательность ключевых решений позволяет увидеть не просто три дня ожидания, а смену положения союзной власти:

18 августа: Форос: Возникает разрыв между президентом и инициаторами чрезвычайных мер.

19 августа: объявление ГКЧП: Полномочия нового центра публично оспариваются.

19 августа: российский Указ № 61: Республиканская власть заявляет притязание на союзный исполнительный аппарат.

Ночь на 21 августа: Несостоявшийся штурм и реальные человеческие жертвы углубляют кризис решения.

21 августа: вывод техники, поездка в Форос: Попытка самостоятельного чрезвычайного руководства прекращается.

Процессуальные результаты: амнистия и дело Варенникова

23 февраля 1994 года Государственная дума приняла постановление № 65-І ГД «Об объявлении политической и экономической амнистии», охватившее дела, связанные с образованием ГКЧП и участием в его деятельности.¹⁸⁹

Отказавшийся от амнистии **Валентин Варенников** получил **11 августа 1994 года** оправдательный приговор Военной коллегии Верховного суда. Суд не установил у него умысла причинить ущерб государству, учитывал исполнение приказов, его представления о позиции президента и направленность действий на сохранение страны. Не были доказаны и отдельные вменённые ему обстоятельства.¹⁷⁶

Эти результаты не позволяют описывать всех участников как лиц, чья измена установлена обвинительным приговором. Решение по Варенникову относится к его действиям и объёму информации; оценка инициативы Крючкова имеет самостоятельный предмет. Общие правила

различия судебного результата и исторической ответственности изложены в приложении 8.

Ошибка способа действия и ускорение раздела власти

В августе председатель КГБ перестал быть только докладчиком об угрозах и стал одним из организаторов политического вмешательства. Подготовка материалов и использование ведомственных возможностей прослеживаются в заключении служебной комиссии; публичные решения ГКЧП показывают избранный способ предъявления новой власти. Поэтому ответственность Крючкова здесь опирается на действие, а не выводится из одной должности.¹⁴⁰

Провал определялся сочетанием трёх решений. Изоляция президента предшествовала созданию признанного порядка передачи власти. Заявленная чрезвычайная власть не обеспечила согласованного исполнения своими же ведомствами. Российское руководство сохранило институты, возможность публичного сопротивления и затем предъявило собственные притязания на союзный аппарат. Участники ГКЧП создали столкновение центров, не имея работоспособного политического выхода из него.

Отказ от штурма с ожидаемыми жертвами нельзя считать доказательством обязанности начать кровопролитие. Ошибка возникла раньше: риск такого выбора был создан способом вмешательства. При оценке председателя вопрос состоит в обоснованности начатой операции, подготовленности управления и последствиях её прекращения, а не в требовании любой ценой довести столкновение до силовой победы.

Итог — поражение попытки остановить распад и резкое ухудшение положения общесоюзных органов. Для версии заранее согласованного спектакля требуются самостоятельные свидетельства. Он устанавливает тяжёлую управленческую неудачу Крюкова: предпринятое им действие облегчило перераспределение полномочий в пользу противников союзного центра. За последующий выбор модели раздела КГБ отвечали уже те руководители, которые её предложили и утвердили.

Глава 24. Раздел КГБ: кто лишил Союз общего инструмента защиты

Новый председатель получает ещё союзный Комитет, а конструирует систему, всё больше зависящую от республик. В собственном объяснении Бакатин стремится сохранить профессиональные возможности. Последовательность актов показывает, какой политический центр получает право ими распоряжаться. Между двумя критериями сохранения развивается конфликт этой главы.

После поражения председателя

После августа 1991 года вопрос о КГБ был поставлен в обстановке, когда различать ответственность руководителей и назначение государственного учреждения становилось политически неудобно. Владимир Крючков участвовал в ГКЧП; следовательно, требовалось расследовать его действия. Но из этого ещё не следовало, что Советский Союз должен отказаться от собственной системы контрразведки или передать её территориальные звенья исключительно республиканским властям. Между двумя решениями — сменить руководство и изменить государственную принадлежность службы — лежала принципиальная граница.

Осенью эту границу перешли. Причём не одним тайным приказом, а последовательностью открытых нормативных решений. Менялись руководители, выделялись самостоятельные направления работы, утверждались новые положения, переопределялось подчинение республиканских органов. Название КГБ исчезало позднее, чем начинало исчезать содержание его общесоюзной власти.

Потому историю раздела нельзя свести ни к рассказу о единственном ликвидаторе, ни к безличному утверждению,

что учреждение «само распалось». У реформы были исполнители и политические заказчики, у решений — даты и подписи. Существовали и вполне реальные основания пересмотреть устройство ведомства: участие председателя в чрезвычайном политическом выступлении, проблема контроля над специальными полномочиями, наследие партийного вмешательства. Однако основания для реформы не предопределяли именно тот вариант, при котором общий центр лишался подчинённых ему республиканских органов.

Главный вопрос этой главы поэтому не в том, мог ли КГБ навсегда остаться неизменным. Он в другом: **почему устранение опасности ведомственного произвола было соединено с устранением общесоюзной управляемости — и кто санкционировал это соединение?**

Бакатин объясняет, что намеревался сохранить

Бакатин объяснял, почему выбрал разделение с сохранением части профессионального ресурса:

«Но спецслужба — это информация, информация — это агент, а агент — это многие годы работы.»¹⁹⁰

В этой фразе он защищает преемственность работы. Она делает его задачу конкретной: удержать сведения, связи и людей внутри реформы. Но для оценки государственного результата требуется ещё установить, кому после реформы подчиняется сохранённый ресурс и какие общие обязательства его новый порядок обеспечивает.

Бакатин позднее спорил с образом разрушителя и объяснял свой выбор профессиональной непрерывностью: «спецслужба — это информация, информация — это агент, а агент — это многие годы работы». Поэтому он предпочёл разделение КГБ полной ликвидации аппарата с набором новых сотрудников. Так в его собственном объяснении выглядела задача сохранения.¹⁹⁰

23 августа 1991 года Горбачёв назначил его председателем КГБ указом № УП-2448. 29 августа Верховный Совет СССР согласился с назначением. Новый руководитель получил полномочия от союзных институтов. Выбор конструкции службы проходил через них и через республиканские власти.¹⁹¹

В интервью 2001 года Бакатин ссыался на уже шедшее переподчинение республиками местных органов. По его оценке, центру предстояло выделить функции, которые ещё можно удержать в общем подчинении. Он описывал разделение как способ сохранить часть возможностей в условиях политического размежевания.

Здесь его голос позволяет точно поставить вопрос об ответственности. Сохранение агентуры и профессионального аппарата было одной задачей. Сохранение общесоюзной вертикали — другой. Руководитель оценивал политическое разделение как исходное условие реформы. Эта установка влияла на предлагаемый способ сохранения функций.

Президент и парламент могли потребовать иной последовательности: установить контроль за законностью, разграничить функции между союзными учреждениями и определить гарантии общего управления. Возможность договориться о ней зависела от политического соотношения сил. Однако выбор новой системы имел конкретных авторов и утверждавшие её органы.

Таким образом, персональная роль Бакатина состоит в предложениях и проведении преобразования. Роль высших властей — в придании выбранной конструкции обязательной силы. Разделение этих ролей возвращает объяснению адресатов вместо образа одного человека, единолично отменившего государственный аппарат.

Разделение функций не равнялось разделению страны

В КГБ соединялись направления, которые в принципе могли существовать в разных учреждениях: внешняя разведка, контрразведка, специальная связь, охрана руководства, пограничная служба. Само по себе их организационное разделение не доказывает разрушительного замысла. Государству не обязательно иметь одно гигантское ведомство, чтобы защищать себя.

29 августа 1991 года указом № УП-2484 был создан Комитет правительственной связи при Президенте СССР. Уже название нового органа указывает на важное различие: выделение функции из КГБ могло оставлять её на союзном уровне и подчинять непосредственно союзному президенту.¹⁹² Следовательно, существовал не только выбор между неприкосновенностью прежнего Комитета и исчезновением общей системы. Можно было менять ведомственную схему, не меняя государственной принадлежности её частей.

Для оценки последующей реформы следует различать три процесса. Первый — отстранение руководителей и проверка их действий. Второй — функциональное разделение большой организации на специализированные службы. Третий — передача полномочий от Союза республикам. Только третий непосредственно менял способность общесоюзной власти действовать на территории страны через собственную систему безопасности.

На практике эти процессы переплетались и получали общее название демократизации или реорганизации. Такое объединение затрудняло содержательный спор. Возражение против утраты союзных полномочий можно было представить как защиту прежнего политического надзора; требование контроля над ведомством — как согласие на его территориальный раздел. Между тем ни одно не вытекало из другого.

Возможна служба, ограниченная законом и подконтрольная представительной власти, но сохраняющая общегосударственную компетенцию. Возможна и раздробленная система, в которой отдельные республиканские органы обладают широкими полномочиями, однако общий центр не способен добиться согласованных действий. Количество ведомств само по себе ничего не говорит о свободе граждан. Не менее важно, кому они подчинены и кто вправе проверить законность их работы.

22 октября: решение принимал Госсовет

Предел новой конструкции Бакатин описывал прямо:

«Союзная контрразведка могла быть только координирующим органом.»¹⁹⁰

Это позднейшее объяснение участника, а не неизменный закон федеративного устройства. Координация может быть обязательной по договору и обеспеченной финансированием, а может зависеть от согласия каждого партнёра. Поэтому утверждение требует сопоставления с положением о Межреспубликанской службе и решениями республик. Именно эти акты определяли реальную силу конструкции.

Опорным документом стало постановление Государственного Совета СССР от 22 октября 1991 года № ГС-8. Оно признало необходимым упразднение КГБ и определило новую конструкцию: Центральная служба разведки, Межреспубликанская служба безопасности и Комитет по охране государственной границы с объединённым командованием пограничных войск. При этом республиканские комитеты и подчинённые им органы выводились в исключительную юрисдикцию суверенных государств.¹⁹³

Последнее положение важнее простого перечня новых названий. Если бы речь шла только о трёх союзных ведомствах вместо одного, общий субъект управления

сохранялся бы. Но одновременно изменялось отношение между центром и территориальными органами. Вместо общей вертикали закреплялось взаимодействие самостоятельных участников.

Следовательно, политическая ответственность не заканчивается на Бакатине. Постановление принимал Государственный Совет — орган союзно-республиканского политического согласования. Воля председателя КГБ не могла сама по себе придать республиканским органам такую самостоятельность. Это было решение о распределении государственной власти, а не внутренняя перестановка управлений на Лубянке.

Смысл октябрьского шага проявляется и в задании Межреспубликанской службе: координировать республиканские службы и вести согласованную с ними контрразведывательную деятельность. Центру оставляли работу, но уже иначе определяли условия её выполнения. Там, где раньше требовалось исполнить распоряжение в пределах общей компетенции, теперь возникала необходимость согласовать действия с самостоятельным партнёром.

У этой конструкции была понятная политическая логика: получить согласие республик ценой сокращения центральной власти. Но имелась и обратная сторона. Союз уступал один из инструментов, с помощью которых вообще мог обеспечивать действие собственных решений. Его дальнейшее существование всё сильнее зависело от доброй воли тех, чьи действия он уже не мог направлять прежним порядком.

Межреспубликанская служба: работа оставалась, вертикаль менялась

28 ноября 1991 года указом № УП-2890 было утверждено Временное положение о Межреспубликанской службе безопасности. Документ предусматривал не пустую вывеску. За МСБ сохранялись задачи в области контрразведки, сложных расследований, аналитики, подготовки кадров и технического обеспечения; предусматривалось взаимодействие по защите стратегических объектов. Но значительная часть этой работы строилась на координации, согласовании и совместных действиях с республиканскими органами.¹⁹⁴

Утверждать, что в ноябре в один день исчезли все оперативные возможности, было бы неверно. Продолжали существовать специалисты, учреждения, оборудование, накопленные знания. Однако наличие ресурсов и наличие власти над общей системой — разные вещи. Можно сохранить опытный центральный аппарат и одновременно лишить его возможности требовать исполнения на территории республик в прежнем порядке.

Практическое значение этой перемены особенно ясно в ситуации конфликта интересов. Пока республиканское руководство считало совместную операцию полезной, координация могла работать. Но если проверка касалась обстоятельств, политически неудобных именно этому руководству, возникал вопрос: кто обеспечивает независимость проверки и обязательность взаимодействия? Ведомственный профессионализм не заменяет ответа на вопрос о юрисдикции.

Это не означает, что всякое несогласие республики являлось преступлением или что союзный центр должен был иметь неограниченную власть. Проблема заключалась в отсутствии устойчивого общего порядка разрешения такого несогласия. Надёжный контроль над спецслужбами требует работающих институтов: закона, суда, надзора, представительной ответственности. Само распределение

служб между конкурирующими политическими центрами не создаёт этих гарантий.

По существу, новая модель пыталась удержать профессиональное сотрудничество после ослабления политического единства. Это могло быть способом уменьшить ущерб от уже происходившего размежевания. Но такая служба не являлась полноценной заменой прежнему общесоюзному инструменту. Она нуждалась в согласии участников именно тогда, когда способность участников вырабатывать общее решение стремительно сокращалась.

Российская власть строила собственную службу

26 ноября 1991 года Борис Ельцин подписал указ № 233 «О преобразовании Комитета государственной безопасности РСФСР в Агентство федеральной безопасности РСФСР». Архивный экземпляр этого акта позволяет видеть не отвлечённую дискуссию о будущем органов, а конкретное действие российского президента.¹⁹⁵

Для российского руководства безопасность не утрачивала значения вследствие августовских событий. Менялась желательная принадлежность её аппарата. Общесоюзная служба воспринималась иначе, чем собственный российский орган: первая сохраняла самостоятельный центр полномочий, второй мог стать частью российской исполнительной системы.

В этом заключалась одна из основных асимметрий осени. Союз должен был доказывать право на сохранение своей компетенции; республиканские власти оформляли собственную компетенцию как выражение суверенитета. На уровне учреждений это означало, что ослабление одной вертикали могло сопровождаться укреплением другой. Общая мощность специальных служб не обязательно исчезала вместе с общим государством — она перераспределялась между новыми политическими хозяевами.

Поэтому неверно изображать победителей августа последовательными противниками самого института государственной безопасности. Документы свидетельствуют о более определённом выборе: самостоятельная российская служба была нужна. Спор шёл не только о допустимых методах, но и о том, кто получает право ставить задачи, назначать руководителей и пользоваться результатами работы.

Для Союза это имело особый вес. Россия была не внешним наблюдателем его кризиса, а важнейшей частью общего государства. Создание собственной российской системы на фоне сокращения союзных полномочий меняло положение самого союзного центра. Он действовал в Москве, но московское местонахождение уже не обеспечивало ему власти над ресурсами, которые российское руководство стремилось включить в свою государственность.

3 декабря: упразднение стало законом

Закон СССР от 3 декабря 1991 года № 124-Н закрепил упразднение КГБ. В его тексте прямо указан принимающий орган — Совет Республик Верховного Совета СССР; под законом стоит подпись президента СССР Михаила Горбачёва. Новые центральные органы создавались на переходный период, признавались правопреемниками в пределах компетенции и должны были обеспечиваться за счёт союзных ресурсов.³

Статья 2 закрепляла исключительную юрисдикцию суверенных республик над их органами безопасности. Поэтому смысл закона не исчерпывался сменой организационной формы. Он оформлял именно то разграничение власти, которое определило политический результат реформы.

Слова о переходном периоде заслуживают особого внимания. Учреждения создавались не как законченная долговременная система уже устойчивого государства, а как временная конструкция между прежним порядком и

ещё не определившимся будущим. Между тем аппарат защиты должен сохранять работоспособность независимо от того, договорились ли руководители о последней редакции политического устройства. Когда подчинение временно, а государственная принадлежность оспаривается, сама неопределённость становится фактором уязвимости.

Юридические споры о преобразовании союзных органов власти осенью 1991 года требуют самостоятельного рассмотрения. Здесь необходимо зафиксировать более узкий, но твёрдый вывод: КГБ был упразднён не самовольным распоряжением Бакатина. Решение прошло через высшие политические органы и было подписано главой государства, которое этот Комитет прежде обслуживал.

Это не снимает ответственности с исполнителя реформы. Оно не позволяет снять её с президента и законодателей. Объяснение, в котором Горбачёв выступает только беспомощной жертвой чужого демонтажа, не согласуется с его собственным участием в юридическом оформлении новой системы. Ослабление возможностей Союза закреплялось в том числе актами союзной власти.

Разведка и граница переживали Комитет

Название «ликвидация КГБ» легко создаёт образ полного исчезновения разведывательной и пограничной работы. Документы октября и декабря такого вывода не допускают: они предусматривали специализированных преемников. Официальная хронология Службы внешней разведки относит существование Центральной службы разведки СССР к периоду с 22 октября по 18 декабря 1991 года, после чего указывает СВР РСФСР.¹⁹⁶

В этом коротком переходе заключена существенная черта всей истории. Организационная преемственность профессионального направления могла сочетаться с переменой государства, которому оно служило. Сотрудник

не обязательно прекращал свою работу; менялась верховная власть, от имени которой ставилась задача.

Сохранение разведывательных возможностей было реальной ценностью. Разрушить накопленные связи, опыт и техническую базу значительно легче, чем восстановить их. Но из сохранения профессионального ядра не следует сохранение Советского Союза. Можно спасти значительную часть государственного инструмента, передав его преемнику, и одновременно потерять государство, которое этот инструмент создало.

Аналогично создание отдельного органа охраны государственной границы не означало, что пограничники немедленно оставили рубежи. Однако сама постановка вопроса о границе становилась зависимой от судьбы страны. Охраняемая линия, общая территория, источники финансирования и политическая ответственность должны образовывать согласованное целое. Раздел территории превращал прежде внутренние административные отношения в отношения между государствами, даже если повседневная служба ещё сохраняла прежние черты.

Поэтому справедливая оценка должна удерживать оба результата одновременно. Профессиональная преемственность действительно позволяла сохранить важные возможности. Но сохранённые возможности уже не складывались автоматически в общесоюзную систему. Это не противоречащие друг другу свидетельства, а две стороны происходившей передачи наследства.

Американское посольство: факт передачи и спор об ущербе

Особое место в оценке Бакатина заняла передача американской стороне материалов, относящихся к системе прослушивания нового здания посольства США в Москве. В декабре 1991 года посол Роберт Страусс публично рассказал о получении от руководителя советской службы устройств и сведений об этой операции. Современное событиям сообщение фиксирует сам эпизод, а не только позднейшую полемику вокруг него.¹⁹⁷

Бакатин впоследствии утверждал, что вопрос был согласован с Горбачёвым и Ельциным, а существенной новизны для американцев переданные сведения не имели. Это его объяснение собственного решения; оно не является независимой технической экспертизой ущерба.¹⁹⁸

Здесь необходимо различить несколько уровней. Факт передачи материалов — одно. Реальный объём неизвестных противнику сведений — другое. Возможность по этим материалам понять иные технические решения — третье. Наконец, соблюдение порядка рассекречивания и политическая целесообразность жеста — отдельные вопросы. Общее слово «предательство» не заменяет их исследования, но и ссылка на добрую волю не даёт готового оправдания.

Особенно слаб аргумент, будто уже обнаруженная операция вообще не могла сохранять секретов. Обнаружить наличие прослушивания и знать всю техническую схему — не одно и то же. Однако из этого различия также нельзя без специальных данных вывести точную величину ущерба или утверждение, что были раскрыты все возможности советской технической разведки.

Для темы книги значение эпизода прежде всего политическое. Результат специальной работы становился предметом публичного жеста доверия в тот момент, когда государство, распоряжавшееся этим результатом, переживало предельную неустойчивость. Руководитель мог

считать, что устраняет препятствие в отношениях с США. Для сотрудников это могло выглядеть как обесценивание многолетнего труда решением нового начальства. Ни одну из этих перспектив нельзя подменять другой.

Но эпизод с посольством не объясняет весь раздел КГБ. Даже если бы передачи не произошло, октябрьское изменение юрисдикции и декабрьское упразднение сохранили бы своё значение. Сосредоточение всей критики на одном ярком поступке оставляет в тени решения, которые меняли устройство власти над всей страной.

Кто отвечал за результат

Ответственность следует распределять по полномочиям, а не по степени известности фамилии. Бакатин отвечал за предлагаемый и проводимый курс реорганизации, за руководящие решения в пределах своей компетенции, за отношение к профессиональному наследию службы. Его объяснение вынужденностью обстоятельств помогает понять выбор, но не отменяет оценки этого выбора.

Горбачёв отвечал за назначение руководителя, за президентские акты, за утверждение новой системы и за подпись под законом об упразднении КГБ. Для главы Союза вопрос состоял не только в том, сумел ли он договориться с республиками, но и в том, какие возможности оставались у государства после достигнутого соглашения.

Госсовет и республиканские руководства отвечали за политическую конструкцию, в которой самостоятельность республиканских органов становилась исходным условием сотрудничества. Совет Республик закрепил её законодательно. Российская власть, со своей стороны, оформляла собственную службу и тем самым участвовала в перераспределении государственного аппарата.

Наконец, прежнее руководство КГБ не исчезает из причинной цепи только потому, что к моменту окончательного раздела уже утратило должности. Августовское решение Крюкова резко ухудшило возможности защищать общесоюзную систему политически. Но причинить такой ущерб — не то же самое, что принять все последующие решения. Ответственность за провал ГКЧП и ответственность за выбранную модель реформы связаны, однако не поглощают одна другую.

В этой цепи не было места для коллективного обвинения рядовых сотрудников. Человек, продолжавший охранять объект, вести дело или обеспечивать связь, не определял новую юрисдикцию своего учреждения. Профессиональная дисциплина могла сохраняться даже тогда, когда политический адресат службы менялся над его головой.

Именно поэтому персонализация всей катастрофы в фигуре Бакатина недостаточна. Она превращает изменение государственного строя в ведомственную историю об одном неудачном начальнике. Документы показывают иной масштаб: общую систему переделывали высшие союзные и республиканские власти, а ведомственное руководство переводило их политический выбор в организационную практику.

Глава 25. Декабрь 1991 года: государство прекращают те, кто должен был его сохранять

8 декабря шестеро руководителей поставили подписи под соглашением о прекращении Союза. За пять дней до этого закон упразднил КГБ СССР. Между двумя решениями — разница предметов и общность результата: исчезали центр государства и инструмент его защиты. Теперь можно проследить последнюю цепь ответственности по подписанным документам.

Неизбежность, которую оформляли решениями

В декабрьской истории прекращения СССР особенно соблазнительно заменить объяснение констатацией: государство уже распалось, а руководители лишь признали свершившееся. Такая формула содержит часть правды о глубине кризиса, но исключает из рассмотрения главное — решения, после которых восстановление общей власти становилось ещё менее возможным.

Если Союз прекратился сам, зачем потребовались соглашение, ратификации, денонсация договора, акты о прекращении деятельности союзных органов и отдельные договорённости о военном командовании? Почему необходимо было определить, кто продолжает его международное представительство? Само существование этой последовательности показывает: происходило не только описание утраты единства, но и практическое переустройство власти.

К декабрю старые условия действительно были разрушены. Август скомпрометировал чрезвычайный способ сохранения страны. Республики расширяли самостоятельность. Союзная финансовая и административная система ослабевала. КГБ уже разделили, а его территориальные звенья вывели из прежнего

подчинения. Но тяжёлое положение государства ещё не объясняет, почему именно его прекращение стало решением руководителей, располагавших публичной властью.

Здесь необходимо удерживать различие между политической возможностью и правом. Можно признавать, что сохранить прежний СССР было чрезвычайно трудно, и одновременно спрашивать, имели ли участники декабрьских соглашений полномочия распорядиться судьбой всей страны. И наоборот: наличие конституционного основания требовать сохранения Союза не означает, что для его осуществления оставался готовый и бесспорно управляемый аппарат.

Декабрь был финалом длительного процесса, но не бессубъектным финалом. Государство прекращали через решения, принимавшиеся от имени республик, парламентов и сохранившихся союзных учреждений. Поэтому историческая ответственность должна устанавливаться по действиям этих органов, а не растворяться в слове «распад».

Два референдума: разные вопросы и разные пределы мандата

17 марта граждане, участвовавшие во всесоюзном референдуме, большинством поддержали сохранение СССР в виде обновлённой федерации. Как показано в главе 21, речь шла не о безусловном одобрении существовавшего порядка, а о мандате на сохранение и преобразование общего государства. Постановление Верховного Совета СССР от 21 марта требовало руководствоваться этим решением.^{155,156}

1 декабря 1991 года на Украине состоялся референдум о подтверждении Акта провозглашения независимости. При участии 84,18 процента избирателей положительно ответили 90,32 процента участников — 28 804 071 человек. Эти величины показывают широкую поддержку

независимости среди участников голосования. Голосование представляло собой массовое политическое волеизъявление.¹⁹⁹

Не следует, однако, превращать два референдума в простую арифметическую дуэль. Они состоялись в разные месяцы, в изменившихся условиях, на разной территории и предлагали разные вопросы. Между ними лежали августовские события, новые республиканские решения и дальнейшее ослабление союзной власти. Украинское голосование существенно изменило политические условия возможного Союза. Игнорировать его означало бы строить рассуждение о сохранении страны без учёта позиции её граждан.

Но признание этой позиции не даёт ответ на иной вопрос: кто вправе прекратить Союз для остальных республик? Республиканский мандат на независимость не являлся всесоюзным мандатом на ликвидацию общего государства. Он также не определял автоматически весь порядок раздела имущества, военных структур, обязательств и прав граждан.

В России в декабре не проводилось нового референдума, на котором гражданам предложили бы отменить мартовский выбор сохранения обновлённого Союза. Избрание Ельцина президентом РСФСР также не было отдельным голосованием о прекращении СССР. Полномочие прекратить союзное государство требует самостоятельного основания, отличного от полномочия возглавить республику.

Таким образом, декабрьская развязка происходила не в условиях отсутствия народного волеизъявления, а в условиях несовпадающих мандатов. Ответственная власть должна была предложить процедуру их согласования. Вместо этого прекращение Союза стало исходной предпосылкой новых договорённостей.

Право выхода не было правом отменить весь Союз

Советское законодательство предусматривало выход союзной республики. Закон СССР от 3 апреля 1990 года № 1409-І устанавливал порядок реализации этого права: референдум, рассмотрение итогов, урегулирование взаимных интересов, переходный период и завершающее решение союзного Съезда. Отдельно учитывались автономии и территории компактного проживания национальных групп.²⁰⁰

Порядок был сложным. Его можно критиковать за затруднение выхода, за длительность и за зависимость от союзных органов. Однако эта критика не отменяет факта существования закона. В декабре вопрос состоял не в том, разрешал ли СССР вообще изменение своего состава, а в том, почему юридически предусмотренный процесс был заменён иной политической конструкцией.

Содержательная причина многоступенчатости тоже заслуживает внимания. Выход республики затрагивал не только желание её большинства, но и собственность других республик, совместные предприятия, военные объекты, финансовые расчёты, положение автономий и отдельных граждан. Статья 14 закона перечисляла предметы такого урегулирования, а статья 15 предусматривала выбор гражданства, места жительства и работы. За процедурой стояли материальные интересы людей, а не одна бюрократическая любовь к печатям.

Беловежская формула обходила спор о порядке выхода радикальным способом: объявляла прекращённым сам Союз. Если общего государства больше нет, не остаётся и союзного органа, через который должна завершаться предусмотренная им процедура. Именно поэтому различие между выходом и упразднением имеет принципиальное значение.

Нельзя описывать такое решение как обычное применение статьи о праве республики выйти из СССР. Участники

действовали не только в отношении собственного членства. Они объявляли результат для общего государства и его учреждений. Это была претензия на значительно больший объём власти, чем право самостоятельно определить республиканскую позицию.

Беловежское соглашение: шесть подписей под прекращением государства

8 декабря 1991 года было подписано Соглашение о создании Содружества Независимых Государств. За Беларусь подписались Станислав Шушкевич и Вячеслав Кебич, за РСФСР — Борис Ельцин и Геннадий Бурбулис, за Украину — Леонид Кравчук и Витольд Фокин. Расхожее выражение «трое распустили Союз» обозначает политических лидеров встречи, но не передаёт даже полного состава подписантов.¹

Преамбула ссылалась на положение трёх республик как государств — учредителей СССР. Затем следовало объявление о прекращении его существования. Это было не предложение начать переговоры о возможном прекращении и не условие, зависящее от общесоюзного голосования. Завершённость результата вводилась непосредственно в исходный текст.

Практический смысл обеспечивался другими статьями. Статья 11 исключала применение союзных норм на территориях подписавших государств, а статья 14 прекращала деятельность союзных органов на территориях участников. Тем самым декларация о судьбе страны соединялась с устранением её действующего аппарата.

Одновременно стороны обещали сотрудничество, открытые границы, защиту прав, экономические связи и общее военно-стратегическое пространство. Эти положения нельзя вычёркивать из анализа: авторы соглашения предлагали не полное прекращение отношений, а замену государства договорным взаимодействием. Они

рассчитывали сохранить часть выгод общего пространства без прежнего союзного центра.

Но сохранение сотрудничества не равнозначно сохранению государства. В первом случае участники согласовывают действия самостоятельных властей; во втором существует общая власть в пределах установленной компетенции. В Беловежском соглашении союзный центр устранялся раньше, чем появлялся законченный механизм исполнения всех обещаний о дальнейшем единстве.

Именно здесь находилась цена политического выбора. Прежние обязательства общего государства переводились в предмет будущих договорённостей. Гражданину предлагали полагаться на сотрудничество новых властей там, где прежде его права и жизненные связи обеспечивались принадлежностью к одной стране.

Учредители не получали преимущественного права на ликвидацию

Ссылка на договор 1922 года создавала видимость простой учредительной логики: те, кто создал Союз, вправе его прекратить. Однако государство к 1991 году не сводилось к соглашению трёх руководителей об учреждении организации. Оно имело Конституцию, общие органы, гражданство и равноправные союзные республики.

11 декабря Комитет конституционного надзора СССР выступил с заявлением о юридической стороне беловежских документов. Он не отрицал право республик создавать межгосударственное объединение. Возражение касалось принятия решений за других участников Союза. Комитет указывал, что первоначальные участники многостороннего договора не обладают особыми преимуществами перед присоединившимися позднее. Напоминалось и об участии Закавказской Федерации в образовании СССР.²⁰¹

Следовательно, возражение против беловежской процедуры возникло не задним числом и не только в среде

политически проигравших. Его сформулировал действовавший союзный орган конституционного надзора. Объявление о прекращении СССР он оценивал как политическую позицию, не имеющую само по себе юридической силы решать судьбу всего Союза.

Важно точно определить статус этого документа. Перед нами заявление Комитета, а не судебный приговор подписантам и не автоматически исполненное решение об отмене соглашения. Оно фиксировало правовую проблему, но не создало политической силы, способной остановить исполнение спорного акта.

Это различие раскрывает одно из свойств кризиса. Учреждение, обязанное указать на нарушение конституционной логики, могло такое нарушение назвать. Но между правовым возражением и обязательным устранением его причин уже не работала устойчивая цепь исполнения.

Поэтому не следует выбирать между двумя крайностями: будто правовых возражений вообще не существовало или будто их наличие означало, что СССР продолжал нормально действовать вопреки всем последующим событиям. Возражение было реальным. Его политическая неэффективность — тоже. История государства не исчерпывается юридическим текстом, но и успех изменения власти не делает процедуру безупречной задним числом.

Горбачёв возразил — но не восстановил порядок принятия решения

9 декабря Горбачёв заявил, что судьба многонационального государства не может определяться волей руководителей трёх республик. Он предложил обсудить беловежское соглашение и проект нового союзного договора в парламентах, считал необходимым созвать Съезд народных депутатов СССР и допускал всенародное голосование.²⁰²

Таким образом, утверждение о полном молчании союзного президента неверно. Он обозначил и предмет несогласия, и желательный конституционный путь. Однако заявление не вернуло ему прежнего контроля над политическим процессом. Дальнейшая последовательность определялась ратификациями и межреспубликанскими встречами, а не предложенным им общесоюзным рассмотрением.

Это положение сложилось также в результате предшествовавших решений самого Горбачёва. Осенью союзная власть участвовала в сокращении собственных инструментов. Преобразование КГБ, рассмотренное в предыдущей главе, было одной из частей этого процесса. В декабре президент апеллировал к общему порядку уже после того, как аппарат обеспечения такого порядка существенно изменился.

Но и персональное объяснение через нерешительность недостаточно. Для осуществления президентской позиции требовались поддерживающие её органы, ресурсы, работающая процедура и готовность значительной части республиканских властей подчиниться общему решению. Само наличие президентской должности не создавало этих условий.

Ответственность Горбачёва поэтому следует оценивать в двух временных масштабах. Непосредственно в декабре он не был инициатором беловежского прекращения Союза и публично ему возражал. В предшествовавшие годы и месяцы он возглавлял государство и принимал решения, после которых его способность обеспечить собственную конституционную позицию сокращалась. Второе нельзя отменить первым, как и первое нельзя отрицать ради обвинения во втором.

Главный результат состоит в том, что протест главы государства не превратился в действующую альтернативную процедуру. Пока он предлагал обсудить судьбу Союза, другие руководители оформляли новую власть над его пространством.

Звонок Бушу: внешнее признание, а не доказательство внешнего приказа

Запись телефонного разговора Ельцина с Джорджем Бушем 8 декабря — один из наиболее выразительных первичных документов. Российский президент сообщил о достигнутом соглашении, заверял американского собеседника в сохранении международных обязательств и контроля над ядерным оружием. По словам самого Ельцина в этой записи, Горбачёв ещё не знал результатов встречи.²

Документ показывает приоритет срочного внешнего информирования и стремление получить понимание США. Внешняя предсказуемость нового порядка была важна участникам: требовалось убедить влиятельного международного партнёра, что устранение союзного центра не означает утраты контроля над вооружениями и обязательствами.

Но запись не доказывает, что Буш приказал ликвидировать СССР или заранее утвердил текст соглашения. Напротив, он говорил о необходимости изучить документ и подчёркивал, что вопрос должны решать его участники, а не внешняя сторона. Приписать этому разговору не содержащуюся в нём директиву означало бы ослабить доказательность самого исследования.

Содержание разговора всё же политически весьма существенно. Ельцин обращался к иностранному президенту как представитель складывающегося порядка и излагал перспективу освобождения от прежнего центра. Тем самым международное общение использовалось для закрепления новой субъектности ещё до завершения всех внутренних процедур.

Это соответствует общей линии книги: внешний противник мог извлекать выгоду из внутренних решений, поддерживать выгодный ему результат и воздействовать на условия борьбы. Однако конкретный акт прекращения Союза необходимо связывать прежде всего с теми руководителями, которые его подписали и обеспечили

исполнение. Перенос всей ответственности за границу превращает обладавших властью участников в статистов — вопреки документам об их собственной инициативе.

12 декабря: российский парламент придал решению силу

Беловежское соглашение не осталось только договорённостью исполнительных руководителей. 12 декабря Верховный Совет РСФСР постановлением № 2014-I ратифицировал его. В тот же день постановлением № 2015-I был денонсирован договор об образовании СССР. Оба решения ссылались на полномочия Верховного Совета по международным договорам.^{203,204}

Эта стадия принципиальна для распределения ответственности. Российский парламент не был лишь пассивным свидетелем действий президента. Он участвовал в придании им правовой формы. Под постановлением о ратификации стоит подпись председателя Верховного Совета Руслана Хасбулатова.

При этом само парламентское одобрение не снимало вопроса о пределах компетенции. В действовавшей Конституции РСФСР статья 109 относил ратификацию и денонсацию международных договоров к Верховному Совету. Но статья 104 закрепляла исключительное ведение Съезда народных депутатов по изменению Конституции и вопросам национально-государственного устройства. Если соглашение не просто устанавливало внешние отношения, а меняло государственное положение РСФСР, ссылка только на договорное полномочие оставляла существенную конституционную проблему.²⁰⁵

Суть спора поэтому глубже вопроса о числе голосовавших депутатов. Большинство внутри органа не расширяет автоматически компетенцию самого органа. Следовало определить, можно ли посредством обычной ратификации произвести преобразование, затрагивающее основы государственности и ранее выраженную волю граждан.

Показательно и другое положение российского постановления. Оно сохранило применение союзных норм до принятия соответствующих российских актов — в части, не противоречащей российскому законодательству и соглашению. Это смягчало буквальный отказ от союзного права, содержащийся в беловежском тексте. Полностью обойтись без нормативного наследства упраздняемой страны оказалось невозможно уже при оформлении её прекращения.

Таким образом, государство отвергалось как верховный центр, но созданные им нормы продолжали использоваться. Отбор применимого права переходил к республиканской власти. Менялся субъект, определявший обязательность сохранявшихся норм.

Кто мог отдать исполнимый приказ спасти страну?

Теперь вопрос можно поставить без легенды. Президент СССР существовал, Конституция действовала, против беловежского решения звучали правовые возражения. Но для исполнения общесоюзной меры требовалось соединить законное полномочие с командованием и устойчивым взаимодействием учреждений. Именно эта связь разрушалась в предыдущие месяцы.

Задержание участников встречи могло сорвать отдельное действие. Затем возникал следующий вопрос: кто управляет республиками, получает доходы, распоряжается армией и добивается исполнения общего решения? Успех специальной операции должен был продолжаться восстановлением власти. Готовность первого ещё не обеспечивала второго.

КГБ в прежней форме уже был упразднён. Службы-преемники имели свои задачи и разные отношения с союзными и республиканскими центрами. Самостоятельное объявление ведомства высшей властью

означало бы новое политическое действие с собственным вопросом о мандате, поддержке и последствиях.

Поэтому декабрьский предел следует сформулировать точно: **сохранялся юридический источник союзных полномочий, но не была обеспечена общая управленческая способность превратить их в обязательное исполнение.** Называть это полным отсутствием легитимного адресанта приказа было бы неточно. Законность и фактическая исполнимость разошлись.

Ответственность руководителей служб при этом остаётся предметной: какие оценки они представляли, какие законные действия предлагали, что сохраняли под общим управлением, как реагировали на его прекращение. Вопрос о последнем приказе возвращает нас к прежним решениям, после которых этот приказ становился всё менее осуществимым.

Военный пример особенно выразителен. В Алма-Ате руководители республик ещё договорились об общем командовании вооружёнными силами. Крупный силовой ресурс сохранялся; его политическое основание уже переходило к согласованию государств-преемников.²⁰⁶

Государство утратило способность защищаться раньше, чем исчезли все люди, способные его защищать. Последний исполнитель оказался в конце цепи, которую разрывали выше него.

Алма-Ата: одиннадцать руководств вместо трёх

21 декабря представители одиннадцати республик приняли Алма-Атинскую декларацию. К беловежским участникам присоединились руководители Азербайджана, Армении, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана. Декларация повторила положение о прекращении СССР и прямо определила Содружество как объединение, не являющееся государством или надгосударственным образованием.²⁰⁷

Эта стадия меняет масштаб ответственности. История уже не ограничивается действиями трёх республиканских лидеров. Значительная часть остальных руководств приняла новую конструкцию и участвовала в её оформлении. У каждого могли быть собственные причины: защита полученной самостоятельности, стремление избежать изоляции, страх неуправляемого разрыва, расчёт сохранить сотрудничество. Но общий документ имел общий результат.

Алма-Ата расширила политическую основу прекращения Союза. Она не была, однако, всесоюзным референдумом и не превращала автоматически предыдущие действия в безупречное исполнение советской Конституции. Поддержка большего числа правительств отвечает на вопрос о политическом согласии руководителей; она не тождественна выполнению всех требований прежнего порядка.

Главная определённость декларации состояла в отказе восстанавливать общий государственный центр. Это важно для оценки обещанного единства. Экономическое пространство, военное взаимодействие и международные обязательства предполагалось сохранять, но без власти, аналогичной союзной.

Тем самым политические руководства пытались совместить самостоятельность и взаимозависимость. У стран оставались общие системы, однако решения о них всё больше нуждались в межгосударственном согласовании. Вместо обязательного государственного бюджета — договорённости о взносах и расходах; вместо общей административной компетенции — разграничение и переговоры. Конкретные формы ещё предстояло выработать.

Это было не новое название прежнего СССР. Менялся сам способ обеспечивать общие интересы. Его работоспособность зависела уже не только от сохранённых производств, связей и профессиональных кадров, но и от последующего совпадения воли самостоятельных правительств.

Общие системы обещали сохранить после устранения общего гаранта

В декабрьских документах много положений о преемственности, взаимодействии и защите граждан. Их наличие важно: подписанты понимали, что разрыв опасен. Они не могли объявить ненужными транспортные сети, военную безопасность, хозяйственные связи или социальные обязательства. Однако признать необходимость продолжения — не значит создать механизм, который надёжно его обеспечит.

Показателен вопрос о вооружённых силах. Украина при ратификации соглашения 10 декабря сформулировала оговорку, в которой сотрудничество связывалось с реформированием находившихся на территориях республик группировок и созданием собственных вооружённых сил.²⁰⁸ Поэтому даже военная общность с самого начала могла пониматься участниками неодинаково. Для одних она означала сохранение общего командования; для других — согласованное разделение с последующим взаимодействием.

Для устранения этого расхождения требовался исполнимый порядок общих обязательств. Оно требует договорённостей о бюджете, собственности, ответственности, сроках и разрешении споров. Пока эти вопросы не решены, сохранённая сеть остаётся общей по происхождению, но не обязательно управляемой как единое целое.

Особенно уязвимым в такой ситуации становился гражданин. Его место работы могло зависеть от поставок из другой республики, семья — жить по обе стороны новой границы, пенсия — предполагать стаж в нескольких частях прежней страны. Для защиты этих интересов требовались исполнимые правила, а не только декларация уважения прав.

Поэтому скорость прекращения центра и скорость создания замещающих гарантий должны оцениваться отдельно. Первое оформлялось немедленно. Значительную часть

второго переносили в будущие соглашения. Именно такое несовпадение создавало риск, который затем должны были нести не только инициаторы политических решений, но и миллионы людей, их не принимавших.

Здесь проявился общий механизм, рассмотренный в экономических главах книги. Существовавшую систему ограничений и обязательств можно демонтировать быстро; создать вместо неё работающую систему значительно труднее. Реформаторская ответственность состоит не в обещании будущего порядка, а в обеспечении непрерывности жизненно важных функций во время перехода.

24-26 декабря: преемство, уход президента, декларация

24 декабря Ельцин направил генеральному секретарю ООН письмо о продолжении Российской Федерацией членства СССР, включая Совет Безопасности и другие органы организации. Официальная справка ООН фиксирует это действие и поддержку со стороны государств СНГ.²⁰⁹

Для международного положения России сохранение этого статуса имело принципиальное значение. Оно обеспечивало преемственность важнейшего внешнеполитического ресурса. Но продолжение членства в международной организации не означало продолжения СССР в прежнем территориальном и политическом составе. Международная преемственность и внутренняя государственная общность имеют разные правовые предметы.

25 декабря Горбачёв в телевизионном обращении объявил о прекращении своей деятельности на посту президента СССР в связи со сложившейся ситуацией и образованием СНГ.²¹⁰ Его уход стал наиболее известным символом завершения эпохи. Однако основная последовательность решений о новом устройстве уже предшествовала этому выступлению.

26 декабря Совет Республик Верховного Совета СССР принял декларацию № 142-Н. Она констатировала прекращение существования СССР как государства и субъекта международного права в связи с созданием СНГ. Под документом стоит подпись председателя Совета Республик Ануара Алимжанова.²¹¹

Декларация одновременно предлагала рассмотреть вопросы правопреемства и создания межпарламентского органа для сохранения общего пространства. То есть даже в завершающем акте часть условий будущего порядка оставалась предметом дальнейшего решения. Прекращение государства оформлялось раньше, чем исчерпывались вопросы его наследства.

Для исторической оценки важна последовательность, а не поиск одной магической даты. Беловежское соглашение заявило прекращение и выключение союзных органов; ратификации обеспечили поддержку в республиках; Алма-Ата расширила согласие руководств; международные действия закрепляли преемство; президент покинул пост; оставшийся союзный парламентский орган оформил итоговую констатацию.

Это не даёт оснований считать СССР тайно продолжающим существовать в неизменном виде из-за спорности отдельных процедур. Общая власть действительно перестала действовать, а её место заняли другие государства. Но фактическое завершение процесса не запрещает исследовать, были ли его участники вправе принимать каждое из решений и чья воля оказалась не реализована.

Декабрьская цепь ответственности

Сопоставление документов позволяет увидеть не только хронологию, но и переход от одного вида полномочий к другому.

1 декабря: Граждане Украины, республиканский референдум; Подтверждение Акта независимости; изменение условий союзных переговоров.

8 декабря: Руководители Беларуси, РСФСР и Украины, соглашение о СНГ; Объявление прекращения СССР и деятельности союзных органов на территориях участников.

9 и 11 декабря: Президент СССР; Комитет конституционного надзора; Публичные возражения против способа решения судьбы Союза.

12 декабря: Верховный Совет РСФСР, постановления № 2014-I и № 2015-I; Ратификация соглашения и денонсация договора 1922 года.

21 декабря: Руководители одиннадцати республик, Алма-Атинские документы; Расширение политического согласия и договорённости о совместных функциях.

24 декабря: Президент РСФСР, письмо в ООН; Заявление о продолжении Россией советского членства.

25 декабря: Президент СССР, телевизионное обращение; Прекращение Горбачёвым деятельности на президентском посту.

26 декабря: Совет Республик Верховного Совета СССР, декларация № 142-Н; Итоговая союзная констатация прекращения государства.

У Ельцина, Кравчука и Шушкевича была ответственность инициаторов беловежского решения. У остальных подписантов — ответственность за принятие того же акта в занимаемой ими должности. Парламентские решения расширяли круг ответственных: утверждавшие соглашение депутаты не могли считать его только личной политикой президентов.

Алма-Атинские участники принимали уже не первоначальную инициативу в узком кругу, а общий вариант устройства после отказа от Союза. Их присоединение помогло сделать этот вариант практически осуществимым. Различия мотивов не отменяют значения общей подписи.

У Горбачёва была иная ответственность: за предшествовавшее управление государством, за

сокращение возможностей его центра и за неспособность обеспечить конституционный путь, которого он требовал в декабре. Это не та же ответственность, что у авторов Беловежского соглашения. Её необходимо различать, чтобы критика не превращалась в перечень одинаково виновных фамилий.

Руководство специальных служб и армии следует оценивать по собственной компетенции и установленным действиям, а не по воображаемой возможности одним приказом исправить все политические решения. Тем более недопустимо переносить ответственность высшего руководства на профессиональный корпус в целом. Люди, продолжавшие службу на рубежах и объектах, не определяли, какое государство будет располагать результатом их труда.

Государство лишили не только названия

Декабрьская развязка позволяет вернуться к главному вопросу книги. Почему служба, имевшая выдающиеся достижения в борьбе с внешним противником, не сохранила государство? Потому что успех в добывании информации, пресечении враждебной деятельности и обеспечении секретности не даёт учреждению самостоятельного верховного мандата. Когда политические руководители меняют цели и принадлежность власти, ведомственная сила не превращается автоматически в силу сохранения страны.

Но этим ответ не исчерпывается. В предшествовавших главах показано, как ослаблялись материальная база Союза, ограничения на распоряжение общественным ресурсом, общая политическая легитимность и управляемость. Декабрь не отменил эту причинную цепь. Он закрепил её итог: право определять судьбу общего пространства перешло к республиканским руководствам, а общесоюзный центр был устранён.

Итог распада следует оценивать отдельно от результатов предшествующей советской истории. Производственные и

научные достижения, победа в войне, социальные преобразования, профессиональные успехи разведки и контрразведки не исчезают вследствие решений последнего руководства. Напротив, масштаб унаследованного объясняет тяжесть ответственности тех, кто распоряжался им на переломе.

Не менее важно не оправдывать каждое действие прежней власти ценностью защищаемого государства. Ошибка в способе сохранения, отказ обеспечить гражданскую безопасность, подмена закона политической целесообразностью могли ослаблять страну даже тогда, когда произносились слова о её защите. Для этой книги верность государству означает прежде всего ответственность за последствия решений, а не принадлежность к лагерю с правильным лозунгом.

В декабре не было всесоюзного решения граждан отказаться от общей страны. Были кризис, несовпадающие республиканские мандаты и последовательность действий руководителей, которые объявили прекращение СССР, поддержали эту формулу и распределили важнейшие функции. Такой способ завершения выражал последовательность решений разных властей при расходившихся мандатах.

СССР прекратился не потому, что у него внезапно исчезли границы, армия, специалисты или знания о противнике. Перестал существовать общий политический порядок, способный соединять эти ресурсы для защиты одной страны. Его устранение было оформлено конкретными решениями конкретных властей.

Практический урок этой истории обращён не к мечте о всевластной спецслужбе. Он касается устройства государства: кто вправе менять его основы, как защищается народный мандат, каким образом обеспечивается ответственность руководителей и что препятствует превращению общей собственности и полномочий в ресурс обособившихся групп. Если эти вопросы не решены, даже сильная служба может продолжить профессиональную работу уже после того, как государство, ради которого она создавалась, перестало существовать.

Этим завершается событийная часть исследования. В заключении необходимо соединить её результаты: показать пределы служебного инструмента, различить причины поражения и определить ответственность за превращение накопленной государственной силы в наследство, которым распорядились другие центры власти.

Заключение. Почему КГБ не спас СССР

8 декабря Ельцин сообщает Бушу о решении, которое Горбачёву ещё предстоит узнать. В начале книги этот разговор выглядел парадоксом: государство сохраняло президента, войска и разведку, а его судьбу уже определяли вне союзного центра. Теперь видна последовательность решений, которая сделала такой исход возможным.

КГБ не спас СССР, потому что его руководство не сумело соединить предупреждение об угрозе с законным общесоюзным решением, обеспеченным командованием и политической поддержкой.

Ближайший механизм провала — разрыв между знанием, политической задачей, исполнением и управлением после действия. Причины этого разрыва лежали в борьбе центров за самостоятельный мандат, доходы и имущество, в изменении партийно-государственных правил без устойчивого переходного порядка и в собственных решениях руководителей службы. Экономический кризис, национальные конфликты и внешнее давление усиливали этот процесс. Книга устанавливает их связь с возможностями КГБ; общего исчерпывающего объяснения распада СССР она не подменяет ведомственным разбором.

Сравнение позволяет точнее ответить на вопрос о силе. В ГДР информация о кризисе существовала, а прежняя власть уступила. В Румынии оружие применили, но оно не сохранило Чаушеску. В Китае результат обеспечила победившая политико-военная коалиция, которая продолжила управление после операции. В Вильнюсе и Риге советские силы могли занимать объекты, а общая политическая вертикаль не восстанавливалась. Следовательно, сильный аппарат и даже исполненное отдельное распоряжение недостаточны для сохранения государственного порядка.

Разведывательные победы КГБ имеют собственное значение. Блейк, Уокер, источники в американских спецслужбах, научно-техническая разведка и пресечение опасных утечек давали стране сведения и защищали её возможности. Их признание делает внутренний провал труднее для объяснения. Профессиональная способность существовала; недостаточным оказался переход от её результата к общему государственному решению.

Ответственность руководителей различается. Андропов усиливал службу внутри конструкции политического подчинения. Чебриков руководил ею в начале перестройки и национальных кризисов. Крючков распознавал системную угрозу и участвовал в выборе августовского метода; этот метод не обеспечил законного устойчивого управления и ускорил ослабление союзных органов. Бобков отвечал за политическую безопасность, а позднее сам выбрал частного заказчика. Связь поздней работы с конкретным прежним решением требует отдельного документа. Бакатин проводил реформу, сохранявшую часть функций при утрате прежней общей вертикали; её силу обеспечивали решения высших союзных органов.

К концу 1991 года в рассмотренных эпизодах не видно участника, который одновременно располагал законным общесоюзным решением, достаточным общим командованием и устойчивой политической поддержкой его исполнения. Президент СССР имел законные полномочия. Руководители республик имели собственные политические опоры и расширяли контроль над ресурсами. Службы сохраняли отдельные профессиональные способности. Эти элементы уже не соединялись в обязательное общее действие.

Этот поздний предел возвращает ответственность к более раннему выбору. Представить оценку угроз, предложить переходный порядок и отказаться от личного участия в избранном вмешательстве было возможно. Принять федеративное соглашение и обеспечить его исполнение требовало более широкой коалиции. Сводка развилок в

Приложении 10 различает эти уровни. У неё есть уверенные выводы о собственном действии руководителя; обещания гарантированного спасения государства из них не следуют.

Август изменил условия борьбы, но последующие решения сохраняют своих авторов. Реорганизация аппарата, передача полномочий и декабрьское прекращение федерации не были автоматическим последствием одного поражения. За подписи, ратификации и обеспечение новых решений отвечают совершившие их руководители и органы. Объяснение их возможностей не снимает ответственности за использование этих возможностей.

Внешний противник стремился ослабить СССР и использовал внутренние противоречия. Документы стратегии подтверждают направление воздействия. Чтобы связать его с определённым советским решением, требуется показать канал, участника и действие. Такой разбор сохраняет самостоятельную ответственность советского руководства вместо объяснения всей истории одним зарубежным намерением.

Итоговая оценка строится по четырём различиям: человек не мог выполнить данную задачу; не сумел решить доступную; отказался от доступного действия; содействовал установленному процессу. В одной истории разные участники получают разные оценки. Звание и профессиональный опыт не заменяют установления полномочий и выбора; поздняя резкая речь не заменяет документа о прежнем действии.

Практический смысл книги — способ обнаружить потерю управления до последнего кризиса. Нужно видеть, кто получает предупреждение, кто принимает решение, кому подчиняется исполнитель, чем обеспечена задача и кто отвечает за следующий день. Если между этими участниками нет работающей связи, организация может сохранять сильные подразделения и терять общий результат. Матрица ответственности позволяет проверить это по конкретному эпизоду компании, проекта или государственного учреждения.

Память о стальном поколении задаёт нравственную меру. Верность Родине выражается в защите людей, труда и общего государства. Служебная дисциплина приобретает смысл, когда помогает этой защите. Когда приказ, должность и государственная обязанность расходятся, профессионалу предстоит выбор, за который отвечает он сам. В этом и заключается предел службы.

Приложение 1. Хронология решений и переломов

Хронология объединяет опорные события исследования. В колонке «Значение» указано место события в аргументации книги; это не утверждение, что каждое из них неизбежно вело к распаду. Даты принятия документов отделены от последующего исполнения. Подробные реквизиты и ограничения источников приведены в примечаниях.

Формирование службы и изменение условий её работы

Дата	Событие или документ	Значение и место в книге
13 марта 1954	Образование КГБ при Совете Министров СССР	Отдельное ведомство внутри системы политического руководства; глава 3. ²⁷
9 января 1959	Рассмотрение Президиумом ЦК проекта положения о КГБ	Документальная основа анализа партийного контроля; главы 1 и 3. ⁸
17 июля 1967	Решение о создании Пятого управления	Организационное расширение работы по линии идеологических диверсий; глава 3. ³¹
1982	Приказы о создании Шестого управления	Экономическая безопасность имела специализированный ведомственный адресат; главы 1 и 9. Реквизиты приказов приводятся по справочному исследованию. ²¹²
17 января 1983	Директива США NSDD-75	Соединение сдерживания с воздействием на внутреннюю эволюцию СССР; глава 4. ⁷
1985	Сотрудничество Эймса с КГБ; начало соответствующего этапа сотрудничества Ханссена	Крупные оперативные возможности сохранялись на пороге внутреннего кризиса; глава 2. ^{5,16}
19 августа 1986	Постановление № 991 о внешнеэкономических связях	Изменение доступа организаций к внешнему рынку; глава 8. ⁷⁶
Декабрь 1986	Алма-Атинские события	Связь кадрового решения, национального восприятия и применения силы; глава 13
13 марта 1987	Постановление № 321 по системе НТТМ	Создание особых организационно-хозяйственных возможностей; глава 7. ⁴³
2 декабря 1988	Постановление № 1405 о внешнеэкономической деятельности	Расширение самостоятельности предприятий и организаций; глава 8. ⁷⁷
7 марта 1989	Постановление № 203 о регулировании внешнеэкономической деятельности	Сохранение регистрации, декларирования и лицензирования: либерализация не равнялась отсутствию всех ограничений; глава 8. ⁷⁸

Два центра власти и прекращение Союза

Дата	Событие или документ	Значение и место в книге
3 апреля 1990	Закон СССР № 1409-1 о порядке выхода республики	Предусмотренная союзным правом процедура отличалась от последующей формулы упразднения всего государства; глава 25. ²⁰⁰
12 июня 1990	Декларация о государственном суверенитете РСФСР	Закрепление республиканского верховенства при заявленной перспективе обновлённого Союза; глава 21. ¹⁵⁰
25 июня 1990	Постановление № 616 об акционировании КАМАЗа	Изменение формы распоряжения крупным производственным комплексом решением союзного правительства; глава 8. ⁸²
24 и 31 октября 1990	Российские законы № 263-1 и № 293-1	Пересмотр действия союзных актов и принадлежности экономических ресурсов; глава 21. ^{152,153}
7 февраля 1991	Записка Крючкова Горбачёву № 219-К	Связь обогащения, политического влияния и приватизации была предметом доклада до распада; главы 6 и 8. ⁶⁵
17 и 21 марта 1991	Всесоюзный референдум и постановление о его итогах	Мандат на обновлённую федерацию и поручения государственным органам; глава 21. ^{155,156}
16 мая 1991	Закон № 2159-1 об органах государственной безопасности	Прямое закрепление задач защиты государства, потенциала и информирования высшей власти; глава 1. ⁹
3 июля 1991	Закон РСФСР № 1531-1 о приватизации	Правовая возможность приобретения имущества, в том числе с использованием заёмных средств; глава 8. ⁸⁴
19–21 августа 1991	Действия и поражение ГКЧП	Неудача чрезвычайной политической инициативы и ослабление позиций союзных органов; глава 23
22 октября 1991	Постановление Госсовета № ГС-8	Разделение КГБ и изменение юрисдикции республиканских органов; глава 24. ¹⁹³
1 декабря 1991	Референдум на Украине	Подтверждение Акта независимости и изменение условий союзных переговоров; глава 25. ¹⁹⁹
3 декабря 1991	Закон СССР № 124-Н	Законодательное закрепление упразднения КГБ; глава 24. ³

Дата	Событие или документ	Значение и место в книге
8 декабря 1991	Соглашение о создании СНГ	Объявление прекращения СССР и деятельности его органов на территориях участников; глава 25. ¹
9 и 11 декабря 1991	Заявления Горбачёва и Комитета конституционного надзора	Современные событиям возражения против способа решения судьбы Союза; глава 25. ^{202,201}
12 декабря 1991	Постановления Верховного Совета РСФСР № 2014-1 и № 2015-1	Российская ратификация соглашения и денонсация договора 1922 года; глава 25. ^{203,204}
21 декабря 1991	Алма-Атинские документы	Расширение политического согласия руководств республик на новую конструкцию; глава 25. ²⁰⁷
24-26 декабря 1991	Письмо Ельцина в ООН; уход Горбачёва; декларация № 142-Н	Международное преемство, прекращение деятельности президента и итоговая союзная констатация; глава 25. ^{209,210,211}

Позднейшие коммерческие карьеры рассматриваются только для сопоставления способов сохранения профессионального ресурса после утраты общей государственной задачи. Они не включаются задним числом в причины событий, завершившихся к декабрю 1991 года.

Приложение 10. Причины и развилки: как можно проверить объяснение

Сводка развилок: что находилось в пределах действия

Книга объясняет провал общесоюзной защиты со стороны КГБ. Судьба всей федерации зависела от более широкого круга решений. Поэтому в таблице сначала оценивается действие, доступное конкретному руководителю, затем — его ближайший эффект и лишь после этого возможное влияние на государственный исход. Уверенность относится к указанному выводу, а не сразу ко всей альтернативной истории.

Развилка	Исполнимость действия	Влияние на исход	Уверенность
Баку, январь 1990: добиваться ранней защиты угрожаемых граждан	Да: доклад и предложение входили в роль КГБ. Исполнение всеми силами зависело от центра, МВД и местных органов	Более ранняя согласованная защита могла сократить потери. Сохранение Союза из этого не следует	Высокая по возможности инициативы; средняя по ближайшему эффекту; низкая по судьбе федерации
Июнь 1990 — весна 1991: предложить переходный порядок бюджета, имущества и подчинения	Да: подготовить комплексную оценку и проект решения было возможно. Принять и обеспечить соглашение могла только политическая коалиция	Соглашение могло сохранить общие функции на время переговоров; его принятие и конечная форма Союза условны	Высокая по компетенции представить предложение; ограниченная по достижению соглашения

Развилка	Исполнимость действия	Влияние на исход	Уверенность
Август 1991: отказаться от собственного участия в избранном в мешательстве	Да: личное участие Крюкова зависело от его решения; поведение остальных участников отдельно	Не возникло бы именно его участие и связанный с поражением этой инициативы удар по позиции ведомства. Сохранение Союза не гарантировано	Высокая по личному выбору; средняя по более широкому политическому эффекту
Сентябрь–ноябрь 1991: предложить реформу с обязательными общими функциями	Да: проектирование входило в поле руководства. Утвердить и исполнить конструкцию без республик оно не могло	Возможно сохранение координации, архивов и непрерывности работы. Отмена декабрьских решений требует отдельной политической силы	Высокая по возможности проекта; средняя по ограниченному эффекту; низкая по предотвращению распада

К концу 1991 года в рассмотренных эпизодах не видно участника, который одновременно располагал законным общесоюзным решением, достаточным общим командованием и устойчивой политической поддержкой его исполнения. Это вывод о поздней конфигурации власти. В более ранние годы возможности центра были шире, а значит, ответственность нужно искать и в решениях, которые изменили эту конфигурацию.

Уверенные «да» относятся к собственным действиям: поставить вопрос, представить документ, предложить конструкцию, отказаться от выбранного участия. Их наличие не доказывает гарантированного спасения СССР. Оно позволяет судить о доступном выборе без превращения любого ограничения в оправдание бездействия.

От результата к ближайшей причине

Объясняемый результат: КГБ не обеспечил сохранения общего государственного управления; после августа его функции перераспределялись, в декабре СССР прекратил существование. Переход полномочий к республикам — часть этой наблюдаемой последовательности. Назвать его «решающей причиной» и остановиться означало бы переописать исход.

Ближайшая причина провала службы состоит в другом: **предупреждение и отдельная оперативная способность не были соединены с согласованной законной задачей, общим командованием и управлением результатом.** Этот разрыв проверяется по различию между докладом, решением и фактическим исполнением. Он возникает до окончательного государственного исхода и поэтому может его объяснять.

Глубинные причины следует искать в решениях, которые сделали такое соединение труднее: создание конкурирующих политических мандатов, перераспределение имущества и доходов, изменение партийно-государственной системы без устойчивого переходного порядка, выбор руководителями силовых органов своих методов действия. Экономические трудности и внешнее давление сужали выбор и усиливали конфликты. Их вес нельзя вывести из одной хронологии распоряжений.

Уровень объяснения	Причина или условие	Проверяемый переход и относительный вес
Ближайший механизм провала КГБ	Разрыв между предупреждением, законной общей задачей, командованием и последующим управлением	Наиболее близок к результату службы. Проверяется сопоставлением докладов, распоряжений, подчинения и исполнения; полнота докладов установлена хуже, чем итог подчинения

Уровень объяснения	Причина или условие	Проверяемый переход и относительный вес
Политические причины этого разрыва	Борьба союзного и республиканских центров за самостоятельный мандат, имущество и доходы; отсутствие устойчивого общего порядка на переходный период	Существенный объяснительный вес: конкретные акты меняли стимулы и возможности руководителей до декабря. Личные скрытые мотивы требуют отдельных документов
Институциональное условие	Подчинение КГБ политическому центру и отсутствие у него права самостоятельно разрешать федеративный спор	Ограничивает варианты службы. Само по себе не объясняет дату провала: зависимость существовала и при устойчивом государстве
Выбор руководства службы	Неудача законного влияния на общий курс; августовское участие Крючкова; способ осенней реорганизации	Персональный вес зависит от эпизода. Участие и акты установлены надёжнее, чем полнота прежних предложений и скрытая цель
Экономические и социальные условия	Дефицит, бюджетные и валютные ограничения, оборонная нагрузка, Афганистан, Чернобыль, национальные конфликты и утрата доверия	Усиливали давление на решения и сокращали запас ресурсов. Отдельные причинные доли не рассчитаны; эти условия не задают единственный государственный исход
Внешнее воздействие	Стратегия ослабления СССР и использование внутренних противоречий	Установлено по документам стратегии и конкретным действиям. Переход от зарубежного намерения к советскому решению проверяется отдельно
Ускоритель и завершение	Поражение августовского вмешательства; последующие акты разделения аппарата; решения декабря	Август изменил условия борьбы. Осенние и декабрьские решения имеют собственных авторов и самостоятельную ответственность

Это иерархия объяснения именно провала службы. Общая история распада СССР потребовала бы отдельного сопоставления экономических моделей, общественных ожиданий, национальной политики и международного

положения. Здесь эти процессы включены в той мере, в какой они меняли задачу, полномочия и результат КГБ.

Причины причин: как возникал конфликт подчинения

Политическая конкуренция становилась материальной. Руководитель республики получал не только публичную трибуну: республиканские акты давали ему основания распоряжаться имуществом, определять действие союзных норм и контролировать доходы. Такие полномочия увеличивали ценность самостоятельного центра. Закон РСФСР 24 октября 1990 года и решение об экономической основе суверенитета 31 октября позволяют проверить эту последовательность по текстам, не предполагая заранее общего скрытого плана.^{152,153}

Союзный центр одновременно менял способы политического согласования. Прежняя партийная дисциплина ослабевала, новые выборные органы и должности создавали самостоятельные мандаты. Обновление системы само по себе не предписывало распада. Критическим становился переходный порядок: какие решения обязательны, кто собирает средства на общие функции и кто разрешает спор до заключения нового договора. В главе 21 сопоставлены декларации, бюджетные акты и поручения после референдума.^{150,154}

Руководство КГБ действовало внутри этого изменения. Оно могло представить угрозу, предложить меры и добиваться решения. Оно не могло придать своему проекту силу федеративного соглашения. Вместе с тем председатель сохранял ответственность за собственную политическую инициативу и ведомственные распоряжения. Структура зависимости объясняет границы действия; персональный выбор объясняет, что было сделано внутри этих границ.

Сравнительная глава проверяет эту конструкцию. В ГДР знание кризиса не обеспечило прежней власти. В Румынии применение силы не сохранило прежний центр. Китай

показывает результат победившей политико-военной коалиции. Вильнюс и Рига показывают, что советские силовые структуры могли действовать, а общая власть после действия не восстанавливалась. Такое сопоставление сильнее объяснения одной ведомственной слабостью, хотя оно не заменяет советских командных документов.

1. Баку: ранняя защита граждан

Между началом погромов, указом 15 января 1990 года и введением чрезвычайного положения непосредственно в Баку 19 января существовал разрыв во времени и режиме действий. Руководство КГБ могло добиваться немедленного согласованного решения о защите угрожаемых граждан: объединения сведений, охраны мест нападения, пресечения конкретного насилия и эвакуации. Это предложенная здесь аналитическая альтернатива; идентичный готовый план в использованном корпусе не найден.^{126,125}

Поставить и продвигать такую задачу было возможно по должностному положению. Выполнение всеми силами зависело от союзного центра, МВД и местных органов. Ближайший ожидаемый эффект — сокращение потерь при более ранней согласованной защите. Сохранение доверия и судьба всего Союза находятся дальше от этого действия и оцениваются менее уверенно.

Что изменит оценку: журналы докладов, распоряжений и исполнения. Они могут установить доступную неиспользованную возможность либо уже предпринятую инициативу, заблокированную другим участником. Тогда меняется персональная оценка; вопрос о защите граждан остаётся.

2. 1990 — весна 1991 года: переходное соглашение об общих функциях

Декларация суверенитета РСФСР, акты о союзных нормах и собственности, бюджетные решения и мартовский референдум формировали конкуренцию центров. Председатель КГБ мог представить последствия этих актов единым пакетом: общие доходы, стратегические объекты, подчинение органов и разрешение споров. Доступная инициатива — добиваться временного исполнимого порядка на время переговоров, а не предписывать федеративный договор избранным органам.^{150,152,153,154}

Подготовка оценки и предложений была исполнима. Их политическое принятие требовало президента, парламентов, правительства и республик. При достигнутом соглашении можно было сохранять определённые общие функции. Участие всех республик и возврат к прежнему устройству из этого не следовали. Здесь условие названо прямо: эффект начинается после политического согласия, а книга не объявляет такое согласие заранее обеспеченным.

Что изменит оценку: внесённые проекты и ответы на них. Они могли бы перенести акцент с неудачи влияния на сознательный отказ конкретных адресатов. Действующее и соблюдавшееся соглашение, которое всё же не обеспечивало общих функций, ослабило бы выбранный механизм объяснения.

3. Август 1991 года: собственный выбор Крючкова

Крючков участвовал в инициативе, которая не обеспечила общепризнанного законного управления и устойчивого исполнения. Его личное неучастие в избранном вмешательстве зависело от него самого. Он мог продолжать добиваться официального рассмотрения угроз и возражений к новому договору без участия в заявлении группы о передаче высшей власти. Это доступный личный выбор; добиться успеха переговоров единолично он не мог.^{174,179,175}

Наиболее уверенный контрфактический вывод узок: без его участия не возникло бы именно это участие и соответствующее основание связать руководство КГБ с поражённой инициативой. Если бы не состоялось всё вмешательство в данной форме, отсутствовал бы именно созданный его поражением удар по союзным органам. Отношение этих двух утверждений важно: личный выбор одного человека не равен контролю над всей группой. Возможность более длительных переговоров оценивается умеренно; гарантированное сохранение СССР не установлено.

Что изменит оценку: документы о заранее неизбежном при любом выборе КГБ разделе органов либо о сохранённой коалиции и согласованной законной программе. Первые ослабили бы роль августа как ускорителя, вторые усилили бы оценку упущенной возможности. Вариант «то же вмешательство, но больше насилия» требует отдельного доказательства подчинения сил и управляемости следующего дня.

4. Осень 1991 года: общий порядок при реорганизации

Выделение направлений и создание Межреспубликанской службы безопасности изменяли источник подчинения. Бакатин и другие ответственные руководители могли проектировать реформу с обязательным переходным порядком по общим угрозам, архивам, связи и стратегическим объектам. Значение имеет непрерывность функций, финансирование и контроль, а не одно сохранение вывески.^{193,194,3}

Подготовить такую конструкцию было возможно. Придать ей обязательность без согласия республик и высших органов руководство службы не могло. Ограниченный возможный эффект — меньшие потери координации и более длительное сохранение общих функций. Чтобы это изменило декабрьский исход, требовалась политическая коалиция, способная поддержать общую власть. Её наличие в рассмотренном корпусе не показано.

Что изменит оценку: проекты реорганизации, протоколы обсуждений и ответы республик. Они должны показать, кто предлагал сохранить обязательность общего решения, кто возражал и существовал ли осуществимый компромисс. По позднему интервью одного участника готовое решение для всей федерации не восстанавливается.

Конкурирующие объяснения и предел уверенности

Экономическое объяснение должно связать ограничения с конкретным выбором государственной формы. Версия единого заговора должна предъявить документы намерения и координации. Версия общей профессиональной слабости должна объяснить сохранявшиеся разведывательные и контрразведывательные результаты. Версия самостоятельного ведомственного отказа должна показать законный выполнимый приказ, достаточные средства и конкретный отказ.

Наиболее уверенно установлены участие в решениях, опубликованные акты, изменение подчинения и отсутствие устойчивого общесоюзного результата. Менее полно установлен весь поток предупреждений и предложений. Скрытые мотивы и дальние последствия несостоявшихся решений подтверждены слабее всего. Эта градация допускает прямую оценку действия и сохраняет возможность изменить её при появлении новых документов.

Приложение 11. Матрица ответственности: рабочая карта

Единица анализа — одно решение, одна обязанность и один период. Сначала назовите ущерб, затем восстановите цепь: сведения → оценка → доклад → предложение → решение → исполнение. После исполнения проверьте обратную связь и исправление ошибки.

Позиция	Условие применения	Что предъявить
Не мог	Полномочий, ресурсов или необходимого согласия не было; доступный объём действий установлен	Норму компетенции, распределение ресурса, ограничения и доступные альтернативы
Не сумел	Задача входила в доступные возможности; предпринятое действие дало недостаточный результат	Предложение или приказ, план, исполнение и причинную связь с провалом
Не захотел	Доступное действие осознанно отклонено или отложено	Знание угрозы, реальную альтернативу и свидетельство выбора отказа
Содействовал	Установлен конкретный вклад в процесс или результат	Подписанное решение, выполненное поручение, передачу ресурса или иную доказанную связь

Категории могут сочетаться на разных стадиях. Содействие последствию не тождественно намерению вызвать именно это последствие. При недостатке данных оставьте вывод открытым.

Поле карточки	Краткая запись
Событие и дата	Что произошло и в какой момент оценивалась возможность действия
Участник и обязанность	За какой участок он отвечал в тот момент
Известные сведения	Что он получил до решения; источник и дата

Поле карточки	Краткая запись
Доступная альтернатива	Какое действие действительно мог предложить или выполнить
Выбор и исполнение	Кто предложил, кто утвердил, что выполнено
Итог и оценка	Результат; одна или несколько категорий с обоснованием

Пример из книги. Крючков: системная угроза была распознана; августовское вмешательство предпринято и провалилось. Оценка «не сумел» относится к выбранному способу действия. Его участие также содействовало политическому результату провала; намерение получить этот результат из участия не выводится.

Производственный проект. Подрядчик письменно предупреждает об остановке поставки. Руководитель получает варианты, отклоняет резервный заказ и сохраняет прежний график. При подтверждении полномочий, ресурса и осознанного отказа оценка «не захотел» относится к резервной мере. Причинную связь с задержкой проверяют отдельно. Пример условный.

Компания. Аналитик сообщает риск, руководитель утверждает меру, исполнитель её выполняет, но ошибка модели делает меру недостаточной. Ответственность распределяется по качеству оценки, решению и исполнению. Выполнение приказа не снимает вопроса о качестве руководящего решения. Пример условный.

Карта предназначена для исторического и управленческого разбора. Юридическую квалификацию устанавливают по самостоятельным правовым основаниям.

Примечания и источники

5. FBI. Aldrich Ames. Официальная история дела: передача в 1985 году сведений об источниках ЦРУ и ФБР и технических операциях против СССР. Материал ФБР.

6. FBI. Robert Hanssen. Включает заявление директора ФБР Луиса Фри от 20 февраля 2001 года о сотрудничестве Ханссена с КГБ с 1985 года и характере переданной информации. Материал ФБР.

7. National Security Decision Directive 75. U.S. Relations with the USSR. 17 January 1983. Foreign Relations of the United States, 1981–1988, Vol. III, doc. 260. Официальная публикация Госдепартамента США. Текст директивы.

8. Выписка из протокола № 200 заседания Президиума ЦК КПСС с приложением проекта положения о КГБ при Совете Министров СССР. 9 января 1959 года. РГАНИ. Ф. 4. Оп. 13. Д. 45. Л. 79–83; публикация: «Политбюро и органы госбезопасности. К 100-летию образования ВЧК», с. 713–719. Электронная публикация документа. В метаданных сайта есть ошибочная датировка 1953 годом; заголовок, текст и протокольные реквизиты относятся к 1959 году. В главе рассматривается одобренный проект, а не приписывается ему статус неизменявшегося до 1991 года закона.

212. Шевякин А. Система безопасности СССР. Раздел о Шестом управлении: приказ № 00210 от 25 октября 1982 года, приказ № 00215 от 11 ноября 1982 года. Электронный текст. Реквизиты здесь приводятся по справочному исследованию; оригиналы приказов в данном блоке не воспроизводятся.

9. Закон СССР от 16 мая 1991 года № 2159-I «Об органах государственной безопасности в СССР», статьи 1–4, 13–14; для экономической компетенции — статья 13, раздел II, пункт 2, и статья 14, пункты 10 и 13. Полный текст; дополнительная электронная публикация.

43. Постановление Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ от 13 марта 1987 года № 321. В использованной публикации — «Об образовании Всесоюзного координационного совета научно-технического творчества молодежи и оплате труда членов творческих молодежных коллективов и штатных работников центров научно-технического творчества молодежи». Текст КонсультантПлюс, сохранённый 16 мая 2021 года, п. 3 и подписи. PDF документа. Публикация 1990 года описывает постановление под названием об образовании единой общегосударственной системы НТТМ. Редакционные варианты названия не используются как основание приписать пункту 3 не содержащиеся в нём финансовые разрешения.

68. НТТМ: не красные, но розовые // Коммерсантъ. 19 марта 1990 года. Сообщение об учредительной конференции 12 марта; выступление Иосифа

Орджоникидзе; интервью Александра Каунова; сведения о численности центров и финансовом режиме. Публикация. Показатели атрибутированы этому современному событиям сообщению; 17% — оценка выступавшего, 1,5 млрд рублей — названный оборот фондов, не объём наличной эмиссии.

70. Кадровые перестановки в банке «Менатеп» // Коммерсантъ. 29 марта 1996 года. Биографическая справка о Михаиле Ходорковском (иностранный агент) в составе публикации. Публикация.

71. Биография Михаила Ходорковского (иностранный агент). Сайт Ходорковского (иностранный агент), признанного в Российской Федерации иностранным агентом. Биографическая страница официального сайта, использованная в предыдущей редакции; без активной ссылки.

73. Приказ Банка России от 18 мая 1999 года № ОД-180 «Об отзыве лицензии на осуществление банковских операций у Открытого Акционерного Общества Банк Менатеп». В приказе указаны регистрационный № 41 и дата регистрации Банком России 28 января 1992 года. Публикация правового акта.

74. Ходорковский (иностранный агент) М. Б., Невзлин (иностранный агент) Л. Б. Человек с рублём. М.: Менатеп-Информ, 1992. 272 с. Оба автора внесены Минюстом России в реестр иностранных агентов. Разделы о начале деятельности через НТТМ и первоначальной прибыли. Пересказ используется как свидетельство авторов о собственных мотивах; финансовые оценки не представляются данными независимого аудита.

75. Bléjer, Mario I.; Cottarelli, Carlo. Forced Savings and Repressed Inflation in the Soviet Union: Some Empirical Results. IMF Working Paper 91/55, June 1991. DOI: 10.5089/9781451847550.001. Карточка исследования; текст и таблицы. Оценки денежных накоплений зависят от модели; они используются для характеристики порядка величины, а не для измерения операций НТТМ.

69. Министерство юстиции Российской Федерации, официальный выставочный проект, карточка Кирилла Седова, примечание 1: дата включения Михаила Борисовича Ходорковского (иностранный агент) в реестр иностранных агентов — 20 мая 2022 года. Официальная страница. Современная правовая отметка относится к упоминанию лица в издании; из неё не выводятся обстоятельства его деятельности в 1987–1991 годах.

72. Министерство юстиции Российской Федерации. О реестре иностранных агентов, сообщение от 23 июня 2023 года о включении Леонида Борисовича Невзлина (иностранный агент). Официальная публикация.

4. CIA. The Berlin Tunnel: America's Ear Behind the Iron Curtain. Официальная история операции: предупреждение Блейка, решение сохранить источник и американская оценка полученных перехватов. Публикация ЦРУ.

10. FBI. John Anthony Walker Jr. Spy Case. Начало сотрудничества в 1967 году, участники сети и обстоятельства ареста в мае 1985-го. Материал ФБР.

11. FBI. Year of the Spy (1985). Раздел о Джоне Уокере: оценка числа скомпрометированных секретных сообщений и дата ареста — 20 мая 1985 года. Публикация ФБР.

12. CIA. TRIGON: Spies Passing in the Night, 20 June 2016. Американское изложение дела Огородника и задержания Марты Петерсон. Версия происхождения сигнала сопоставляется в тексте со свидетельством Черкашина. Публикация ЦРУ.

14. U.S. Senate, Select Committee on Intelligence. An Assessment of the Aldrich H. Ames Espionage Case and Its Implications for U.S. Intelligence, 1 November 1994. Раздел о передаче документов 13 июня 1985 года. Полный доклад.

13. Черкашин В. И. «Информацию об Эймсе американцы получили из СВР». Интервью Игорю Латунскому; «Наша версия», опубликовано 10 сентября 2018 года, газетный выпуск № 35 от 13 сентября 2018 года.

15. «Историческая Россия. Консолидированная 1-165», предоставленный автором корпус: № 30 — «Человек, выдавший её, был выдан через двадцать три года»; № 31 — «Двое ушли и унесли. Третий остался и выносил шесть лет». В главе продолжены линии Эймса и Толкачёва; даты и состав результатов уточнены по указанным первичным публикациям.

16. U.S. Department of Justice, Office of the Inspector General. A Review of the FBI's Performance in Deterring, Detecting, and Investigating the Espionage Activities of Robert Philip Hanssen, 14 August 2003. Unclassified Executive Summary. Основной источник для разделения периодов сотрудничества с ГРУ, КГБ и российской службой. Доклад инспектора.

17. Royden, Barry G. Tolkachev, A Worthy Successor to Penkovsky: An Exceptional Espionage Operation. Studies in Intelligence, Vol. 47, No. 3, 2003. Исследование бывшего сотрудника ЦРУ: содержание доступа, регулярные контакты с 1979 года и версии первоначального раскрытия. Текст исследования.

18. Maneki, Sharon A. Learning from the Enemy: The GUNMAN Project. Center for Cryptologic History, National Security Agency; первое издание — 2012, второе — 2018. Разделы об обнаружении устройств, их разновидностях и итогах расследования. Полный текст исследования АНБ.

19. The Technology Acquisition Efforts of the Soviet Intelligence Services. Межведомственный меморандум, одобренный Technology Transfer Intelligence Committee при согласовании National Foreign Intelligence Board, 25 May 1982. Рассекреченная публикация, CIA-RDP84B00049R001403390009-8. Документ рассматривает совокупную деятельность советских служб и их партнёров. Архивная карточка и текст.

24. МВД СССР: март 1953 г. — март 1954 г. Документально-справочная хронология: решения 5 марта, законодательное оформление 15 марта 1953 года, состав руководства и структура МВД. Электронная публикация.

25. Письмо С. Н. Круглова в Президиум ЦК КПСС о выделении органов государственной безопасности из МВД. 4 февраля 1954 г. ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 441. Л. 458-464. Заверенная копия. Опубликовано: «Исторический архив». 2002. № 1. С. 7-10. Карточка документа в ЭБИБД.

26. Выписка из протокола № 50 заседания Президиума ЦК КПСС об образовании КГБ при Совете Министров СССР. 8 февраля 1954 г. АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 12. Л. 1. Копия. Машинопись. Полный текст.

27. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1954 года № 137/40 «Об образовании Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР». Реквизиты в системе ГАРАНТ; текст указа.

30. Млечин Л. М. КГБ. Председатели органов госбезопасности. Рассекреченные судьбы. Приложение «Хозяева Лубянки». Справочный перечень.

29. В. Семичастный: «От меня требовали арестовать Брежнева». «Аргументы и факты», 2004. Интервью записано 13 октября 2000 года. Публикация интервью. Сведения о подготовке смены руководства и действиях председателя КГБ приведены как его свидетельство.

31. Выписка из протокола № 47 заседания Политбюро ЦК КПСС с приложением проекта о создании в КГБ самостоятельного (пятого) управления по организации контрразведывательной работы по борьбе с идеологическими диверсиями противника. 17 июля 1967 г. № П47/97. В публикацию включена записка Ю. В. Андропова от 3 июля 1967 года № 1631-А. «Политбюро и органы госбезопасности. К 100-летию образования ВЧК». С. 734-738. Тексты решения, проекта и записки.

32. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята 7 октября 1977 года, первоначальная редакция, статьи 4, 6, 10-11. Историческая редакция в системе ГАРАНТ.

28. «Историческая Россия. Консолидированная 1-165», предоставленный автором корпус: № 6 — «У Бери и были дивизии. У Маленкова — картотека»; № 10 — «Одних расстреливали за проданные секреты. Другим согласовывали постановления». Дополнительно сверена заготовка «Неделя 29 · 13 марта 2027» из файла «внеочередные_посты_телеграм.md». Развита линия кадровой зависимости и избирательной ответственности; утверждение о всеобщем нормативном запрете работы по номенклатуре не выводится из указа о создании КГБ или из положения 1959 года.

33. «Историческая Россия. Консолидированная 1-165», предоставленный автором корпус: № 61 — «Фальшивку сочинил советский

писатель. Настоящий документ страшнее»; № 81 — «Три элемента. Второй назывался “внутреннее давление”»; № 84 — «Решения принимали в Москве. Каждое совпало с чужим интересом».

34. NSC 20/1. U.S. Objectives With Respect to Russia. 18 August 1948. Report to the National Security Council by the Department of State: Summary of Conclusions. Foreign Relations of the United States (FRUS), 1948, Vol. I, Part 2, doc. 37. Опубликовано резюме и редакционное примечание о 52-страничном докладе.

35. NSC 20/4. U.S. Objectives With Respect to the USSR To Counter Soviet Threats to U.S. Security. 23 November 1948. FRUS, 1948, Vol. I, Part 2, doc. 60, пункты 19–21. Текст и примечание 4 об утверждении выводов Трумэнном 24 ноября.

36. NSC 10/2. National Security Council Directive on Office of Special Projects. 18 June 1948. FRUS, 1945–1950, Emergence of the Intelligence Establishment, doc. 292. Текст директивы. Дата одобрения — 17 июня; дата рассылки окончательного текста — 18 июня, согласно редакционному примечанию.

37. Memorandum for the 303 Committee. Radio Free Europe (RFE) and Radio Liberty (RL). 27 January 1969. FRUS, 1969–1976, Vol. XXIX, doc. 28. Меморандум, разделы Summary, Problem и Activities. Суммы и показатели вещания приведены как данные американского служебного документа на указанную дату; бюджет Radio Liberty Committee не отождествлён с расходами только радиостанции.

39. Radio Free Europe/Radio Liberty. Memorandum for President Nixon. FRUS, 1969–1976, Vol. XXXVIII, Part 2, doc. 87. Документ о Совете по международному вещанию; примечание 6 — закон Public Law 93-129 от 19 октября 1973 года.

38. Современный правовой статус: Radio Free Europe/Radio Liberty (RFE/RL) («Радио Свободная Европа/Радио Свобода», «РСЕ/РС», США) включено в реестр иностранных агентов 5 декабря 2017 года; 20 февраля 2024 года включено в перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. Официальная страница Минюста России, примечание 1. Проверено для редакции от 29 сентября 2026 года. Статус относится к современной организации; источниками исторических сведений в главе служат американские архивные документы.

40. Breitman R., Goda N. J. W. Hitler's Shadow: Nazi War Criminals, U.S. Intelligence, and the Cold War. National Archives, 2010, pp. 87–89. Исследование Национального архива США, архивные ссылки в примечаниях 97–105. Печатным страницам 87–89 соответствуют страницы 94–96 PDF при отсчёте от нуля.

41. NSDD-66. East-West Economic Relations and Poland-Related Sanctions. 29 November 1982. FRUS, 1981–1988, Vol. III, doc. 246. Текст директивы. Согласованные принципы и цели дальнейших переговоров

различаются по формулировкам документа; их наличие не означает автоматического выполнения всех американских требований союзниками.

42. Закон СССР от 30 июня 1987 года № 7284-XI «О государственном предприятии (объединении)». Текст закона в системе ГАРАНТ. Здесь используются общие положения о хозяйственном расчёте, самофинансировании, самоуправлении и сохранении общенародной собственности; не приписывается закону передача предприятия в личную собственность директора.

44. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об аренде от 23 ноября 1989 года № 810-I, первоначальная редакция, статьи 10 и 16. Текст документа. Право выкупа рассматривается с учётом предусмотренных законом и договором условий.

45. Закон СССР от 6 марта 1990 года № 1305-I «О собственности в СССР», статья 24. Электронная публикация текста. Полное хозяйственное ведение отличено от права частной собственности.

46. Постановление Совета Министров СССР от 8 августа 1989 года № 619 «Об образовании Государственного газового концерна “Газпром”», пункты 1-4 и приложение. Документ в правовой базе; доступное воспроизведение текста. Рассматривается создание государственного концерна в 1989 году, а не последующее акционирование.

47. Виктор Степанович Черномырдин. Биографическая справка ПАО «Газпром»: министр газовой промышленности СССР в 1985-1989 годах, председатель правления государственного концерна в 1989-1992 годах. Официальная корпоративная справка.

48. Судьба партийных денег // Коммерсантъ. № 141 (609). 30 июля 1994 года. Сведения следователя Сергея Аристова. Публикация.

49. Закон РСФСР от 31 октября 1990 года № 293-I «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР», статьи 1, 4-5, подпись Р. И. Хасбулатова. Текст документа.

50. Закон Украинской ССР от 3 августа 1990 года № 142-XII «Об экономической самостоятельности Украинской ССР», первоначальная редакция, статьи 1, 6, 12; подпись Л. М. Кравчука. Официальный текст на сайте Верховной рады, редакция от 03.08.1990. Положения о банковской и денежной самостоятельности не отождествляются с фактическим введением отдельной валюты в день принятия закона.

52. «Историческая Россия. Консолидированная 1-165», предоставленный автором корпус: № 5 — «Дефицит конца восьмидесятых объясняют исчерпанием плана. Его сделали четыре постановления»; № 10 — «Одних расстреливали за проданные секреты. Другим согласовывали постановления». В главе постановка вопроса развёрнута через производство, доходы, запасы, поставки и документы о действиях КГБ; разные хозяйственные причины дефицита рассмотрены отдельно.

51. Госкомстат СССР. Народное хозяйство СССР в 1990 г.: статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1991. Раздел «Животноводство», таблицы производства мяса, молока и яиц во всех категориях хозяйств. Воспроизведение таблиц. Значения округлены до одного десятичного знака; мясо дано в убойной массе.

57. Постановление Совета Министров СССР от 7 мая 1985 года № 410 «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения». Карточка нормативного документа.

58. Госкомстат СССР. Народное хозяйство СССР в 1990 г. Раздел «Производство товаров народного потребления», оценка в сопоставимых розничных ценах. Таблица. Изменение выпуска алкогольных напитков за 1985-1988 годы рассчитано по значениям таблицы; это не расчёт бюджетных потерь.

59. Народное хозяйство СССР за 70 лет: юбилейный статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1987. Раздел «Материально-техническая база народного хозяйства, её техническое перевооружение и реконструкция». Текст и таблицы.

60. Госкомстат СССР. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 567: незавершённое строительство государственных предприятий и организаций. Воспроизведение раздела. Оценка оплаты работ в приросте сверхнормативной незавершённости принадлежит составителям ежегодника.

61. Госкомстат СССР. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 15-16: государственный бюджет, превышение расходов над доходами. Электронный экземпляр с постраничными изображениями и распознанным текстом.

62. Госкомстат СССР. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 36: денежные доходы и расходы населения; среднемесячная денежная зарплата рабочих и служащих. Таблицы; экземпляр ежегодника. Прирост доходов за 1985-1990 годы рассчитан автором: $652,5 / 420,1 - 1$.

63. Госкомстат СССР. Народное хозяйство СССР в 1990 г. С. 145: товарные запасы в розничной, оптовой торговле и промышленности. Электронный экземпляр. В таблице главы использована именно розничная составляющая в днях товарооборота на конец года.

64. Записка отделов ЦК КПСС от 25.08.1990 «Об усилении политической напряжённости в связи с ухудшением обеспечения населения продовольственными и другими товарами». Публикация С. Кузнецовой // Коммерсантъ Власть. № 31. 12.08.2013. С. 68. Документ.

65. Циркулярная шифртелеграмма В. А. Крюкова руководителям органов КГБ СССР от 18 октября 1990 года; записка председателя КГБ президенту СССР «О политической обстановке в стране», № 219-К от 7 февраля 1991 года. Тексты по публикации в приложении 8 книги О. М. Хлобустова «КГБ СССР. 1954-1991 гг. Тайны гибели

Великой державы». Электронное воспроизведение. Используется опубликованный текст; факсимиле архивных оригиналов здесь не приводится.

66. Постановление Верховного Совета СССР от 23 ноября 1990 года № 1796-I «О положении в стране», пункты 2 и 5; подпись А. И. Лукьянова. Текст; карточка и текст в системе ГАРАНТ. Предложение издать президентский указ отличено от факта его последующего издания.

67. Соло для саботажа с боем. Сообщение ТАСС // **Заря Востока.** № 281 (19833). **9 декабря 1990 года.** С. 1. Скан номера, Национальная парламентская библиотека Грузии. Имя полковника Ю. Тихомирова, название управления и содержание сообщения проверены по изображению газетной полосы.

76. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 августа 1986 года № 991 «О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями», пункты 1-4, 11, приложения. Электронная публикация текста. Различаются первоначальный допуск избранных организаций и последующее расширение круга участников.

77. Постановление Совета Министров СССР от 2 декабря 1988 года № 1405 «О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений и организаций», пункты 2, 16 и 31. Текст.

78. Постановление Совета Министров СССР от 7 марта 1989 года № 203 «О мерах государственного регулирования внешнеэкономической деятельности», система регулирования и перечни лицензируемых операций. Электронная публикация. Публикация содержит последующие изменения; в главе используются положения о существовании регистрации, декларирования и лицензирования в 1989–1990 годах.

79. Постановление Совета Министров СССР от 13 января 1987 года № 49 «О порядке создания на территории СССР и деятельности совместных предприятий с участием советских организаций и фирм капиталистических и развивающихся стран», первоначальная редакция, пункты 5, 11–12. Текст первоначальной редакции. Правило о советской доле не менее 51% отделено от последующего регулирования.

80. Иванова А. «ЛогоВАЗ» решил приблизить цены на «Жигули» к мировым // Коммерсантъ. № 38. **23 сентября 1991 года.** Первичная публикация. Условия соглашения изложены журналистом по сведениям участников; полный договор и кредитное досье в публикации отсутствуют.

81. Сверены статья от 23.09.1991, где прогноз обозначен как «1–1,5 млн долларов», и ретроспектива «Коммерсанта» от 15.01.2022, в которой он передан как 11,5 млн долларов.

82. Постановление Совета Министров СССР от 25 июня 1990 года № 616 «О преобразовании производственного объединения „КАМАЗ“ в акционерное общество „КАМАЗ“», пункты 3-7. Текст. Условие о неотчуждаемом пакете относится к первоначальной величине уставного фонда; оно не описывает автоматически последующие изменения капитала.

83. Читая старые газеты. Часть 67 // Вести КАМАЗа. Материал музея КАМАЗа. **25 июня 2020 года.** Корпоративная историческая публикация. Сумма переданного имущества приводится по этой публикации, не как независимая рыночная оценка.

84. Закон РСФСР от 3 июля 1991 года № 1531-I «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР», первоначальная редакция, статьи 3, 11 и 13. Текст. Рассматривается правовая возможность использования заёмных средств при существовании СССР.

85. «Историческая Россия. Консолидированная 1-165», предоставленный автором корпус: № 10 «Одних расстреливали за проданные секреты. Другим согласовывали постановления»; № 60 «Эти микросхемы пятнадцать лет проработали на орбите»; № 64 «Он делал прицелы для зениток, а потом построил МИЭТ»; № 77 «Его отправили в Калифорнию скопировать Кремниевую долину. Ему это разрешили». В главу перенесена исследовательская связка между разведкой, научной школой и воспроизводством промышленности. Конкретные даты и показатели проверяются по источникам ниже; утверждения о сроке безотказной работы космической аппаратуры из № 60 здесь не используются.

86. Remarks of William J. Casey, Director of Central Intelligence, before the Commonwealth Club of California, Palo Alto, California, 3 April 1984. CIA-RDP90B01370R000200180009-2. Рассекреченная публикация ЦРУ. Масштаб приобретений приведён как публичная оценка Кейси; она относится к совокупным советским приобретениям, а не к установленному объёму одной операции КГБ.

87. «60 лет НИИМЭ». Институциональная история; «НИИМЭ отмечает 90 лет со дня рождения академика К. А. Валиева». Публикация НИИМЭ.

88. МИЭТ: материалы об основании института 9 декабря 1965 года, приказы № 363 и № 633. Официальная историческая публикация; юбилейный материал.

89. Use of Western Technology in the Ryad Computers of the USSR and Eastern Europe. CIA-RDP85T00176R000900010001-6. Рассекреченная публикация ЦРУ.

90. Госкомстат СССР. Народное хозяйство СССР в 1990 г. М.: Финансы и статистика, 1991. С. **301:** показатель «производство средств вычислительной техники и запасных частей к ним» при базе 1985 = 1; с. **418:** рост производства товаров народного потребления в оборонных отраслях в 1990 году на 27%. Электронная копия с распознанным текстом.

Индексы 1,8 и 1,6 округлены в первоисточнике; точный процент падения по ним не вычисляется. Показатель продукции не тождествен показателю отрасли с близким названием.

91. The Realized Net Present Value of the Soviet Union. Глава 7 издания МВФ, 1993. IMF eLibrary. Оценка задолженности в конвертируемой валюте на **4 декабря 1991 года**: 61,4 млрд долларов, включая 53,7 млрд обязательств, заключённых или гарантированных Внешэкономбанком. Дата и охват оценки сохраняются; показатель не отождествляется со всеми видами внешних обязательств СССР.

94. «Историческая Россия. Консолидированная 1-165», предоставленный автором корпус: № 83 «Он приехал в Колумбийский университет. Вернулся через двадцать пять лет»; № 89 «Записка для генерального секретаря вышла в толстом журнале»; № 91 «Разрешение читать противника давал директор лично».

92. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 27-28 января 1987 года. М.: Политиздат, 1987. Информационное сообщение; **М. С. Горбачёв. «О перестройке и кадровой политике партии»,** доклад от 27.01.1987; постановление Пленума. Электронная копия с распознанным текстом.

93. Архив Александра Н. Яковлева. Личный архив. Биография. Биографическая справка. Работа в ИМЭМО в 1983–1985 годах, возвращение в Отдел пропаганды, избрание секретарём ЦК в 1986 году, кандидатом и членом Политбюро на январском и июньском пленумах 1987 года; организация подготовки редакционной статьи от 05.04.1988. Для архивного происхождения материалов см. также путеводитель Росархива по фонду Яковлева.

95. Записка А. Н. Яковлева М. С. Горбачёву «Императив политического развития» о необходимости всестороннего реформирования советского общества. Конец декабря 1985 года. ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 380. Машинописная копия. В сборнике: **Александр Яковлев. Перестройка. 1985-1991. Неизданное, малоизвестное, забытое** / сост. А. А. Яковлев. М.: МФД, 2008, документ № 4. Электронная публикация; архивно-библиографическая карточка ЭБИБД. Датировка сохраняется по документальному изданию; изложенный проект не отождествляется с утверждённым постановлением.

96. Тезисы А. Н. Яковлева об основных слагаемых перестройки. Декабрь 1986 года. ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 157. Машинописная копия. Тот же сборник, документ № 11. Электронная публикация; карточка ЭБИБД. Предложение разделить партию рассматривается как предложение автора, не как уже принятое решение.

97. «Пополнение Архивного фонда Санкт-Петербурга документами Н. А. Андреевой (к 35-летию выхода статьи Н. А. Андреевой „Не могу поступаться принципами“)». Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Архивная

публикация. Даты исходной статьи — 13.03.1988, редакционного ответа «Правды» — 05.04.1988.

98. «Принципы перестройки: революционность мышления и действий». Правда. 5 апреля 1988 года. Редакционная статья, опубликована без подписи. Воспроизведение текста; другая электронная публикация. В главе различаются содержание публичного текста и позднейшее объяснение тактики Яковлевым.

99. Тезисы к выступлению А. Н. Яковлева на Политбюро ЦК КПСС «О письмах в ЦК КПСС о перестройке». 24 марта 1987 года — ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 284; **тезисы об отношении населения к перестройке. 3 марта 1988 года** — там же, Д. 283. Машинописные копии. В сборнике 2008 года, документы № 18 и 32. Карточка первого документа; карточка второго. Здесь подтверждаются существование, тема и адресат материалов, но не приписываются им непроверенные количественные оценки общественных настроений.

100. Виталий Коротич: биография // Коммерсантъ. Справка о назначении в мае 1986 года. **«Новый мир»: история журнала** — официальная история, начало редакторства С. П. Залыгина в 1986 году. **Григорий Бакланов** — биографический ресурс, редакторство в «Знамени» в 1986-1993 годах. Для Егора Яковлева см. отдельное примечание о «Московских новостях». Эти сведения не удостоверяют одного общего постановления о назначении всех четверых.

101. Лошак В. Репутация по наследству не передается // Огонёк. 11.09.2005. № 36 (4910), с. 16. Интервью Виталия Коротича.

102. Попов Г. Х. С точки зрения экономиста (о романе Александра Бека «Новое назначение») // Наука и жизнь. 1987. № 4. Начало на печатной с. 54. Скан и распознанный текст номера. Проверены вступление, отсылка к январскому пленуму и начало раздела «Административная система». Навигационная цифра 60 на сайте обозначает положение изображения, а не печатную страницу. Тираж этого конкретного номера в главе не указывается без сверки выходных данных.

103. Попов Г. Х. Музей экономического факультета МГУ. Биографический материал и описание статьи 1987 года. Университетская ретроспектива используется для характеристики предмета статьи, не как самостоятельное доказательство её воздействия на всех читателей.

104. Шмелёв Н. П. Авансы и долги // Новый мир. 1987. № 6. Электронное воспроизведение, начальная часть статьи.

105. Акопов А. И. «Огонек» как тип издания: историко-типологическая характеристика и трансформация модели в период перестройки (1988-1991) // RELGA. 01.11.2022. № 11 (401). Исследование, таблицы 1 и 2. Дата относится к сетевой публикации; внутренние указания показывают, что текст исследования подготовлен значительно раньше. Таблица 1 содержит тиражи 1989-1991 годов; тематическая выборка — десять номеров в год. В публикации есть

внутренние расхождения: диапазон номеров описан как 24–33 во вступлении и 23–32 перед таблицей; для политической истории 1989 года в прозе — 45 полос, в таблице — 46. Здесь использовано значение таблицы с сохранением ограничения «выборка десяти номеров». Неодинаковые сведения о тираже 1988 года и пропуски 1981–1987 годов не восполнялись предположениями.

106. Взгляд. Телеканал «Время». Архивная справка. Дата первого эфира — 02.10.1987; канал — Первый канал Центрального телевидения. Описание формата использовано без приписывания программе непроверенных количественных рейтингов или общей политической цели каждого выпуска.

107. Конституция СССР от 7 октября 1977 года, первоначальная редакция, статьи 13–14 и 17. Текст в системе ГАРАНТ. Здесь используется содержание конституционных норм, а не предположение об их полном практическом осуществлении.

108. Постановление Совета Министров СССР от 5 января 1989 года № 26 «О мерах по устранению недостатков в сложившейся практике ценообразования», преамбула, пункты 18, 20–21. Полный текст. Документ устанавливает признание перечисленных нарушений правительством; принятие постановления не используется как доказательство исполнения всех мер.

110. Постановление Кабинета Министров СССР от 24 июля 1991 года № 506 «О мерах по выполнению постановления Верховного Совета СССР „О работе Комиссии Верховного Совета СССР по вопросам привилегий и льгот и мерах по реализации ее предложений“, пункты 1–2, 8; подписи В. С. Павлова и И. И. Простякова. Полный текст. Пункт 8 приостанавливает распоряжение от 26.06.1990 № 1007 в части продажи дач; суффикс «р» присутствует в названии последующего президентского указа. Факт проверки не приравнивается к доказанной незаконности каждой сделки.

109. Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 5 декабря 1990 года № 1816-I и одобренное им **Положение о Комиссии Верховного Совета СССР по вопросам привилегий и льгот,** разделы II–III. Полный текст. Дата одобрения положения не выдается за дату начала всей работы комиссии.

111. Указ Президента СССР от 3 октября 1991 года № УП-2661 «О частичной отмене распоряжения Совета Министров СССР от 26 июня 1990 г. № 1007р». Электронное воспроизведение. Отменён подпункт «а» пункта 1; документ не подтверждает сам по себе фактический возврат всех объектов.

112. Кунаев Д. А. О моём времени, раздел «Декабрьские события в Алма-Ате. Кто виноват?». Электронный текст. Описание приглашения выступить и его отмены — собственное свидетельство Кунаева, оспаривавшего обвинения в отказе от выступления. Поминутная хронология по этому рассказу не реконструируется.

113. Хроника деятельности М. С. Горбачёва. Декабрь 1986 года, записи 11, 16–18 декабря. Горбачёв-Фонд. Продолжительность пленума приведена по хронике; подлинный протокол пленума в данном блоке не воспроизводится.

114. Постановление Президиума Верховного Совета Казахской ССР от 24 сентября 1990 года «О выводах и предложениях комиссии по окончательной оценке обстоятельств, связанных с событиями в городе Алма-Ате 17–18 декабря 1986 года». Текст вступительной части. Используется для разграничения начального протеста, последующего насилия и оценки действий дружинников. Это постановление о результатах комиссии, не судебный приговор всем названным участникам.

115. КГБ Казахской ССР, исторический справочник «Щит и меч», перечень председателей. Кадровые сведения. В. М. Мирошник: 09.02.1986–28.02.1990. О. С. Мирошхин — другое лицо, второй секретарь ЦК, упомянутый Кунаевым.

116. Бобков Ф. Д. КГБ и власть, глава «Памятный декабрь 1986 года». Электронный текст.

117. Воротников В. И. А было это так... 2-е издание, с. 135–136: запись о заседании Политбюро 18 декабря 1986 года. Публикация фрагмента Горбачёв-Фондом, PDF. Это опубликованная дневниковая запись участника, не стенограмма. Числа относятся к оперативной информации, переданной на заседании.

118. Мурсалиев А. В декабре на площади Брежнева // Комсомольская правда. 2 сентября 1990 года. Электронное воспроизведение. Числа 3 200, 11 и 15 приведены автором из справки Э. Басарова комиссии от 12.05.1989; самостоятельная архивная проверка оригинала справки не проведена. Не используются как численность всей группировки.

119. Решения 20.02 и 18.07.1988: хронология в «Ежегоднике БСЭ. 1989» (скан); также документальная позиция Азербайджана, распространённая в ООН, A/66/787-S/2012/289 (текст). Последний источник представляет позицию государства-участника конфликта, а не самостоятельное заключение ООН.

120. Генеральная прокуратура Азербайджана: общие сведения о Сумгаите; Музей-институт геноцида армян, 28.02.2023.

121. «Заседание Политбюро ЦК КПСС. 29 февраля 1988 года. Рабочая запись», печатные с. 695–715, особенно 701–705, 710, 712–715. Опубликованный скан National Security Archive (электронная публикация; активная ссылка снята). Запись обсуждения не заменяет доведённого до подразделений приказа. Скан исследован при подготовке досье Сумгаита настоящего проекта.

122. «Генерал горячих точек». М.: редакция журнала «На боевом посту», 2018, с. 102–106: выступление Ю. В. Шаталина «Выжидать не имеем права», датированное составителями июнем 1989 года. Ведомственная публикация

Росгвардии. Используется перепечатка выступления, не оригинал журнала 1989 года.

124. Е. М. Примаков. «Встречи на перекрёстках», электронная публикация, экран 110 и экран 111. Это мемуарное изложение участника. Обнаруженное при подготовке досье несоответствие даты и дня недели в рассказе о поездке не используется для точной датировки прибытия.

123. В. А. Гусейнов. «Больше, чем одна жизнь», кн. 2, 2013, фрагменты с отсылками публикатора к с. 275–280 (перепечатка). Записи за 13–16 января использованы как свидетельство автора; оригинальные дневниковые листы и скан этих страниц не предъявлены. Форум не рассматривается как независимое подтверждение книги.

126. Указ Президиума ВС СССР от 15.01.1990 № 1060-I, преамбула, статьи 1, 7–8 (полный текст). Баку назван в преамбуле и статье 7, но отсутствует в территориальном перечне статьи 1. Территориальные пределы чрезвычайного режима установлены по самому тексту указа.

127. Указ Президиума ВС СССР от 28.07.1988 «Об обязанностях и правах внутренних войск Министерства внутренних дел СССР при охране общественного порядка», «Ведомости ВС СССР», 1988, № 31, ст. 505 (републикация). Наличие полномочий не подменяет установления фактического приказа и его исполнения.

125. Указ Президиума ВС СССР от 19.01.1990 «О введении чрезвычайного положения в городе Баку», в подборке Президентской библиотеки Азербайджана, PDF-с. 2 (текст); источник составителей: «Чёрный Январь. Баку-1990: Документы и материалы». Баку, 1990, с. 82.

128. Заключение комиссии Съезда народных депутатов СССР по событиям 9.04.1989, опубликованный фрагмент, с. 6–16 (текст). Используется реконструкция комиссии А. А. Собчака с атрибуцией; опубликованный файл не заменяет всего следственного дела.

129. Парламент Грузии, мемориальная публикация о 9 апреля: грузинский текст. Число 21 приводится как современный официальный итоговый учёт, отдельно от предварительных сообщений 1989 года.

130. Постановление Съезда народных депутатов СССР от 24.12.1989 № 978-I «По докладу Комиссии, образованной первым Съездом народных депутатов СССР, по расследованию событий, имевших место в городе Тбилиси 9 апреля 1989 года» (текст).

131. Постановление бюро ЦК Компартии Узбекистана от 20.07.1989 и приложенная записка комиссии: «Известия ЦК КПСС», 1989, № 10, с. 91–101; кадровые решения — с. 92, предупреждения и потери — с. 95 (скан). Фамилии Лескова и Моргасова сверены по изображению страницы. Показатели потерь относятся к этому отчёту.

132. Постановление Совмина РСФСР от 13.07.1989 № 220 «О мерах по созданию необходимых условий для проживания в областях РСФСР турок-месхетинцев, вынужденно покинувших постоянное место жительства

в Узбекской ССР», пункты 1–2 (републикация). Норма о выплатах не является отчётом об их полном фактическом осуществлении.

133. Записка А. Я. Сухарева Г. С. Таразевичу от 17.04.1990, републикация в книге М. А. Жирохова «Семена распада» (текст). Воспроизводимая там статистика погибших внутренне несогласованна: заявленный итог 112 не равен сумме национальных категорий $51 + 38 + 25 = 114$. Поэтому для потерь глава использует отдельно атрибутированный отчёт 1989 года; из записки взяты сведения об организации следствия.

134. Докладная записка председателя КГБ Киргизской ССР Д. Асанкулова А. М. Масалиеву «О массовых беспорядках в г. Ош», републикация в «Семенах распада» (текст). Дата документа в доступной публикации не обозначена; содержание включает события после 4 июня. Записка не представляется как установленное предконфликтное предупреждение.

135. Постановление Совета Национальностей ВС СССР от 26.09.1990 № 1683-I «О событиях в Ошской области Киргизской ССР» (текст; карточка ГАРАНТ). Названный докладчик — Г. К. Крючков, не В. А. Крючков.

170. Горбачёв-Фонд, внутривластическая хроника 1991 года, записи 11, 13, 14 и 22 января. Выдержки из отчёта группы «А» цитируются составителями по опубликованным материалам; полный подлинник отчёта здесь не предъявляется.

163. Сейм Литвы, «January 13: the Way We Defended Freedom». Использованы поимённый перечень и хронология возобновления вещания. Политические квалификации официальной литовской экспозиции не переносятся в книгу автоматически; число 14 включает умершего от ран позднее.

171. Международная ассоциация ветеранов подразделения антитеррора «Альфа», «Навечно в памяти», Виктор Викторович Шатских.

172. The White House. Memorandum of Telephone Conversation. Telcon with Soviet President Gorbachev, 11.01.1991; документ 0325, NAID 428081321 (архивный скан), PDF-с. 3. Американская служебная запись переведённого разговора; литовский фрагмент сверён по изображению. Разговор не является приказом советским силовым ведомствам.

164. Министерство обороны Латвии, «Adoption of the Declaration of Independence, the Barricades (1990–1991)», хронология 20–22 января. Данные переданы с атрибуцией латвийской официальной хронике; она не заменяет проверки командной цепочки МВД СССР и баллистической реконструкции каждого смертельного ранения.

173. Сейм Латвии, «January Chronicles», сборник сообщений.

136. Чебриков Виктор Михайлович. Кадровая справка, сайт «История отечественных спецслужб и правоохранительных органов», со ссылками на справочник А. И. Кокурина, Н. В. Петрова «Лубянка...» и работу А. И. Колпакиди, Д. П. Прохорова. Текст.

137. Крючков Владимир Александрович. Кадровая справка, сайт «История отечественных спецслужб и правоохранительных органов». Текст.

138. Крючков В. А. Личное дело, фрагмент об А. Н. Яковлеве. Электронная публикация, экранная страница 86. Номер относится к электронной разбивке, не к пагинации печатного издания.

140. Заключение по материалам расследования роли и участия должностных лиц КГБ СССР в событиях 19-21 августа 1991 года, служебная комиссия по приказу председателя КГБ СССР № 140 от 01.09.1991. Электронное воспроизведение. В опубликованном заголовке утверждения оставлено незаполненное число сентября.

141. Последнее интервью экс-заместителя председателя КГБ Филиппа Бобкова // Экспресс газета. 18.06.2019. По пояснению редакции, беседа записана в 2016 году. Текст.

142. Интервью Ф. Д. Бобкова, часть III // Бульвар Гордона. № 11 (463), март 2014 года; страница публикации датирована 20.03.2014. Текст — публикация № 11 (463), март 2014 года.

143. Жирнов Е. Одна жизнь Филиппа Денисовича // Коммерсантъ Власть. № 48. 05.12.2000. С. 44. Раздел «Консультант». Текст.

144. Воротников Валерий Павлович, кадровая справка. Сайт «Щит и меч»; **КГБ во власти и бизнесе,** справочная публикация «Коммерсантъ Власть», 2002, статья о Воротникове. Текст. Первый источник определяет даты руководства управлением «З» и указывает должность директора департамента в группе; второй — заместителя главы службы безопасности и информации с 1992 года. Различие наименований сохранено, единая недоказанная штатная хронология не реконструируется.

145. Мезенцев В. Прогулки с сенбернарм (Хроника репортёрской неудачи) // Журналист. 1993. № 11. Авторская публикация, воспроизведённая на сайте Школы журналистики имени Владимира Мезенцева 31.01.2024.

146. 100 лет экспертизе. Вехи истории. 1980-е. Торгово-промышленная палата города Тольятти, 31.08.2023. Историческая публикация системы ТПП.

148. Леонид Владимирович Шебаршин. Личное дело // Коммерсантъ. № 57 (4842). 31.03.2012. Биографическая справка; **КГБ во власти и бизнесе** // Коммерсантъ Власть, 2002. Справочник, статья о Шебаршине.

149. Житнухин А. П. Леонид Шебаршин. Судьба и трагедия последнего руководителя советской разведки, раздел «Своё дело». Электронное воспроизведение.

150. Декларация о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 июня 1990 года № 22-1, преамбула, пункты 1, 5. Текст в правовой базе; карточка подлинника в Государственном реестре уникальных документов Архивного

фонда РФ. Намерение оставаться в обновлённом Союзе рассматривается вместе с положениями о республиканском верховенстве.

151. Конституция (Основной Закон) СССР от 7 октября 1977 года, в редакции от 26 декабря 1990 года, статьи 73-76. Текст. Приоритет общесоюзного закона — статья 74; самостоятельность республики вне союзного ведения — статья 76.

152. Закон РСФСР от 24 октября 1990 года № 263-I «О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР», статьи 1-6, подпись Р. И. Хасбулатова. Полный текст. Непосредственное действие в пределах переданных полномочий и сохранение прежних актов не исключены из анализа.

153. Закон РСФСР от 31 октября 1990 года № 293-I «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР», статьи 1, 2, 4, 7. Полный текст редакции 31 октября 1990 года. Провозглашённая принадлежность имущества отделена от фактического исполнения и от последующей приватизации.

154. Закон СССР от 11 января 1991 года № 1892-I «О Союзном бюджете на 1991 год», статьи 1-5, 9, 12, 15, 24, 34. «Ведомости СНД СССР и ВС СССР», 1991, № 4, ст. 76. Полный текст с пометами о российских актах апреля-мая 1991 года. Таблица главы содержит план, округлённый из тысяч рублей до миллиардов. Точные суммы доходов — 250 157 450 тыс., расходов — 276 820 599 тыс., дефицита — 26 663 149 тыс. рублей. Данные об исполнении и размер фактических перечислений республик по этому закону не рассчитывались.

155. Сообщение Центральной комиссии референдума СССР об итогах референдума СССР, состоявшегося 17 марта 1991 года. Электронная публикация. В списках — 185 647 355 человек, участвовали — 148 574 606, «да» — 113 512 812. Характеристика неодинаковых условий проведения взята из сообщения комиссии. Справка Президентской библиотеки подтверждает порядок величины; для точных итогов используется сообщение комиссии, поскольку в справке показатель явки отличается.

156. Постановление Верховного Совета СССР от 21 марта 1991 года № 2041-I «Об итогах референдума СССР 17 марта 1991 года», пункты 1-7. Правовая база; доступный полный текст. В преамбуле приведены предварительные итоги — 147 млн участников и 112 млн положительных ответов; они не заменяют окончательных данных Центральной комиссии.

157. Президентская библиотека. «Состоялся всесоюзный референдум по вопросу “О сохранении обновлённого Союза”». Справка и библиография документов. Даты совместного заявления — 23 апреля, публикации проекта — 15 августа и намеченного начала подписания — 20 августа 1991 года.

158. Проект Договора о Союзе Суверенных Государств, согласованный 23 июля 1991 года и опубликованный перед намеченным августовским подписанием, раздел I; статьи 5, 9, 11. Текст

в приложении к публикации участника работы над договором: Сулейменов М. К. «Страницы истории: самые первые шаги по созданию проекта Договора о Союзе Суверенных Государств (август 1991 г.)». Приложение с текстом.

159. Закон СССР от 16 мая 1991 года № 2159-I «Об органах государственной безопасности в СССР», статьи 1–5. Полный текст. Законные обязанности по защите и информированию отделяются от не предусмотренного ими права самостоятельно устанавливать политический строй. Содержание конкретных докладов Крючкова в этой главе не реконструируется без документов.

174. Заявление советского руководства от 18 августа 1991 года, подписанное Г. И. Янаевым, В. С. Павловым и О. Д. Баклановым; объявлено 19 августа. Публикация комплекта документов «Интерфаксом»; отдельная публикация текста. Состав ГКЧП, ссылка на состояние здоровья президента, срок чрезвычайного положения и обязательность решений приводятся как содержание заявления, а не как признание обоснованности этих притязаний.

176. Приговор Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации от 11 августа 1994 года по делу В. И. Варенникова. Электронный полный текст.

177. Черняев А. С. «Три дня в Форосе», запись о событиях 18–21 августа 1991 года; опубликованный английский перевод дневникового материала. National Security Archive, Electronic Briefing Book № 357, документ 1. Текст (электронная публикация; активная ссылка снята), с. 1–3 файла.

178. «ГКЧП: неопубликованные материалы обвинительного заключения. Окончание», 20 августа 2010 года. Перепубликация материала «Новой газеты» на сайте Горбачёв-Фонда. Текст, раздел «Мероприятия по изоляции президента СССР». Это отобранные редакцией фрагменты обвинительного документа с цитатами показаний, а не полный судебно проверенный комплекс. В главе атрибутируется версия следствия и не заимствуется публицистическая характеристика участников.

179. Закон СССР от 3 апреля 1990 года № 1407-I «О правовом режиме чрезвычайного положения», статьи 1–3, 5. Текст. Полномочие вводить режим и возможность временных координационных органов не отождествляются с неограниченным правом создать новый верховный орган власти.

180. «По мере стабилизации положения пройдут прямые президентские выборы — Янаев». Сообщение «Интерфакса» от 19 августа 1991 года, 17:45. Публикация в исторической хронике.

181. Постановление Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР № 1 от 19 августа 1991 года. Отдельный текст; комплект документов. Рассматривается опубликованная программа мер; её наличие не считается доказательством исполнения.

182. Обращение к главам государств и правительств и генеральному секретарю ООН, подписанное Г. И. Янаевым 18 августа 1991 года. Текст в комплекте документов ГКЧП. Заявление о сохранении курса реформ — позиция самих инициаторов чрезвычайных мер.

183. Rodric Braithwaite. "Moscow, August 19: The First Day of the Coup." Telegram to the Foreign and Commonwealth Office, 20 August 1991. National Security Archive, Electronic Briefing Book № 357, документ 2. Текст (электронная публикация; активная ссылка снята), пункты 4–6. Наблюдения британского посла не принимаются за исчерпывающую картину по всей стране; оценочные термины дипломата не переносятся в авторский текст.

175. Указ Президента РСФСР от 19 августа 1991 года № 61 «О временном переподчинении органов исполнительной власти СССР Президенту РСФСР», пункты 1–3. «Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР», 22 августа 1991 года, № 34, ст. 1134. Полный текст. Различаются заявленное переподчинение, фактическое исполнение и правовая оценка указа.

185. Сергей Гончаров. Интервью о событиях августа 1991 года, перепубликация от 20 августа 2011 года. Текст. Воспоминания участника группы «А», записанные через двадцать лет; оценки возможной скорости штурма, численности и поведения толпы не используются как независимо доказанные факты. Подготовка, ожидание команды и окончательное исполнение разграничиваются.

139. Крючков В. А. «Личное дело. Три дня и вся жизнь», 2000. Фрагмент о договорённости не допускать кровопролития. Перепубликация «Интерфакса», раздел «Владимир Крючков: мы условились, что не пойдём на кровопролитие».

186. «Стали известны имена погибших в столкновениях в Москве». «Интерфакс», 21 августа 1991 года, 09:21, и помещённый на той же странице фрагмент воспоминаний Б. Н. Ельцина. Публикация; хроника 24 августа с сообщением о похоронах Дмитрия Комаря, Ильи Кричевского и Владимира Усова. Первичная новость содержит неустановленное третье имя и предварительные медицинские сведения; эти данные не воспроизводятся как окончательные. Точная баллистическая и транспортная реконструкция гибели в главе не предпринимается.

187. «Из Генштаба сообщают, что начался вывод боевой техники из Москвы». «Интерфакс», 21 августа 1991 года, 09:44. Публикация. Для хронологии используется первоначальное сообщение, а не все включённые на страницу позднейшие пересказы.

188. Крючков В. А. «Личное дело. Три дня и вся жизнь», 2000. Фрагмент о встрече в Министерстве обороны и решении прекратить деятельность ГКЧП. Перепубликация «Интерфакса», раздел «Владимир Крючков о конце ГКЧП». Оценка причин и собственной роли атрибутируется Крючкову. Сообщение 21 августа о вылете Горбачёва из

Крыма используется для общей последовательности развязки, без переноса предварительного времени сообщения на точное время фактического вылета.

189. Постановление Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации от 23 февраля 1994 года № 65-І ГД «Об объявлении политической и экономической амнистии», пункт 1, подпункт «а». Полный текст; правовая база. Амнистия отделяется от разрешения обвинения по существу; отказ Варенникова от её применения и его оправдание рассматриваются отдельно.

191. Указ Президента СССР от 23 августа 1991 года № УП-2448 «О назначении Бакатина В. В. Председателем Комитета государственной безопасности СССР». «Ведомости СНД СССР и ВС СССР», 1991, № 35. Электронная публикация выпуска. **Постановление Верховного Совета СССР от 29 августа 1991 года № 2370-І «О членах Кабинета Министров СССР».** Карточка и текст. Президентское назначение и последующее парламентское согласие разграничиваются.

190. Бакатин В. В. «Спецслужбы любят раздувать щеки...». Интервью Евгению Жирнову, «Коммерсантъ Власть», 4 декабря 2001 года, № 48, с. 44. Текст. Используется как позднейшее объяснение участника: невозможность, по его оценке, сохранить подчинение республиканской контрразведки центру.

192. Указ Президента СССР от 29 августа 1991 года № УП-2484 «О создании Комитета правительственной связи при Президенте СССР». «Ведомости СНД СССР и ВС СССР», 1991, № 36. Электронная публикация выпуска. В главе используется факт создания самостоятельного союзного органа; полный состав передаваемых подразделений не реконструируется по позднейшим пересказам.

193. Постановление Государственного Совета СССР от 22 октября 1991 года № ГС-8 «О реорганизации органов государственной безопасности», пункты 1-3. Полный текст; электронная публикация. Разграничиваются решение Госсовета о необходимом упразднении и последующее законодательное оформление. Анализ последствий изменения юрисдикции является авторским выводом из содержания акта.

194. Указ Президента СССР от 28 ноября 1991 года № УП-2890 «Об утверждении Временного положения о Межреспубликанской службе безопасности», прилагаемое Временное положение. Правовая база; электронная публикация текста. Нормативно предусмотренные функции не отождествляются с доказанными результатами их исполнения. Вывод об изменении модели управления основан на различении координации самостоятельных органов и административного подчинения.

195. Указ Президента РСФСР от 26 ноября 1991 года № 233 «О преобразовании Комитета государственной безопасности РСФСР в Агентство федеральной безопасности РСФСР». Архив Президентского центра Б. Н. Ельцина, коллекция нормативно-распорядительных актов из

Архива Президента Российской Федерации. Архивная карточка; скан документа. Российская реорганизация отделяется от союзного закона от 3 декабря.

3. Закон СССР от 3 декабря 1991 года № 124-Н «О реорганизации органов государственной безопасности», статьи 1–5. Полный текст; правовая база.

196. Служба внешней разведки Российской Федерации. «Названия Службы». Официальная историческая хронология. Для ЦСР СССР указаны даты 22 октября — 18 декабря 1991 года, для СВР РСФСР — 18–25 декабря. Ведомственная хронология используется для последовательности организационных форм, а не как самостоятельное доказательство неизменности всего состава, ресурсов и оперативных возможностей.

197. “KGB Chief Gives Embassy Bugging Devices to Strauss.” Deseret News, 14 December 1991. Сообщение о выступлении Роберта Страусса в National Press Club. Современная событиям публикация используется для подтверждения публичного рассказа посла о передаче. Точный состав документации, техническая новизна и размер ущерба из этого сообщения не выводятся; день передачи и различие между первоначальным вручением и последующими контактами в главе не уточняются.

198. Бакатин В. В. Интервью «Спецслужбы любят раздувать щеки...», 4 декабря 2001 года, фрагмент о передаче схем американскому посольству. Текст. Согласование с Горбачёвым и Ельциным, устарелость техники и отсутствие новизны переданных сведений приводятся именно как заявления Бакатина. Независимое документальное подтверждение объёма согласования и техническая экспертиза в используемом корпусе отсутствуют.

199. Український інститут національної пам’яті. «Інформаційні матеріали ... до 30-річчя Всеукраїнського референдуму 1 грудня 1991 року», раздел «Про референдум у цифрах». Официальная публикация. Участвовали 31 891 742 человека, положительных ответов — 28 804 071; доля «за» относится к участникам, а не ко всем гражданам. Публикация Верховной Рады с формулировкой вопроса.

200. Закон СССР от 3 апреля 1990 года № 1409-І «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», статьи 1–3, 6–9, 14–15, 20. Полный текст; правовая база. Содержание закона используется для установления предусмотренной союзным правом процедуры. Её существование отделяется от оценки практической осуществимости и от последующего международного признания независимости республик.

1. Соглашение о создании Содружества Независимых Государств от 8 декабря 1991 года, преамбула, статьи 1–7, 9–14, подписи. Полный текст; правовая база. Различаются объявленное прекращение СССР, создание СНГ и обязательства по сохранению сотрудничества. Формула «три руководителя» не подменяет шесть подписей под соглашением.

201. Заявление Комитета конституционного надзора СССР от 11 декабря 1991 года. Электронная публикация текста, с указанием архивного происхождения: ГАРФ, ф. Р9654, оп. 6, д. 76, л. 48–51; оп. 5, д. 749, л. 134–135. Используется как современная событиям позиция органа конституционного надзора. Документ не именуется судебным приговором, формальным заключением об уголовной ответственности или фактически исполненной отменой соглашения.

202. Заявление Президента СССР М. С. Горбачёва от 9 декабря 1991 года. «Известия», 10 декабря 1991 года. Электронная публикация. Требования конституционного рассмотрения, созыва Съезда и возможного референдума отделены от вопроса об их фактическом осуществлении. Признаваемые Горбачёвым положительные стороны сотрудничества не отождествляются с одобрением прекращения Союза.

2. Memorandum of Telephone Conversation, President George H. W. Bush — President Boris Yeltsin, 8 December 1991, 1:08-1:36 p.m., Oval Office. Bush Presidential Library; рассекречено по запросу National Security Archive. Карточка архивного документа (электронная публикация; активная ссылка снята); распознанный текст (электронная публикация; активная ссылка снята). Это американская служебная запись разговора. Сообщения Ельцина о неосведомлённости Горбачёва, поддержке Шапошникова и других лиц атрибутируются говорящему, а не считаются независимо подтверждёнными фактами. Названное им число статей соглашения не используется для описания окончательного текста.

203. Постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года № 2014-I «О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств», пункты 1–3. Архивная публикация Росархива: ГАРФ, ф. 10026, оп. 1, д. 576, л. 175, подлинник с подписью Р. И. Хасбулатова. Текст в правовой базе. Пункт 2 сохранял ограниченное применение союзных норм; он учтён при сопоставлении с беловежской статьёй 11.

204. Постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 года № 2015-I «О денонсации Договора об образовании СССР». Текст; скан документа, размещённый Большой российской энциклопедией. Факт принятия постановления не подменяет отдельного вопроса о допустимости прекращения конституционного государства посредством денонсации учредительного договора.

205. Конституция (Основной Закон) РСФСР 1978 года, в редакции от 1 ноября 1991 года, статьи 104 и 109, в особенности пункт 15 статьи 109. Текст действовавшей редакции. Различение ратификации международного договора и решения об изменении национально-государственного устройства — основание рассматриваемой конституционной проблемы. Авторский анализ не выдаётся за состоявшееся судебное решение о конкретной ответственности подписантов.

206. Протокол совещания глав независимых государств, Алма-Ата, 21 декабря 1991 года, о поручении командования Вооружёнными Силами

маршалу Е. И. Шапошникову до решения вопроса об их реформировании. Текст в комплекте документов; публикация документа в исторической хронике «Интерфакса». Протокол используется как свидетельство нового коллективного политического решения о командовании. Заявление Ельцина 8 декабря о поддержке министром его позиции рассматривается отдельно, по записи разговора с Бушем.

207. Алма-Атинская декларация от 21 декабря 1991 года. Полный текст и подписи; правовая база.

208. Постановление Верховного Совета Украины от 10 декабря 1991 года № 1958-ХІІ «О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств», оговорка к статье 6 соглашения. Русский текст; правовая публикация. Формулировка о создании собственных вооружённых сил используется для выявления различий в понимании будущего военного взаимодействия, а не как доказательство, что все вопросы военного раздела уже были решены 10 декабря.

209. United Nations. “Russian Federation.” Официальная справка о продолжении членства СССР. Письмо Б. Н. Ельцина генеральному секретарю ООН датировано 24 декабря 1991 года. Международное продолжение Российской Федерации не отождествляется с сохранением прежнего союзного государства во внутреннем конституционном и территориальном смысле.

210. Телевизионное обращение М. С. Горбачёва от 25 декабря 1991 года. Публикация в исторической хронике «Интерфакса». В главе используется объявление о прекращении деятельности на посту Президента СССР. Общая самооценка политики перестройки, содержащаяся в выступлении, не принимается в качестве независимого объяснения причин кризиса.

211. Декларация Совета Республик Верховного Совета СССР от 26 декабря 1991 года № 142-Н в связи с созданием Содружества Независимых Государств. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1991, № 52. Текст; правовая база. Указаны принимающий орган, дата и подпись А. Алимжанова. Констатация прекращения, предложения об урегулировании правопреимства и оценка конституционной процедуры разграничиваются.

20. MI5. September 2019 release of historical MI5 files. 24 September 2019. Официальная публикация о рассекреченных материалах. Подтверждены принадлежность Конона Молодого к КГБ, роли участников, многолетние передачи документов и аресты в 1961 году.

21. Bruton, Elizabeth. The Top Secret Portland Spy Ring. Science Museum, 24 September 2019. Материал к выставке разведывательной техники и рассекреченных документов.

22. Geoffrey Arthur Prime: Security Commission Report. Hansard, House of Lords, 12 May 1983, vol. 442, cols. 699-702WA. Официальное правительственное сообщение. Период работы в GCHQ, продолжение

передач до ноября 1981 года, оценка ущерба, проверки допуска и закрытые приложения.

23. MI5. The later Cold War. Официальная история. Работа Прайма отнесена к КГБ; отмечено сохранение контактов после операции FOOT благодаря организации встреч вне Великобритании.

53. IMF. The Russian Federation in Transition. 1994. Chapter II: Macroeconomic Imbalances and Three Systemic Shocks. Исследование МВФ. Оценки бюджетного дефицита, ухудшения условий торговли и внешнего долга; ретроспективная методика, не тождественная всем советским статистическим категориям.

54. Reforming the Soviet Economy. Finance & Development, 1991, vol. 28, no. 2. Публикация МВФ. Бюджет, антиалкогольная кампания, субсидии, кредитное финансирование и товарно-денежный дисбаланс. Оценка дефицита отличается от ряда, приведённого в исследовании 1994 года; ряды не объединяются.

55. CIA, Center for the Study of Intelligence. Watching the Bear. Chapter 5: Estimating Soviet Military Intentions and Capabilities. Ведомственное исследование. Ретроспектива американских оценок оборонной нагрузки и разногласий аналитиков. Не используется как источник бесспорной доли советских военных расходов.

56. IMF. The Context for the Implementation of Fiscal Policy. Глава исследования. Влияние энергетической конъюнктуры, чрезвычайных расходов, включая Чернобыль и землетрясение в Армении, и перераспределения доходов между центром и республиками. Отдельная численная оценка стоимости Афганистана в книге не приводится.

160. Bundesarchiv, Stasi-Unterlagen-Archiv. Die Stasi im Jahr 1989: Oktober 1989. Публикация архивных документов и комментариев. Разделы о Лейпциге 9 октября, докладах из Дрездена и настроениях военнослужащих. Документы и позднейший комментарий архива имеют разный статус.

161. European Court of Human Rights. Association “21 December 1989” and Others v. Romania. Applications 33810/07 and 18817/08. Judgment, 24 May 2011, §§ 12-19. Судебный акт.

167. Официальная биографическая справка «Чжао Цзыян (1919–2005)»; партийная хроника событий 1989 года. Справка НПКСК; Пекинский портал партийного образования. Подтверждаются лишение должностей в июне и обсуждение военного положения в мае; официальные политические квалификации не переносятся в авторский вывод.

168. National Security Archive. Tiananmen at 25 Years: Chinese Military Was Split over Bloody Suppression of 1989 Student Protests, DIA Reported. 3 June 2014. Публикация рассекреченных донесений (электронная публикация; активная ссылка снята). Донесения содержат

сведения разной надёжности, включая впоследствии опровергнутые слухи; из них не реконструируется дословно решение китайского Политбюро.

169. National Security Archive. Tiananmen Massacre 30th Anniversary. 4 June 2019. Обзор документальных публикаций (электронная публикация; активная ссылка снята). Применение армии, человеческие потери и ограничения американских наблюдений. Число погибших в книге не устанавливается.

147. Шебаршин Л. В. Рука Москвы: записки начальника советской разведки. М.: Центр-100, 1992. Вступительный фрагмент о кабинете после отставки; электронная публикация RuLit, страница 1. Короткая цитата передаёт авторский образ; биографическая последовательность проверяется по источникам примечания c21-shebarshin-bio. Из цитаты не устанавливается отдельная дата описанного момента.

184. «За всю службу ни одного письменного приказа в моих руках не было». Последнее интервью Виктора Карпущина Павлу Шеремету // Коммерсантъ Власть. 31 марта 2003. Электронная публикация: электронный источник. Приведены короткая прямая речь и пересказ собственного объяснения Карпущина; интервью не заменяет журнал прохождения приказов. Биографические неточности редакционного вступления о периоде командования «Альфой» в книгу не перенесены.

165. Bundesarchiv, Stasi-Unterlagen-Archiv. Die Stasi im Jahr 1989: November 1989. Архивная подборка. Документы и комментарий о правительстве Модрова, преобразовании MfS в AfNS и изменении подчинения. Позднейший архивный комментарий отделён от первичных документов.

166. Bundesarchiv, Stasi-Unterlagen-Archiv. Die Stasi im Jahr 1989: Dezember 1989. Архивная подборка. Документы и комментарий о занятии учреждений, контроле архивов и прекращении прежнего аппарата.

162. Deng Xiaoping. Address to Officers at the Rank of General and Above in Command of the Troops Enforcing Martial Law in Beijing. 9 June 1989. Selected Works of Deng Xiaoping, vol. III. Электронное воспроизведение английского перевода. Первичный источник о публичной позиции Дэн Сяопина после военного действия и дальнейшем курсе; переводчик электронной версии не установлен. Его политические квалификации не принимаются за нейтральное описание.

О полном издании

Полная редакция 4.7 содержит двенадцать справочных приложений, сводную библиографию, именной указатель и подробные комментарии к источникам. Читательское издание сохраняет основной аргумент, сравнительную главу, причины и развилки, матрицу ответственности и ссылки на документы. Разделы названы без сквозной нумерации подразделов.